

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артемов В. Н.** Институциональный человек: становление философской концепции 5
- Бокачев И. А.** Духовность как высшая жизнеутверждающая ценность 8
- Городнёва М. С.** Глобализация и феномен религиозного 13
- Игнатова М. П.** «Физики» и «лирики»: две культуры вчера и сегодня 17
- Ломако О. М.** Социальная философия Ханны Арендт: политика и этика 21
- Лукьяненко К. А.** Духовный потенциал художественного творчества: социокультурные риски 25
- Малкина С. М.** Аналитика постметафизического мышления у Ю. Хабермаса 31
- Орлов М. О.** Кризис духовной традиции в европейской культуре и основания социального коллапса: философский аспект 36
- Самойлова О. А.** Случайность в природе: единое и многое 40
- Тетюев Л. И.** Онтологические варианты трансформации трансцендентальной философии 44
- Филимонова О. Ф.** Эссе Номо: символические импликации структуры чувств 50
- Хвостова О. А.** М. Н. Катков и К. А. Фарнгаген фон Энзе о Пушкине 55

Психология

- Белых Т. В.** Интеллектуальная пластичность в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разным уровнем общей самоофективности 60
- Бочарова Е. Е.** Этнопсихологические особенности взаимосвязи субъективного благополучия и саморегуляции личности 65
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г.** Темпоральные аспекты психологической безопасности 70
- Ложкина Л. И.** Комплаенс как актуальная проблема медицинской психологии: теоретико-методологические аспекты 75
- Малышев И. В.** Взаимосвязь социализации и ценностных ориентаций личности в аспекте ее адаптированности у разных этносов Поволжья 81
- Лесин А. М.** Связь ценностной сферы с психологической структурой инициативности студентов 86
- Фролова С. В.** Приверженность своей стране в преломлении жизненных ценностей личности 91
- Романова Н. М.** Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность 96

Педагогика

- Богомолова М. И.** Проблема семьи и семейного воспитания в российском историко-педагогическом наследии 101
- Морковина А. Ю.** Гражданско-патриотическое направление как составляющая часть духовно-нравственной воспитательной работы в детско-юношеской библиотеке 105
- Павлова Н. И.** Формирование языковой компетентности как механизм социализации личности студентов, магистров и аспирантов в образовательном пространстве аграрного вуза 110
- Прошкин В. В.** Современные тенденции подготовки магистрантов педагогического образования 116
- Тимушкин А. В., Тимушкина Н. В.** Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья – новый профиль подготовки в рамках направления «Педагогическое образование» 121

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 27.08.2015.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,6 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 141-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета. 410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Artyomov V. N.** The Institutional Person: Developing a Philosophical Conception 5
- Bockachev I. A.** Spirituality as the Highest Value in a Person's Life 8
- Gorodneva M. S.** Globalization and the Phenomenon of Religious 13
- Ignatova M. P.** «Physicists» and «Lyricists»: two Cultures Yesterday and Today 17
- Lomako O. M.** Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects 21
- Lukyanenko K. A.** Spiritual Potential of Artistic Creation: Sociocultural Risks 25
- Malkina S. M.** Habermas' Postmetaphysical Thinking: an Analytic 31
- Orlov M. O.** Crisis Spiritual Tradition in European Culture and Causes of Social Collapse: Philosophical Aspect 36
- Samoilova O. A.** Chance in Nature: the One and the Multiple 40
- Tetyuev L. I.** The Ontological Variants of Transcendental Philosophy Transformation 44
- Filimonova O. F.** Ecce Homo: Symbolic Implications of the Structure of Senses 50
- Khvostova O. A.** M. N. Katkov and K. A. Varnagen von Ense about Pushkin 55

Psychology

- Belykh T. V.** Intellectual Plasticity within the Integral Individuality Structure in Students with Different Levels of General Self-Efficacy 60
- Bocharova E. E.** Ethnopsychological Peculiaraty of the Relationships of Subjective Well-being and Personal Self-regulation 65
- Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G.** Temporal Aspects of Psychological Safety 70
- Lozhkina L. I.** Compliance as an Actual Problem of Medical Psychology: Theoretical-Methodological Aspects 75
- Malyshev I. V.** Relation of Socialization and Value Orientations of a Personality in the Aspect of its Adaptability among Different Ethnics in Volga Region 81
- Lesin A. M.** Relationship between Value System and Psychological Structure of Students' Initiative 86
- Frolova S. V.** The Person's Commitment to Their Country from the Perspective of Individual Life Values 91
- Romanova N. M.** Kinds of Involvement of the Personality in Criminal Activity 96

Pedagogy

- Bogomolova M. I.** Problem of a Family and Family Education in the Russian Historical and Pedagogical Heritage 101
- Morkovina A. J.** Civil and Patriotic Direction as Part of the Spiritual and Moral Upbringing of the Youth Library 105
- Pavlova N. I.** Formation of linguistic Competence as a Mechanism for Socialization of the Personality of Graduates, Masters and PhD Students in the Educational Space of the Agricultural University 110
- Proshkin V. V.** Modern Tendencies of Training Masters of Pedagogical Education 116
- Timushkin A. V., Timushkina N. V.** Life Safety of People with Disabilities – a New Training Profile within the «Pedagogical Education» 121

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

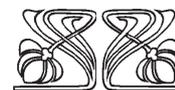
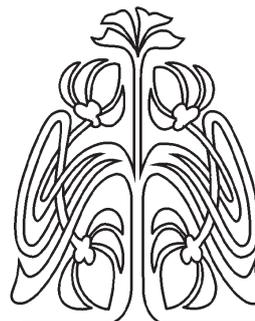
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

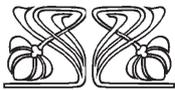
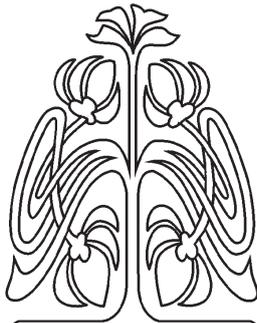
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

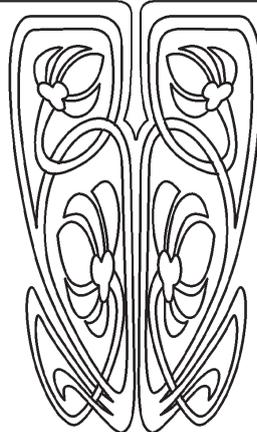
Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК: СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Артемов Владимир Николаевич –

кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета

E-mail: vladimir-artemov@list.ru

Статья посвящена становлению философской концепции институционального человека. Рассматриваются существующие научные теории институционального человека, анализируется возможность использования новых категорий и подчёркивается необходимость разработки новых концепций для описания социальных реалий современного мира. Осмысливается становление и направление развития философской концепции институционального человека как концепции соответствия социальных институтов целям и задачам социального развития. Рассматривается возможность выработки универсальной методологии для междисциплинарных исследования человека и анализа социального бытия дисциплинарными науками.

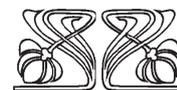
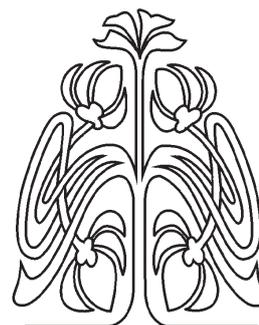
Ключевые слов: амбивалентность, бытие, социальная среда, социальное и жизненное пространство, институциональный человек, социум, концепция институционального человека, междисциплинарные исследования.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-5-8

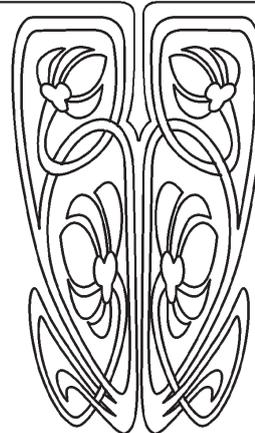
Крах эгоцентричной индивидуалистской методологии показывает, что для описания реалий современного мира оказываются недостаточными привычные категории социального мышления. В связи с необходимостью выработки новых концептуальных и методологических основ целесообразна дальнейшая разработка категориального аппарата и применение новых категорий. Используя их для исследования бытия, «философия формирует тот объём “общего” знания, в котором затем развиваются все научные направления» [1, с. 10].

На рубеже XX–XXI вв. «в отечественной научной литературе появляется понятие «институциональный человек»» [2, с. 26]. Так как «человек институционален по своему общественному происхождению» [3, с. 59], на новую социальную категорию, появившуюся в научной литературе, обращается внимание исследователей, и оно неслучайно, но вызвано закрепившимся игнорированием значимости человека как субъекта и объекта социальных процессов.

Появляются первые научные теории, в которых «институциональный человек, выделяясь как самостоятельная категория, в той или иной мере противопоставляется конструкту “Другого”» [4, с. 5] человека. В экономических исследованиях институциональный человек, противопоставляется «неоклассической модели индивидуального выбора, обобщённой в концепции “человека экономического”» [3, с. 12]. В философских исследованиях в «определённом теоретическом контексте антиподом ценностного человека выступает институциональный человек» [5, с. 174]. В процессе его осмысления появляются теории, в которых выделяются не только амбивалентные свойства, но

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

и двойственность институционального человека: «“человек экономический” уже содержит в себе “человека институционального”, рационализм первого стоит на фундаменте ценностей второго». [3, с. 13–14].

В дисциплинарных исследованиях также предпринимаются «попытки достижения органического слияния двух моделей человека – homo economicus и homo sociologicus» [6, с. 55]. Более того, в «контексте институциональной теории начинает формироваться конструкт институционального человека, претендующего на центральное место субъекта институционализма» [3, с. 6].

Развитие концепции институционального человека предполагает исследование социального пространства, того фундамента, опираясь на который выявляются смыслы многообразия в единстве и самость человеческой природы: «Тема положения человека в пространстве <...> возникает всякий раз, когда <...> структуры власти <...> не оправдывают наших ожиданий, поражают нас своей непредсказуемостью или отторгают наши обращения и действия» [7, с. 522].

Рассматривая институционального человека как продукт социального пространства, как элемент структуры социальной организации общества, вскрываются новые сущности социальной реальности. Становятся ясными причины появления «бунтующего человека». А. Камю: «Бунтующий человек <...> борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя» [8, с. 130].

При анализе институционального человека как концепт-конструкта социального пространства появляются границы социального и жизненного пространства. В этом случае человек институциональный, выражая смысл социальной организации, всегда остаётся конкретным человеком, но в жизненном пространстве социума могут появляться корпоративные образования с другой культурой. Чужеродные смыслы формируют в жизненном пространстве социума рискогенные сообщества, с локальными, жёстко регламентированными социальными субпространствами. Формальные признаки позволяют говорить о том, что человек социального субпространства тоже человек институциональный. Как конкретный человек он может быть участником преступной группировки, бюрократом, серой посредственностью системы. Но жизнедеятельность такого «институционального человека» несёт совершенно другие смыслы, поэтому академики РАН В. Л. Макаров и Ф. И. Шамхалов считают, «что “человека институционального” нельзя смещи-

вать с “человеком организации” или “корпоративным человеком”» [6, с. 53].

В 2005 г. в Волгограде вышла коллективная монография «Homo institutus – Человек институциональный» под редакцией доктора экономических наук О. В. Иншакова. Это исследование, расширяя существующие представления о взаимообусловленности человека и общества, закладывая фундамент исследования институционального человека, определяет вектор развития мысли в становлении новой концепции институционального человека.

Философский подход к пониманию человека предполагает выявление его сущности, раскрытие различных форм его бытия. Анализ системы человек – общество вскрывает комплекс методологических и концептуальных проблем исследования институционального содержания. Выясняя место человека в мире, философия подходит к пониманию проблемы: что такое человеческое в человеке и социальное в обществе? При ответе на эти вопросы осуществляется процесс понимания исторических смыслов общества.

Выделяя социальную сущность человека, В. Соловьёв проводит последовательную мысль о том, что общество есть расширенная личность: «Различные народности суть различные органы в целом теле человечества, – для христианина это есть очевидная истина» [9, с. 65]. Личность есть сжатое общество, т.е. подчёркивается, что человек изначально является существом личностно-общественным, институциональным.

Развитие концепции институционального человека предполагает возникновение методологии, открывающей новые горизонты в исследовании социальной реальности. Концепция институционального человека, дополнив систему человек – общество важной доминантой, знанием, наиболее полно отвечает смыслу проявления и функционирования социальной жизни в социальной среде. Влияние социальной среды на развертывание амбивалентных человеческих качеств анализируется Э. Фроммом в работе «Душа человека». Раскрывая столкновение интересов человека и общества, учёный показывает, что в действительности они оказываются инструментом воздействия социальных институтов на жизненное пространство человека. Общество может как содействовать раскрытию его потенциальных возможностей, так и подавлять их, отмечая, что «когда в человеке действуют противоречивые склонности, у него есть свобода выбора. Границы этой свободы определяются существующими реальными возможностями. Эти возможности детерминированы общей ситуацией» [10, с. 161].

Через концепцию институционального человека также прослеживается соответствие социальных институтов целям и задачам, интересам социального развития. В здоровом социуме антагонистического противоречия между личностью и обществом быть не может. Доступность образования, развитие культуры общества и внутренней культуры человека помогают рассматривать концепцию институционального человека как выражающую смысл устойчивого социально-эволюционного развития. «В массе своей “человек институциональный” предстает как человек политически “опривыченный” <...> Гораздо реже встречается другой тип “человека институционального”. Его следование стандартам и программам связано с отношением к ним как к инструменту решения индивидуально осознанных политических проблем <...> Именно деятельность этого типа людей связана с институциональной динамикой, воплощением проектов модернизации политических институтов. И в пассивной, и в активной своей роли “человек институциональный” предстает как политически предсказуемый субъект, чуждый любых форм экстремизма или политического эскапизма. Немаловажно и то, что обе отмеченные позиции в институциональном пространстве в разной мере, но открывают простор для проявления существенных черт человека, индивидуальности, активности и инициативы» [7, с. 536–537].

Институциональный человек есть та философская категория, которая выражает соответствие социально-политических институтов интересам, целям и задачам исторического развития. Раскрываясь в качестве носителя ценностей культуры и знания, человек институциональный, как социальный барометр, отражает стабильность социально-политической системы и векторное единство развития интересов населения и правящих элит.

Философская концепция институционального человека делает понятными и доступными для осмысления как механизмы взаимодействия, так и законы социальной диалектики. Показывая взаимообусловленность и диалектику развития культуры, материального производства и социально-политической организации общества как системы развития духовных и материальных ценностей, концепция институционального человека предполагает становление универсальной междисциплинарной методологии для анализа социального бытия дисциплинарными науками: социологией, политологией, правоведением, политической экономией.

Список литературы

1. Артемов В. Н. Основы новой философии // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (21). Ч. 3. С. 10–13.

2. Артемов В. Н. Институциональный человек : от общества риска к обществу знания. Саратов, 2014. 166 с.
3. Иншаков О. В. «Человек институциональный» – субъект социально освященного действия // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 9–87.
4. Артемов В. Н. Типологические интерпретации и противоречия функционирования институционального человека // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 5–9.
5. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски : ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. 184 с.
6. Макаров В. Л., Шамхалов Ф. И., Нургалиев Р. Г. «Человек институциональный» в интеллектуальной и исторической спирали // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 23–58.
7. Стризов А. Л. Человек и политические институты : опыт философско-социологического анализа // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 522–539.
8. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М., 1990. 415 с.
9. Соловьёв В. С. Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 688 с.
10. Фромм Э. Душа человека. М., 1998. 664 с.

The Institutional Person: Developing a Philosophical Conception

V. N. Artyomov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marks str., Balashov, 412300, Saratov region, Russia
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

The paper is devoted to the formation of the philosophical conception of the institutional person. The paper considers the existing scientific theories of the institutional person, analyses a possibility of using new categories and stresses a necessity for working out new conceptions of the description of social reality of the modern world. The formation and direction for the development of the philosophical conception of the institutional person as a conception of the correspondence of social institutions to the purposes and tasks of social development are conceptualized. We consider a possibility of working out a universal methodology for an interdisciplinary investigation of the person and an analysis of the social being by interdisciplinary sciences.

Key words: ambivalence, being, social being, social and living space, institutional person, society, conception of institutional person, interdisciplinary investigations.

References

1. Artemov V. N. Osnovy novoy filosofii (The basics of new philosophy). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie.*

- Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical political and juridical sciences, culturology and art criticism. Issues of theory and practice). 2012, no. 7 (21), part 3, pp. 10–13.
- Artemov V. N. *Institutsionalnyy chelovek: ot obshchestva riska k obshchestvu znaniya* (The institutional person: from risk society to knowledge society). Saratov, 2014. 166 p.
 - Inshakov O. V. «*Chelovek institutsionalnyy*» – *subekt sotsialno osvyashchennogo deystviya* (The «institutional person» – a subject of a socially blessed action). *Homo institutius - chelovek institutsionalnyy. Pod red. O. V. Inshakova* (Homo institutius – The institution person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 9 – 87.
 - Artemov V. N. Tipologicheskie interpretatsii i protivorechiya funktsionirovaniya institutsionalnogo cheloveka (The typological interpretations and contradictions of the functioning of the institutional person). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), 2013. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss 4, pp. 5–9.
 - Ustyanec V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski: tsennostnyy i institutsionalnyy aspekty* (Man, living space, risks: axiological and institutional aspects). Saratov, 2006. 184 p.
 - Makarov V. I., Shamxalov F. I., Nurgaliev R. G. «Chelovek institutsionalnyy» v intellektualnoy i istoricheskoy spirali (The «institutional person» in an intellectual and historical spiral). *Homo institutius – chelovek institutsionalnyy. Pod red. O. V. Inshakova* (Homo institutius – The institution person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 23–58.
 - Strizoe A. I. Chelovek i politicheskie instituty: opyt filosofsko-sotsiologicheskogo analiza (Man and political institutions: an experience of a philosophical and sociological analysis). *Homo institutius – chelovek institutsionalnyy. Pod red. O. V. Inshakova* (Homo institutius – The institution person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 522–539.
 - Camus A. *L'Homme revolte*. Paris, 1951. 415 p. (Russ. ed.: Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow, 1990. 415 p.).
 - Solovev V. S. *Soch.:* v 2 t. (Works: in 2 vol.). Moscow, 1989. Vol. 1. 688 p.
 - Fromm E. *Die Seele des Menschen: ihre Fähigkeit zum Guten und zum Bösen*. Frankfurt/M; Berlin; Wien; Ullstein, 1981. 664 s. (Russ. ed.: Fromm E. *Ducha cheloveka*. Moscow, 1998. 664 p.).

УДК 130.3

ДУХОВНОСТЬ КАК ВЫСШАЯ ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ ЦЕННОСТЬ

Бокачев Иван Афанасьевич –

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: Irinanez @yandex.ru

Духовность в статье представлена в качестве высшей жизнеутверждающей ценности и онтологического основания бытия человека. Обосновывается идея, что процесс увеличения духовности в человеке не является автоматическим, не зависящим от воли и желания субъекта. Наоборот, он предполагает определенные усилия и «внутренний подвиг» на пути духовного развития и творческого культивирования духовных состояний человека. Делается вывод, что духовность – особый процесс, который в своей основе не отделен от существования человека и происходит в условиях реальной действительности. Духовность содержит исключительно внутреннюю данность, которая конкретно прописана тому или другому индивиду. Она целостна, едина и вечна, как и вечна на Земле её единственный носитель – Человек.

Ключевые слова: духовность, нравственность, культура, личность, человек, качество, количество, гуманность, светская духовность, религиозная духовность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-8-12

Современный человек живет в мире, где нравственное и духовное повсеместно подменяются социальным и рациональным. В результате за социорациональным обликом человека все чаще

и чаще обнаруживается зияющая пустота безнравственных, бездуховных, оторванных от бытия интенций. Становится очевидным, что решение колоссальной по своей сложности задачи сохранения человеческой сущности нельзя себе представить без изменений самого человека, без его глубоких духовно-нравственных преобразований. В данном аспекте проблема духовности человека выступает в качестве приоритетной.

По-видимому, неслучайно сегодня понятие «духовность» наряду с такими терминами, как «душа» и «душевное», «дух» и «духовное», играют все более зримую роль. Мы практически ежедневно встречаемся с людьми душевными и равнодушными, мы всегда даем высокую оценку богатому духовному миру индивида и выражаем свою обеспокоенность проявлением бездуховности отдельных людей, мы совершенно по-разному реагируем на великодушие и малодушие человека, которые он проявляет в сложных и противоречивых жизненных ситуациях.

В современной литературе, в том числе и философской, существует дискурс духовного фактора созидания, духовного развития, духовного богатства, духовного роста, духовной культуры, духовного освоения объективной реальности. К многообразным видам деятельности людей исследователи относят не только материальную, производственную, социально-политическую, но и духовную деятельность. Среди задач, которые стоят перед художественным творчеством, К. С. Станиславскому виделась главная: воплощение «жизни человеческого духа». А. Шопенгауэр еще в XIX в. остроумно заметил, что отрицание души свойственно философии человека, который забыл взять в расчет самого себя. С. Л. Франк, сопоставляя материальную реальность и реальность духовную, полагал, что «первичной» является реальность духовная.

В человеческом социуме духовность возникла на ранних этапах исторического становления и присутствует в нем как жизнеутверждающий идеал благоговения перед жизнью. Только благодаря духовности как онтологическому основанию бытия людей стало возможным зарождение человека, его эволюция на пути от животного состояния до существа, которое было способно превратить «животные радости» в «человеческое счастье». Сегодня практически невозможно представить и процесс эволюционного развития общества без и вне духовности так же, как и человека без духовно-нравственных качеств, состояний и намерений. В мире не существует более универсального критерия измерения онтологической истинности бытия человека, чем духовность: «Без духа и вне духа мы не имеем истинного бытия, а остаемся, по словам Гоголя, “существователями”» [1, с. 307]. Духовный апокалипсис страшнее всемирного потопа: спасения не будет никому. Именно духовность предстала перед человеком в качестве механизма его жизнеутверждения и гаранта сохранения и продолжения человеческого рода.

Так что же собой представляет духовность? Каковы ее смысл и содержание? Современная наука разделяет духовность светскую и религиозную, исходя из того, что она не только является творением Божественного Духа, но и составляет основу человеческого духа. Светский подход к пониманию духовности, как правило, соотносится со сферами морали, науки и искусства. Его сторонники полагают, что человек, связавший себя и свою жизнь с познанием мира, с творением художественных ценностей и приобщением к ним, является образцом нравственного поведения. Такому человеку присущи черты духовности. Вне всякого сомнения, все перечисленное соотносится с духовностью, без этих качеств она не может

существовать и не может быть сформирована. Вместе с тем одностороннее утверждение рационализма, особенно его позитивистски-сциентистского толка, явно недостаточно, чтобы определить духовную культуру личности, ее духовность.

Религиозная духовность обычно соотносится с верой. Однако и здесь было бы неверно отождествлять духовность только с религиозностью. В таком случае мы отлучили бы от духовного развития значительную часть человечества, сузили и обеднили бы сам термин «духовность». И. Кант считал, что вера не имеет объективного основания, ее признание можно обосновать лишь субъективно.

Вне всякого сомнения, духовность, основанная на вере, существенно отличается от духовности, основанной на разуме: «Прежде всего, эта разница состоит в том, что разумная духовность может быть обоснована, объяснена научно, доказательно, логически строго и понятно, тогда как присущая религиозной, то есть иррациональной, противоразумной вере духовность не может быть объективно обоснована и объяснена» [2, с. 23]. Однако здесь сразу же следует оговориться: непроходимой грани между светской и религиозной духовностью не существует. Исторический опыт свидетельствует, что попытка искусственно отгородить человека от Бога всегда приводила к духовно-нравственному оскудению человека, перерождению сущностных основ духовности.

Духовность человека является не просто одной из многочисленных его характеристик – измерением человеческого в человеке, а конструирующим началом, ибо именно духовность делает человека человеком. Духовность, образно говоря, это горящий светильник, благодаря которому озаряется внутренний мир человека и облегчается его поиск пути в самой сложной и противоречивой ситуации. Н. А. Бердяев писал, что без духовности «нельзя нести жертвы и совершать подвиги». Обретая духовность, человек начинает осознавать ответственность не только перед собой, но и перед людьми, перед миром в целом. Сущность духовности, пишет А. В. Разин, «сводится не к молитве, а к помощи ближним и дальним, к милосердию, общественно полезной деятельности» [3, с. 67].

Человек, будучи духовно состоятельным, раз и навсегда порывает с примитивными воззрениями на свое повседневное бытие. Им движет личная заинтересованность в справедливости и красоте, в поиске смысла жизни и своего места в ней, в определении критериев добра и зла, в соответствии с которыми человек оценивает людей и события, формирует мотивы поведения в согласии или противоречии с общечеловеческими принципами

морали. В контексте данных рассуждений можно заключить, что духовность есть интегративное качество, определяющее сферу смысложизненных ценностей, характеризующее содержание и направленность бытия человека, и «образ человеческий» (Л. П. Бueva) в каждом индивиде.

Важно также учитывать, что в сфере духовной жизни человек осуществляет осмысление и выбор ценностей, целеполагание не просто на основе знаний, полученных из учебников, «архивов» культуры, но и в процессе осмысления и переживания своего жизненного опыта. При этом важно заметить, что смысл жизни может быть выстрадан или пережит в радостях и страстях собственного жизненного пути, а может, к сожалению, быть обретен лишь в итоге, когда уже не осталось времени и сил для его реализации. Поэтому и осмысление жизни может быть весьма сложным, противоречивым и даже трагичным, если человек не смог вовремя определить свое место в жизни, не нашел свой жизненный путь, не оценил реально свои возможности, не стал «хозяином» своей судьбы. Переживание судьбы, по мнению Л. П. Буевой, «дает динамическое, энергетическое начало поиску знаний и ценностей» [4, с. 5]. И здесь вполне справедливым будет утверждение, что содержание духовности как определенное качество бытия человека интегрирует мысль, знание и чувства, переживания с действием и поведением. Вне перечисленного нельзя говорить о внутреннем, духовном мире человека, о духовности в целом.

Духовность в онтологической данности можно представить и как истинно положительную характеристику человеческого бытия в его ориентации на высшее проявление своего «Я». Речь идет о первенстве высших смысложизненных и общечеловеческих значений, с помощью которых и благодаря которым человек стремится преодолеть сферу субъективного «для-себя-бытия», возвыситься над ним и обрести новые бескорыстные отношения с окружающим его миром, установить с ним контакт через восприятие, переживание и постижение. В. А. Лекторский считает, что духовность всегда, так или иначе, связывается с выходом за пределы своекорыстия, мелочного расчета, эгоистического интереса и личной пользы. Она предполагает, что смысложизненные ориентиры личности и ее цели глубоко укоренены в систему надындивидуальных ценностей [5, с. 31].

Процесс осознания своего внутреннего «Я» является важнейшим аспектом духовного становления и преобразования индивида. Однако, как известно, человек не может замыкаться только в себе и на себя, его душа постоянно ищет выход из своего «Я». Перед ним в таком случае распахи-

ются безграничные пространственно-временные дали, окружающий мир, постоянно взывающий к коммуникации. В свете соответствия существования сущности изменение осознания подлинного «Я» представляет собой ту огромную силу, которая способна вдохновлять человека на его духовном поприще. Однако стать истинным субъектом духовности, обрести себя человек может, лишь выйдя за пределы своего повседневного узко эмпирического бытия. Для этого ему необходимо реализовать свою истинную сущность посредством возвращения в себе духовности как единственной опоры, способствующей избавлению от бессмысленного и брэнного материально-животного существования.

Речь идет о том, что подлинная духовность обладает свойством не замыкаться в себе, не изолировать себя от окружающих людей и мира в целом, но предполагает постоянное стремление к расширению духовного пространства общества. Духовность всегда выражается в динамике, в постоянном обновлении «духовного поля» (Н. Коваль), в развитии и способности очищаться от стереотипов и ограничивающих точек зрения, от собственного несовершенства. Как считает М. М. Бахтин, «человеческое содержание выплескивается в контексте жизни каждого человека, даже если он не отдает себе отчета в этом» [6, с. 123]. Для духовности характерно изливание, постоянное расширение пространства духовно-нравственного взаимодействия. Стремление высказать свою точку зрения, «опредметиться» (А. Я. Канапацкий) и тем самым освободить себя от огромной энергии духа позволяет сравнивать духовность с источником излучения и постоянной генерации энергии.

Процесс накопления духовной энергии, который чередуется с ее постоянным «выбросом», представляет собой своего рода внутренний механизм работы духа человеческого. Вполне определенно можно утверждать: каждая духовно богатая личность – это своеобразный центр накопления духовности, и чем она содержательнее и духовно богаче, тем активнее излучает духовность и, как следствие этого, шире сфера ее воздействия на окружающих и на все общество в целом. Однако здесь вполне правомерно поставить вопрос: можно ли вести речь о «регулировании» духовности, о «норме ее накопления» в том или ином человеке? Не имея категорических возражений против попыток осмысления духовности посредством анализа предметного содержания деятельности человека и его способности сознательно управлять самим собой, следует заметить, что овладение этим механизмом управления может иметь духовно-нравственную задачу (например:

приспособление к новым социальным условиям, адаптация к реальной действительности бытия, зависимость от жесткого материального состояния и т.п.). Поэтому духовность следует, по-видимому, рассматривать как управление человека самим собой для достижения максимальной независимости от складывающихся условий, с целью сопротивления и активного воздействия на них с помощью смысложизненных ценностей и идеалов.

В онтологической данности духовность в человеке не меняется по качеству, она может увеличиваться только количественно. Количественные изменения духовности в бытии человека обязательны, их следует рассматривать как стремление к духовности. Они не влияют на качество духовности и в то же время способствуют аккумуляции духовных интенций, динамизации их реализационной силы и обуславливают ускорение воплощения непосредственно духовности в жизни и деятельности человека. Процесс увеличения духовности в человеке не является автоматическим, не зависящим от воли и желания субъекта, наоборот, он предполагает определенные усилия и даже «внутренний подвиг» (А. Е. Канапацкий) на пути творческого культивирования духовного состояния человека. Ценность духовности, как нам представляется, определяется не ее количеством, а качеством. Если в количестве выражается объем духовности или энергоинформационная емкость, духовный потенциал, то качество духовности является постоянной величиной, объективность ее ценности абсолютна.

Неотъемлемой чертой духовности всегда был и остается гуманизм. Подлинно гуманными считаются такие отношения между людьми, когда один человек относится к другому как к себе, а к себе – с точки зрения других. Гуманность в этом контексте проявляется не столько в качестве какой-то системы раз и навсегда данных предписаний (речь не идет и о «моральной арифметике»), сколько в способности и умении сопереживать чужой боли как способе утверждения бытия других людей, включенности этого бытия в мое бытие, а моего бытия – в бытие других.

По мнению Л. П. Бугеовой, «стержневыми характеристиками, вокруг которых концентрируется гуманистический смысл духовности, являются: вера, надежда и любовь. И София – мудрость жизни» [4, с. 5]. О гуманистичности духовной культуры человека, о его духовном «стержне» в какой-то мере можно судить по анализу ответов на вопросы: кому верит человек? Богу, государству, обществу, другому человеку, самому себе? Как все это соотносится с его духовным само-

определением? На что и на кого он надеется? На общество, друзей, соседей, на обстоятельства, случай, на Бога, на самого себя или на судьбу? Кого и что он любит? Мир в себе или себя в этом мире? Несмотря на то, что ответы на эти и другие вопросы имеют непосредственное отношение к самым сокровенным, глубинным истокам духовного мира человека, но до сих пор отсутствуют социологические и социально-психологические исследования данной проблематики, нет и систематизированных данных, если не учитывать косвенные, имеющие отношение к характеристике ценностных ориентаций. Однако и в них, к сожалению, отдается приоритет «материальным ценностям», а культурные же и духовно-нравственные определяются, как правило, уровнем образования, количеством прочитанных книг или посещением музеев, театров, библиотек, кино.

Духовность лишена всякой мистики, хотя и хранятся в ней многие тайны. Одна случайная встреча удивительным образом может преобразить и облагородить внутренний мир человека, сделать его более открытым и чистым. Онтологическая поступательность духовности имеет постоянное приложение, смысл и содержание которого не подвержены изменениям ни с завершением данной эпохи, ни со сменой господствующих режимов, ни с появлением на политическом Олимпе нового государственного деятеля, ни даже с изменением общественной морали. Духовность целостна, едина и вечна, как и вечен на Земле ее единственный носитель – Человек.

Духовность можно представить и как явление, где взаимодействуют сущее и возможное. Сущее при этом выступает в качестве возможного, а возможное – в качестве сущего. Интеракция этих компонентов во многом характеризует онтологическую наполненность процесса духовного самоопределения, который можно рассматривать как итог выбора вероятностной модели бытия или закономерный результат трансцендентального восхождения и экзистенциального размышления, имеющих самое непосредственное отношение к осмыслению человеком своего бытия и «встречи с самим собой». Вся информация, собранная человеком в течение жизни, его опыт преобразуется в нравственные и духовные силы, причем устремления переходят в способность их реализации, а уроки всех совершённых ошибок становятся достоянием осторожности и предвидения, пережитые страдания претворяются в выдержку и терпение, а вся сумма опыта – в качественное переосмысление ценностей на основе духовности и нравственности.

Духовность, будучи явлением онтологическим, в высшей степени аксиологична: она представляет собой вселенский кладезь ценностей. Духовное, в некотором смысле, – абсолютная ценность, аккумулирующая в себе все «царство ценностей» Вселенной. Перед человеком, вставшим на путь духовной трансформации и развития, открываются возможности приобщения к духовным ценностям, которые могут реализоваться в его делах, поступках и отношениях к окружающей действительности. Происходящая в современном обществе переоценка ценностей еще более высвечивает проблему духовности и поднимает ее на качественно иной уровень.

Таким образом, духовность следует рассматривать как весьма сложный и многоаспектный онтологический феномен, который по праву должен занять приоритетное место в категориальном философском ряду. Духовность важно понимать и как особый процесс, который неразрывно связан с существованием человека и происходит в рамках наличной реальности. Однако было бы неверно отождествлять ее с реальным бытием. Духовность – это особое измерение существования человека, она включает в себе всю его жизнь в содержательной и смысловой направленности на свою бытийственную истинность. Духовность не только дифференцирует, но и отражает структурную системную связь между внутренним духовно-нравственным миром человека и окружающим его миром. Духовность для человека – это и фактор и форма его самоидентификации и роста самосознания. Она не сводится к чистым идеям, духовность по своему существу является качеством жизни человека, т. е. согласованием чистоты его помыслов с готовностью действовать в направленности на высшие проявления человеческого «Я».

При всех зигзагах трансформационных процессов современного общества хочется надеяться, что человечество выберет правильную траекторию движения на пути одухотворения и гуманизации отношений между людьми, утверждения системы общечеловеческих ценностей, признания ведущей роли духовности как одного из главных факторов стабильного развития российского общества.

Список литературы

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. 432 с.
2. Гумницкий Г. Н. О понятии духовности // Философия и общество. 2011. № 3. С. 21–37.
3. Разин А. В. Онтологические основы морали в сознании современного общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. Т. 4. С. 58–79.
4. Буюева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопр. философии. 1996. № 2. С. 2–6.
5. Лекторский В. А. Духовность, художественное творчество и нравственность // Вопр. философии. 1996. № 2. С. 30–35.
6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 119–124.

Spirituality as the Highest Value in a Person's Life

I. A. Bockachev

North Caucasus Federal University, Stavropol
1, Pushkina str., Stavropol, 355009, Russia
E-mail: Irinanez @yandex.ru

The article describes spirituality as the highest value and the basis of the existence of a person. The key point of the article is that the process of becoming a spiritual person doesn't happen all on its own and doesn't depend on the subject itself. On the contrary, this process requires a certain amount of efforts to happen and even an inner heroic deed of person, seeking for a spiritual and cultural growth. The conclusion is that the spirituality is a unique process which can't be viewed separately from the existence of a person. Moreover, this process is not an opposite of such existence as it goes on in a current reality. The spirituality contains only inner entity, which is specifically articulated to one or another individual. This entity is integral, unitary and as everlasting as its only bearer – the human being.

Key words: spirituality, morality, culture, person, human being, quality, quantity, humanity, secular spirituality, religious spirituality.

References

1. Ilin I. A. *Put k ochevidnosti* (Understanding the obvious). Moscow, 1993. 432 p.
2. Gumnitskiy G. N. *O ponyatii dukhovnosti* (The concept of spirituality). *Filosofiya i obschestvo* (Philosophy and society), 2011, no. 3, pp. 21–37.
3. Razin A. V. *Ontologicheskie osnovy morali v soznanii sovremennogo obschestva* (Ontological basics of morality in modern society). *Vestn. Mosc. un-ta* (The Moscow University Herald). Ser.7. Philosophy, 2004, no. 4, pp. 58–79.
4. Bueva L. P. *Dukhovnost i problemy npravstvennoy kul'tury* (Spirituality and the problems of ethics). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1996, no. 2, pp. 2–6.
5. Lektorskiy V. A. *Dukhovnost, hudozhestvennoe tvorchestvo i npravstvennost* (Spirituality, art and morality). *Voprosi Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1996, no. 2, pp. 30–35.
6. Bakhtin M. M. *Avtor i geroj v esteticheskoi deistvitel'nosti* (The author and the hero from the point of view of morality). *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Esthetics of verbal art). Moscow, 1986, pp. 119–124.

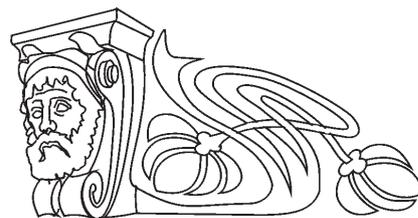
УДК 140.8

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО

Городнёва Марина Станиславовна –

кандидат философских наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и лингвистики,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.

E-mail: gorodnevams@gmail.com

В статье исследуется проблема соотношения глобализации и феномена религиозного в современную эпоху. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики возникающих противоречий в религиозном сознании под воздействием глобализационных процессов. Глобализация рассматривается как комплексное явление, включающее в себя совокупность многих элементов социальной реальности. Открытость и массовость позволяют формировать религиозную идентичность опосредованно от национальной и культурной составляющих. Таким образом, массовые формы религиозности превращаются в один из продуктов, транслируемых обществом потребления. Проводится различие между «формальной религиозностью» как неким продуктом и личным переживанием сакрального, лежащим в основе любого духовно-религиозного действия. Автор исследует тенденции религиозного формализма и утилитаризма, возникающие как следствие трансформации традиционных форм религиозности.

Ключевые слова: религиозное сознание, глобализация, секуляризация, атеизм, самоидентификация, постмодерн, индивидуализм, религия, плюрализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-13-16

В третьем тысячелетии человечество вступило в новую эпоху «под знаменем» глобализации. Существует множество исследований, посвященных данной тематике, осмысляющих специфику социальной реальности в происходящих процессах и дающих некие прогнозы. Например, современная социология активно применяет для анализа социальных процессов концепции глобализации [1, с. 351]. Согласно И. Валлерстайну, глобализация лишила государства суверенности, человека – возможности сопротивляться правилам рынка, аннулировала право на культурную автономию, поставила под серьезное сомнение стабильность нашей идентичности [2].

Большинством авторов глобализация понимается как явление экономическое и политическое, иногда исследуется культурная глобализация, однако в гораздо меньшей степени изучен пласт, связанный с процессами, протекающими в религиозной сфере. «Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне» [3, с. 36].

К началу XXI в. глобализация перестала быть только предметом теоретических споров и

политических дискуссий, она стала социальной реальностью, обладающей следующими параметрами:

- интенсификацией трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей;
- исторический период (историческая эпоха), наступивший после завершения холодной войны;
- трансформацией мировой экономики, направляемой анархией финансовых рынков;
- триумфом американской системы ценностей, обеспеченным комбинацией нелиберальной экономической программы с программой политической демократизации;
- ортодоксальной идеологией, настаивающей на неизбежной кульминации мощных тенденций работающего рынка;
- технологической революцией с многочисленными социальными последствиями;
- неспособностью национальных государств справиться с глобальными проблемами (демографическими, экологическими, прав человека и распространения ядерного оружия), требующими глобальных решений [4, с. 529].

Можно выделить нечто общее в стратегиях глобализации:

- тенденцию становления единого, глобального;
- противоположную, столь же объективную тенденцию локализации обществ;
- наличие альтернативных стратегий и сценариев глобализации;
- нарастание процессов цивилизационного противостояния и, как выражение этого, усиление роли религиозного фактора во взаимодействии обществ, а также изменение роли национальных государств [2, с. 184].

Таким образом, глобализация представляет собой комплексное явление, которое, помимо прочего, интенсивно воздействует и на религию, религиозное поведение, мышление. С другой стороны, религия, связанная с традиционными институтами, ценностями, мировосприятием, должна реагировать на современные глобализационные процессы. С развитием новых технологий и средств коммуникации глобализация усиливает свои позиции. В сфере религиозно-со-

циального она конструирует некий религиозный «глобал-маркет», функционирующий по рыночному принципу свободы предложения и выбора. В этом отношении можно говорить о наличии религиозного продукта. «Индивидуализм общества потребления качественно отличается от индивидуализма эпохи Возрождения или прочих его исторических форм. Его можно характеризовать как гедонистический, обывательский, массовый» [5, с. 62]. Однако, с другой стороны, современный человек имеет возможность и право формировать свою идентичность безотносительно к религиозной и этнокультурной принадлежности, территориальному расположению.

Детерриториализация религии – это логическое следствие происходящего. В нашу эпоху религия опосредованно связана с местом возникновения и территориальной локализацией, она становится все более транснациональной, что приводит к ее функционированию поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ [1, с. 352]. Любая из существующих религий в современных условиях способна найти последователей там, где исторически их никогда не было, и лишиться их в своих традиционных регионах [6, с. 107]. Современная глобальная религиозность – американизованная по происхождению и во многом содержательно протестантская. Субъектом выбора становится отдельная личность, в онтологическом ключе смысл глобальной религиозности ориентирован на индивидуальную реализацию с высокой степенью вовлеченности.

Вестернизация и модернизация усиливают процесс секуляризации, нивелируются традиционные религии и культуры. Учёные, придерживающиеся этой точки зрения, трактуют глобализацию негативно по отношению к религии. Не следует отрицать реальности процесса секуляризации, однако необходимо признать активное участие религиозной сферы в глобализационных процессах: секуляризация и религиозная динамика взаимосвязаны и взаимозависимы.

Согласно М. Ризебротту, религиозность доминировала в сфере экзистенциальных рисков, возникающих от невозможности контролировать процесс и результат некоторых областей человеческой практики [7]. С ростом науки и техники область контроля расширяется, что обусловило возрастающую секуляризацию. Указанные тенденции актуализировались не только в повседневной трудовой практике, но и в политике; религиозные учения, дающие трактовку глобальной исторической динамики, частично замещались и смешивались с национально-политическими версиями, при этом теряя свой метаисторический контекст.

Ориентация западной цивилизации на конформизм вызвала ряд экзистенциальных проблем, связанных с прагматической направленностью и техногенной доминантой бытия индивида в рамках данной культурной формы. Примат «эффективности», «целесообразности» и «прагматичности» повсеместно вытесняет основы религиозной этики из экономики и политики: «Эти процессы объективно снизили значение религии в различных аспектах человеческой жизни и резко ограничили ее влияние сферой индивидуальных духовных потребностей» [7, с. 107].

Однако то, что дало опору секуляризации, породило новую волну экзистенциальных рисков, связанных с превалирующим технико-технологическим господством человека над природой. Попытка преодоления возникшего экзистенциального вакуума сокрыта в феномене «возрождающейся религии». В этой связи секуляризация и религиозный ренессанс диалектично взаимосвязаны.

Эпоха глобализации неизбежно приводит к осязаемым метаморфозам религиозного сознания. Информационная и культурная открытость, не специфичная для традиционного типа общества, делает невозможным абсолютное доминирование той или иной религиозной доктрины в сознании индивида. Даже при ортодоксальном воспитании субъект не может быть полностью изолирован от внешних влияний. Такая открытость создает новую степень индивидуальной свободы в вопросах религиозного, не доступную в традиционном обществе. Благодаря современным средствам коммуникации интеграция человека в общечеловеческую культуру приобретает всесторонний характер: «Новые средства коммуникации порождают новую конфигурацию субъекта, отличительной чертой которого является децентрация, а в пределе – всеприсутствие» [7, с. 108].

Современное религиозное сознание противоречиво, многие противоречия существовали в различных исторических ситуациях, среди них: противостояние материализма и идеализма, выраженное в дихотомии атеизма и религиозности; между верой и разумом; между опытом и догматикой. В глобализирующемся социуме наиболее актуальны такие функции религии, как идеологическая и экзистенциально-психологическая (компенсаторная). Реализуя их, религия становится средством обретения культурной идентичности через конфессиональную самоидентификацию и является внутренней составляющей мировоззрения, отражающей специфику проявления религиозного чувства [5, с. 63].

Современность плюралистична, эпоха пост-модерна заставляет субъекта отказаться от четких рамок, ориентиров, догм той или иной традиции, отсутствуют четкие ориентиры в том, что истинно или ложно, верно или неверно и т.д. В данной ситуации религия способна стать способом самоидентификации не только конкретного индивида, но и массового сознания.

Одним из вариантов заполнения идеологического вакуума может стать религия, продуцирующая в широкие социальные пласты так называемую «формальную» религиозность. Она основана на глубоком равнодушии к вопросам религии, веры и духовного совершенствования при демонстративном соблюдении культовой стороны [8, с. 103–104]. С точки зрения американского ученого Ф. Фукуямы, подобный тип религиозной практики «полезен для сообществ». Люди обнаруживают, что «их жизнь беспорядочна, что их детям нужны ценности и нормы или, что они изолированы и дезориентированы; они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [9, с. 327].

Отличительной чертой традиционной религиозности является этнопсихологическая самоидентификация личности с историческим самосознанием народа, несмотря на изначально надэтнический характер исповедуемых религий, будь то христианство, ислам или буддизм [8, с. 104]. Идентичность с культурой, народом, религией дают человеку ощущение стабильности социальной жизни, что передается из поколения в поколение. Однако с развитием научного знания основы религиозного мирозерцания изрядно размылись. Более того, в условиях глобальных изменений и процессов разрушается сама основа традиционной религиозности – этнокультурная и психологическая целостность бытия больших коллективов, утрачивается связь поколений. Иными словами, принадлежность к конкретной религиозной традиции и сама конфессиональность становится личным выбором каждого.

Тема «формальной» религиозности становится актуальной в связи с противостоянием севера и юга, борьбой деноминаций внутри ислама, однако следует понимать, что «формальная» религиозность не всегда связана с фундаментализмом и разного рода конфронтациями. Проявление «формальной» религиозности в современной глобальной культуре России наглядно представлено в увеличении числа прихожан в храмах традиционных конфессий, однако, по мнению Д. Белла, религия переживает расцвет везде, кроме западной Европы [10, с. 77].

Безусловно, глобализация представляет собой противоречивый процесс. В отношении феномена религиозного глобализация действует двояко: она несет в себе как унифицирующие тенденции, так и стратегии поиска новых форм проявления традиционного, отсюда следующие дихотомии: традиционная религиозность – религиозность как личное чувство. Первое основано на авторитете и подчинении, второе укоренено в индивидуализме и либерализме. Из этого логично следует противоречие между тенденцией к унификации сознания конфессионально ориентированных индивидов и индивидуализации религиозных представлений каждого верующего. Обостряется этот факт, с одной стороны, ростом самостоятельности мышления, духовной независимости, доступности информации, а с другой – проявлением конформизма в связи с поисками культурной идентичности [5, с. 65]. Впервые в истории появляется возможность передать всему человечеству универсальную суть каждой религиозной традиции, проявить их структурные и концептуальные особенности, сопоставить и предоставить индивиду выбор доктрины той или иной веры.

Таким образом, перед гуманитарной наукой стоит задача выработки светских оснований, являющихся общечеловеческими объединяющими началами для всех религиозных организаций, что в перспективе будет способствовать развитию межконфессиональных отношений. Для этого необходимы междисциплинарные знания о различных этносах, следует «выработать новую теоретическую базу для их изучения с целью формирования сбалансированных стратегий и тактик межкультурного диалога» [11, с. 46], благодаря чему возможно бесконфликтное воздействие мировых глобализационных процессов на локальные культуры, поведенческие модели и картины мира отдельного человека.

Список литературы

1. *Королева Е. В.* Новые религиозные движения в эпоху глобализации // Л. Н. Гумилев атындагы ЕҰУ Хабаршысы. 2010. № 1 (74). С. 351–358.
2. *Валлерстайн И.* Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир системы // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1, № 4. URL: <http://www.archipelag.ru> (дата обращения: 11.01.2014).
3. *Орлов М. О.* Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления : стратегии Европы и Китая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 36–40.
4. *Kacowicz A. M.* Regionalization, globalization, and nationalism : Convergent, divergent, or overlapping? //

Alternatives: Social transformation and humane governance. 1998. № 4 (24). P. 522–531.

5. Ерофеева К. Л. Религиозное сознание эпохи глобализации : некоторые противоречия // Вестн. Иванов. гос. энергетич. ун-та. 2009. Вып. 1. С. 62–65.
6. Петров Д. Б. Социальное и религиозное в структуре субъекта // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2008. № 1 (14). С. 106–111.
7. Riesebrodt M. Religion in global perspective // Global Religions : an Introduction / ed. by M. Juergensmeyer. Oxford, 2003. P. 95–109.
8. Баранников В. П., Матронина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социс. 2004. № 9. С. 102–107.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2008. 480 с.
10. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М., 2007. 304 с.
11. Листвина Е. В., Орлов М. О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1. С. 174–189.

Globalization and the Phenomenon of Religious

M. S. Gorodneva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: gorodnevams@gmail.com

The article studies the problem of the relationship between globalization and the religious phenomenon in the modern era. Special attention is paid to the specifics of the conflicts in religious consciousness under the influence of globalization processes. Globalization is seen as a complex phenomenon, includes a combination of many elements of social reality. Open and participatory modernity allows you to shape religious identity indirectly from national and cultural component. So, mass forms of religiosity are transformed into one of the products, broadcast consumer society. A distinction is made between «formal religiosity» as a kind of product and personal experience of the sacred, underlying all spiritual and religious activities. The author explores the trends of religious formalism and utilitarianism, arising as a consequence of the transformation of traditional forms of religiosity.

Key words: religious consciousness, globalization, secularism, atheism, identity, postmodern, individualism, religion, pluralism.

References

1. Koroleva E. V. Novye religioznye dvizheniya v epokhu globalizatsii (New religious movements in the era of

globalization). *L. N. Gumilev atyndagy ENU Khabarshisy* (L. N. Gumilev journal Habarshisi), 2010, no.1 (74), pp. 351–358.

2. Wallerstein I. Globalization or transitional era? Look at the long-term development of the world system. *International Sociology*, 2000, no. 2 (15), pp. 251–267. (Russ. ed.: Wallerstein I. Globalizatsiya ili perekhodnaya epokha? Vzglyad na dolgosrochnoe razvitiye mir sistemy. *Russkiy istoricheskiy zhurnal*, 1998, vol. 1, no. 4). Available at: <http://www.archipelag.ru> (accessed 11 September 2014).
3. Orlov M. O. Dinamika globaliziruyushchey ekonomiki v kontekste diskursivnogo upravleniya (The dynamics of a globalizing economy in the context of discursive control: strategy Europe and China). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 3 (12), pp. 36–40.
4. Kacowicz A. M. Regionalization, globalization, and nationalism: Convergent, divergent, or overlapping? *Alternatives: Social transformation and humane governance*, 1998, no. 4 (24), pp. 522–531.
5. Erofeeva K. L. Religioznoe soznaniye epokhi globalizatsii: nekotorye protivorechiya (The religious consciousness of the era of globalization: some contradictions). *Vestn. Ivanov. gos. energetich. un-ta* (Vestnik IGEU), 2009, no. 1, pp. 62–65.
6. Petrov D. B. Sotsialnoye i religioznoye v strukture subekta (Social and religious structure in the subject). *Vestn. Povolzhsk. akad. gos. sluzhby* (Bulletin of the Volga region Academy for civil service), 2008, no. 1 (14), pp. 106–111.
7. Riesebrodt M. Religion in global perspective. *Global religions: an introduction*. Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford, 2003, pp. 95–109.
8. Barannikov V. P., Matronina L. F. Dinamika religioznosti v informatsionnom obshchestve (Dynamics of religiosity in the information society). *Sotsis (Socis)*, 2004, no. 9, pp. 102–107.
9. Fukuyama F. *The Great disruption: Human nature and the reconstitution of social order*. New York, 1999. 460 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Velikiy razryv*. Moscow, 2008. 480 p.).
10. Bell D., Inozemtsev V. *Epokha razobshchennosti. Razmyshleniya o mire XXI veka* (The era of disunity. Reflections on the world of the XXI century). Moscow, 2007. 304 p.
11. Listvina E. V., Orlov M. O. Zhiznennoye prostranstvo tsivilizatsiy (Living space civilizations). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and society), 2007, no. 1, pp. 174–189.

УДК 008.001

«ФИЗИКИ» И «ЛИРИКИ»: ДВЕ КУЛЬТУРЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Игнатова Мария Петровна –

аспирант кафедры истории Отечества и культуры,

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.

E-mail: marieignatova@gmail.com

В статье известный спор «физиков» и «лириков» рассматривается с момента его возникновения в конце 1950-х гг. до наших дней. Отмечается, что одновременно на Западе аналогичная проблема была поставлена Ч. Сноу как размежевание «двух культур» – научной и художественной. Показано, что открытие Р. Сперри феномена функциональной асимметрии головного мозга человека не просто примиряет «физиков» и «лириков», но и объясняет необходимость их союза. С другой стороны, отмечено, что новые положения нелинейного мышления – спонтанность, непредсказуемость, альтернативность, необратимость и неповторимость в поведении открытых систем, разработанные основоположниками синергетики Г. Хакеном, И. Пригожиным и С. Курдюмовым, – сегодня открывают дорогу сближению естествознания и гуманитаристики.

Ключевые слова: «физики», научная культура, «лирики», художественная культура, проблема двух культур, синергетика, нелинейное мышление.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-17-20

«Что-то физики в почете, / Что-то лирики в загоне...»: так начиналось ставшее знаменитым стихотворение Б. Слуцкого «Физики и лирики», впервые опубликованное в «Литературной газете» в октябре 1959 г. И так начался знаменитый спор «физиков» и «лириков», в котором «физиками» обобщенно именовалась вся научно-техническая интеллигенция, а «лириками» – поэты, художники и вообще гуманитарии. Физики в то время, действительно, были в почете: околоземное пространство бороздили искусственные спутники Земли и первый из них был советским, арктический лед грозно крушил первый в мире атомный ледокол «Ленин». В подмосковном Обнинске уже работала первая в мире промышленная атомная электростанция, а о могучем джинне, выпущенном физиками, напоминала трагедия Хиросимы и Нагасаки. До полета Юрия Гагарина оставалось менее двух лет.

А что лирики? Годом ранее отличился только один лирик – был удостоен Нобелевской премии «за значительные достижения в современной лирической поэзии и продолжение традиций русского эпического романа» – тонкий лирик Борис Пастернак. Но и он был в буквальном смысле «в загоне» и иначе как «наживкой на ржавом крючке антисоветской пропаганды» и «литературным сорняком» в советской прессе не назывался. В итоге смертельно затравленный Пастернак от премии отказался.

Строго говоря, спор «физиков» и «лириков» начался несколько ранее, а Слуцкому принадлежит только его удачное обозначение. Первым, кто публично заявил о разрыве между представителями науки и искусства, был Ч. Сноу, физик, сотрудник знаменитой Кавендишской лаборатории Резерфорда, а позднее и известный писатель. В мае 1959 г. Сноу выступил в Кембриджском университете с публичной лекцией «Две культуры и научная революция», которая вскоре была опубликована [1].

Лекция Сноу имела сенсационный успех – она взбудоражила и научную, и художественную общественность. Основная идея лекции Сноу состояла в том, что процесс размежевания научной и художественной среды, ускоренный научной революцией XX в., принял общекультурный масштаб и позволяет говорить о существовании «двух культур» – научной и художественной (у нас эти культуры чаще называют *естественно-научной* и *гуманитарной*), разделенных стеной отчужденности и непонимания. По мнению Сноу, научно-технической среде, которая игнорирует художественные ценности, грозит эмоциональный голод и антигуманность. С другой стороны, традиционная культура, не способная воспринимать новейшие достижения науки, скатывается на путь антинаучности. Вот как эту мысль формулирует сам Сноу: «Итак, на одном полюсе – *художественная интеллигенция*, на другом – *ученые*, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание. У обеих групп странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций» [1, с. 20].

Сноу полагал, что причина разобщенности «двух культур» кроется в чрезмерной специализации образования на Западе, особенно в Англии, противопоставляя ей Советский Союз, где система образования была более универсальной, а значит и не было почвы для возникновения проблемы. Надо сказать, что эта мысль Сноу никого не ободрила в России, и впоследствии реформа

образования в нашей стране пошла по западному пути специализации, а не наоборот.

Уже осенью 1959 г. «эпидемия» спора о «двух культурах» с берегов Альбиона перенеслась в Россию. В сентябре в «Комсомольской правде» вышла статья Ильи Эренбурга «Ответ на одно письмо». Это был ответ на письмо некоей студентки, рассказывавшей о своем конфликте с неким инженером, который кроме физики ничего другого в жизни не признает. Увидев в частном письме назревшую проблему, писатель написал обширный ответ, в котором подчеркивал, что в условиях небывалого прогресса науки очень важно, чтобы искусство не отставало от науки, чтобы его место в обществе было местом пушкинского пророка, а не местом исправного писца или равнодушного декоратора. «Все понимают, – писал Эренбург, – что наука помогает понять мир; куда менее известно то познание, которое несет искусство. Ни социологи, ни психологи не могут дать того объяснения душевного мира человека, которое дает художник. Наука помогает узнать известные законы, но искусство заглядывает в душевные глубины, куда не проникают никакие рентгеновские лучи...» [2, с. 3].

Статья Эренбурга вызвала цепную реакцию мнений, которая в наше время кажется просто неправдоподобной: буквально через месяц было опубликовано упомянутое стихотворение Слуцкого. У Эренбурга появились как сторонники, так и противники. Среди последних особенно «прославился» инженер-кибернетик И. А. Полетаев, который писал: «Мы живем творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорией экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека без остатка, и некогда нам восклицать: ах, Бах! ах, Блок! Конечно же, они устарели и стали не в рост с нашей жизнью» [3, с. 4].

Следует отметить одно отличие в подходах к проблемам «двух культур» у Сноу и «физиков и лириков» в России. Сноу с истинно английской терпимостью не поднимал вопрос о том, какая из двух культур «главнее» (возможно, считая это очевидным), тогда как в России «физики» и «лирики» сразу перешли на личности и стали выяснять «кто в доме хозяин». Любопытно, что одним из наиболее ярких защитников «лириков» стал «настоящий» физик, член-корреспондент АН СССР, один из создателей советской атомной бомбы Герой Социалистического Труда Е. Л. Фейнберг.

Начавшись на страницах «Комсомольской правды» и «Литературной газеты», спор «физиков» и «лириков» из газетной фазы перешел в книжно-журнальную. При этом комсомольский задор и массовость дискуссии пошли на убыль,

а уровень обсуждаемых вопросов возростал. Последняя волна дискуссии прокатилась по страницам журнала «Вопросы философии» в конце 1970 – начале 80-х гг. в виде заочного круглого стола, хотя отголоски дискуссии мы встречаем даже в нынешнем веке [4]. В целом редколлегия журнала подталкивала читателя к мысли о том, что в стране развитого социализма культура должна быть единой и никаких «двух культур» быть не должно. Спор «физиков» и «лириков» длиною в четверть века тихо закончился во втором номере журнала «Вопросы философии» за 1985 г. А там и вовсе наступили времена, когда и физики, и лирики в одночасье почувствовали себя никому ненужными.

Но были и более глубокие причины прекращения спора. К середине 1980-х гг. были вскрыты причины, которые ясно указывали на то, что: 1) существование двух культур заложено в природе сознания человека и обе эти культуры обречены на «мирное сосуществование»; 2) естествознание стало «естествознанием с человеческим лицом», оно сделало шаг навстречу гуманитаристике, а гуманитарии поняли, что ответный шаг неизбежен.

Пока «физики» и «лирики» спорили, кто из них важнее, скромный профессор Калифорнийского технологического института Р. Сперри получил Нобелевскую премию (1981) за открытие феномена *функциональной асимметрии головного мозга человека*. Как хорошо известно сегодня благодаря Сперри, левое и правое полушария головного мозга человека функционально несимметричны: левое последовательно обрабатывает темпоральную информацию и «настроено» на процедуру поэтапного рационального мышления, а правое одномоментно «фотографирует» пространственную информацию и «настроено» на эмоциональное восприятие целостных образов.

Применительно к «физикам» и «лирикам» отсюда следует два вывода. Первое: понятно, что у каждого человека «рациональное» левое и «образное» правое полушария не равнозначны. Следовательно, большинство людей самой природой ориентировано на асимметричное функционирование их мозга и выбирают либо путь мысли, либо путь сердца, становятся либо «физиками», либо «лириками». Сама природа заботится о том, чтобы обеспечить культуру как учеными, так и художниками.

Второе: понятно, что у каждого человека оба полушария не изолированы, не разделены, как в опытах Сперри. Следовательно, «рациональное» левое питает «образное» правое и наоборот. Значит, «физики» нужны «лирикам»,

а «лирики» – «физикам». Значит, науке нужно искусство и наоборот. Как и любой механизм, в процессе интенсивной работы левое полушарие часто достигает некоего порога насыщения, превысить который оно не в состоянии. В эти моменты даже минимальные импульсы, идущие от правого полушария, – красивый пейзаж, хорошая музыка или просто эмоциональная встряска, – могут оказаться необычайно благотворными. Именно по такой схеме и происходили великие открытия от архимедовой «эврики» до ньютонова яблока. Итак, открытие Сперри не просто примиряет «физиков» и «лириков», но и объясняет необходимость их союза.

Помимо открытий в нейрофизиологии конец XX в. знаменовался стремительным взлетом новой науки, за которой в русско-немецкой литературе закрепилось имя *синергетика*, а в англоязычной – *теория самоорганизации* или *теория сложности*. Отцы-основатели синергетики – Г. Хакен (Германия), Нобелевский лауреат И. Пригожин (Бельгия), С. Курдюмов (Россия) – увидели в ней не только новую интегральную ветвь естествознания, но и, как говорил Хакен, мост между естествознанием и гуманитаристикой [5].

Совместное действие – *синергия* – случайных возмущений на микроуровне в открытых системах может привести к явлению самоорганизации на макроуровне, т.е. к рождению из физического хаоса новых упорядоченных структур. Если изобретение производной дало Ньютону возможность описывать *движение тел* (ввести движение в математику, по знаменитому выражению Энгельса), то нелинейный математический аппарат синергетики дает возможность описания *движения структур, эволюции структур*, процессы образования, поддержания и распада структур в системах самой различной природы – физических, химических, биологических, социальных.

Отметим важнейшие из свойств самоорганизации сложных систем, вскрываемых синергетикой и имеющих мировоззренческий характер: *самоорганизация* малых причин, ведущая к большим следствиям (так называемый «эффект бабочки»), *конструктивная роль Хаоса* в природе и культуре, *неустойчивость* и *неединственность* как фундаментальные характеристики эволюции, *сложность* и *нелинейность* как неотъемлемые свойства физической, социальной и ментальной реальности, *закономерная роль случайного* в явлениях первой и второй природы, *необратимость времени*. Все эти свойства составили основу так называемого *нелинейного мышления*.

И. Пригожин, уделяющий большое внимание философским следствиям синергетики, которые он называет *философией нестабильности*, считает необратимость времени важнейшим мировоззренческим следствием новой науки. Напомним, что идея необратимости времени фактически была изгнана из ньютоновского естествознания, тогда как для гуманитарных наук *стрела времени* была основной аксиомой, определяющей бытие человека. Именно различие во взглядах на природу времени, как считает Пригожин, является причиной размежевания «двух культур», по этому поводу Пригожин пишет: «Хотя западная наука послужила стимулом к необычайно плодотворному диалогу между человеком и природой, некоторые из последствий влияния естественных наук на общечеловеческую культуру далеко не всегда носили позитивный характер. Например, противостояние «двух культур» в значительной мере обусловлено конфликтом между вневременным подходом классической науки и ориентированным во времени подходом, доминирующим в подавляющем большинстве социальных и гуманитарных наук» [6, с. 11].

Итак, спонтанность, непредсказуемость, альтернативность, возможность малыми усилиями достичь больших результатов и неожиданных решений в тупиковых ситуациях, необратимость и неповторимость в поведении системы, цепь взаимных переходов порядка и хаоса, креативная роль хаоса и случая в мироздании – вот принципиально новые положения *нелинейного мышления*, которое синергетика сегодня привносит в естествознание. Но эти же признаки исконно считались неотъемлемыми чертами гуманитарной культуры. Таким образом, в синергетике естествознание обретает свойства гуманитарного знания, а новое мировидение приводит к сближению «двух культур». Очень поэтично говорит об этом сам Пригожин: «Ученые поняли, что идеализированные ситуации не преподнесут им универсальной отмычки; точные науки вновь, наконец, должны стать естествознанием со всем богатством его оттенков, о чем сегодня просто забыто». И далее: «любая наука становится ныне наукой гуманитарной, наукой, созданной людьми для людей. Она находится сейчас в состоянии поэтического подслушивания природы» (курсив мой. – М. И.) [7, с. 91].

Заметим, что процесс сближения «двух культур» происходит в соответствии с общим законом развития по гегелевской спирали. Напомним, что греческая античность знала те счастливые времена, когда античная культура была на всех одна, когда наука, искусство и ремесло были слиты воедино и назывались

одним словом *техνη*. В основании этой единой культуры лежала идея *мировой гармонии*, принадлежащая Пифагору и родившаяся как экстраполяция открытого Пифагором математического закона консонансов в музыке на все мироздание [8]. Но уже со времен Пифагора идея мировой гармонии понималась не просто как «музыка сфер», но расширительно – как гармоническое, математически упорядоченное строение всего мироздания. Эта идея пронизывает всю историю мировой культуры вплоть до Кеплера, а затем и Эйнштейна.

Итак, для противостояния «физиков» и «лириков» нет объективных предпосылок и их спор должен закончиться счастливым союзом.

Список литературы

1. Сноу Ч. П. Две культуры : сб. публицистических работ. М., 1973. 144 с.
2. Эренбург И. Ответ на одно письмо // Комсомольская правда. 1959. 2 сентября (№ 206). С. 3–4.
3. Поletaev И. А. В защиту Юрия // Комсомольская правда. 1959, 11 октября (№ 240). С. 4.
4. Богданов К. А. Физики vs лирики : к истории одной «придурковатой» дискуссии // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. С. 48–66.
5. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 106–122.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Изд. 5-е. М., 2005. 296 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Возвращенное очарование мира // Природа. 1984. № 2. С. 86–95.
8. Волошинов А. В. Пифагор : союз истины, добра и красоты. 3-е изд. М., 2010. 224 с.

«Physicists» and «Lyricists»: two Cultures Yesterday and Today

M. P. Ignatova

Yuri Gagarin Saratov State Technical University of Saratov
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: marieignatova@gmail.com

A well-known contest of «physicists» and «lyricists» is studied from its beginning at the end of 50s in 20 th century till nowadays. It

is pointed out that at that time the same problem in the West was marked by Ch. Snow. It was the problem of «two cultures» dissociation- scientific and artistic one. It's shown that the invention of human functional brain asymmetry phenomenon by R. Sperry, doesn't not just harmonise «physicists» and «lyricists» but also explains the necessity of their association. On the other hand, it is written that new points of lateral thinking (spontaneity, unpredictability, choice, inconvertibility, uniqueness of open system method), developed by founding fathers of synergetics G. Haken, I. Prigodgin, S. Kurdiunov, establish the way to rapprochement of natural and human sciences.

Key words: «physicists», scientific culture, «lyricists», artistic culture, two cultures' problem, synergetics, lateral thinking.

References

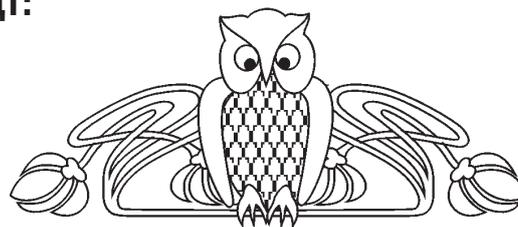
1. Snow Ch. P. The two cultures and the scientific revolution. London, 1959. 58 p. (Russ. ed.: Snou Ch. P. Dve Kultury: sbornik publitsisticheskikh rabot. Moscow, 1973, p. 144).
2. Erenburg I. Otvet na odno pismo (The answer to a letter). *Komsomolskaya Pravda* (Komsomol Truth), 1959, 2 September (no. 206), pp. 3–4.
3. Poletaev I. A. V zashitu Yuria (In favour of Yuriy). *Komsomolskaya Pravda* (Komsomol Truth), 1959, 11 October (no. 240), p. 4.
4. Bogdanov K. A. Fiziki vs liriki: k istorii odnoy «pridurkovatoy» diskussii (Physicists vs Lyricists : about the history of one «stupid» discussion). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary View), 2011, no. 111, pp. 48–66.
5. Haken H. Synergetics as a bridge between the nature and science. *Evolution & Order and complexity*. London ; New York, 1996, pp. 234–248 (Rus. ed.: Haken G. Sinergetika kak most mezhdru estestvennimi i sotsialnimi naukami. *Sinergeticheskayay paradigma. Chelovek i obshchestvo v usloviakh nestabilnosti*. Moscow, 2003, pp. 106–122).
6. Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos: Men's new dialogue with nature*. New York, 1984. 349 p. (Rus. ed.: Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok is haosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy*. Moscow, 2005. 296 p.).
7. Prigogine I., Stengers I. *La nouvelle Miance. Metamorphoses de la science*. Paris, 1979. 312 p. (Rus. ed.: Prigozhin I., Stengers I. *Vozvrashyennoe ocharovanie mira. Priroda*, 1984, no. 2, pp. 86–95).
8. Voloshinov A. V. Pifagor: Soyuz istiny, dobra i krasoty (The unity of true, kindness and beauty). Moscow, 2010. 224 p.

УДК [1: 316] (430) + 929 Арендт

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ХАННЫ АРЕНДТ: ПОЛИТИКА И ЭТИКА

Ломако Ольга Михайловна –
доктор философских наук, профессор кафедры
теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу политических, этических и экзистенциальных оснований бытия человека в социальной философии Ханны Арендт. Являясь по своей сути политической, эта философия направлена на историческое восприятие общества в его человеческом измерении, от древних греков до современной Европы. Основные понятия философии Арендт – «свобода» и «лишение свободы». Речь идет об истоках тотального господства, о необходимости преодоления его последствий в современной цивилизации через этический диалог и политическое действие. Рассматривается историческое развитие типов власти в условиях формирования различных политических форм общества. Социально-философский анализ взаимосвязи политики и этики в процессе их исторической трансформации осуществляется через концепты «банальность зла», «*vita activa*», «новая защищенность». **Ключевые слова:** немецкая философия, Арендт, экзистенциализм, социальная философия, этика, политика, история, массовое общество, отчуждение, публичное пространство, плюрализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-21-25

Вопрос о взаимоотношениях государств и народов, также как и проблема диалога цивилизаций, наций и этносов – это настоящий вызов социальным наукам. Драматизм современных межэтнических и национальных отношений обнажает всю неизбежность философского анализа проблемы взаимосвязи политики и этики. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: какие формы взаимодействия политики и этики могли бы быть сегодня наиболее эффективными? Вполне очевидно, что поиск ответа на этот вопрос требует осмысления исторического опыта как Европы, так и России. В этом смысле обращение к социально-философскому наследию всемирно известного немецкого учёного, философа и политолога Ханны Арендт (1906–1975) представляется и своевременным, и актуальным, поскольку её творчество направлено на разработку новой теории политики, неотделимой от этического содержания.

Важной проблемой для Х. Арендт является исследование истоков и оснований в истории человечества специфической формы политического господства – тоталитаризма. Она исходит из того, что человечество находится в глубоком кризисе, и пытается обнаружить основные черты этого кризиса через анализ основных структурных свойств тотального господства (террора,

роли тайной полиции и т.д.), которые имелись в гитлеровской Германии и в сталинской системах власти [1, с. 703]. Используя для социально-философского анализа богатый исторический и социологический материал, философ старается понять уникальность этих систем в истории человечества, их презрение к человеку и пренебрежение человеческим. При этом она сталкивается с особым человеческим типом, менталитет, личные качества и действия которого играют важную роль при возникновении и функционировании тотального господства – «человек массы» или «человек-масса» (*Massenmensch*).

В 1990 г. началась работа над переводом на русский язык фундаментального труда Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», который вышел в России в 1996 г. В этой работе анализируются элементы и истоки тоталитаризма в Германии и России, имеющие много общего. Человека к тоталитарному миру подготавливают такие экзистенциальные состояния, как одиночество и беспомощность в массовом обществе, которые в XX в. становятся повседневным массовым опытом. Уничтожая всякие созидательные потенции человеческой изоляции, не оставляя места для личного, интимного пространства [1, с. 978], тоталитаризм, по сути, является бегством от реальности массового одиночества.

Согласно Х. Арендт, тоталитаризм – это, прежде всего, система массового террора, обеспечивающая атмосферу всеобщего страха – тотального, пронизывающего все поры общества. Отмечая тот факт, что литература о системах тоталитаризма в Германии и России «полна жалобами на монолитную государственную структуру», автор последовательно отвергает это утверждение как совершенно не соответствующее действительности. Напротив, тоталитарное правление было бесформенным из-за сложных отношений между двумя источниками власти – партии и государства, при этом правительственная машина представляла собой некий немощный фасад, который скрывал реальную власть партии.

На месте удвоения канцелярий и политических аппаратов появляется в процессе развития

другой феномен, который Х. Арендт определяет как мультипликацию (умножение) служб. Человек должен был развить в себе «шестое» чувство, некое «звериное чутьё», чтобы интуитивно угадывать, чему подчиняться, а на что не обращать внимания. Не в лучшем положении находились и сами исполнители распоряжений руководства, считавшиеся обязательными с точки зрения интересов движения. При этом центр власти постоянно смещался, он переносился в разные организации, разумеется, без всяких обоснований и объяснений, совершенно анонимно.

Умножение канцелярий не только чрезвычайно облегчало постоянное перемещение власти: в этическом смысле оно служило формированию субъективной безответственности за содеянное зло. Х. Арендт вводит понятие, которое по праву сделало её широко известной за пределами круга философов, теологов, учёных – «банальность зла». Трагическая суть его в том, что новый тип преступника – виновника массового уничтожения людей – стало ужасающе нормой. Х. Арендт со знавала, что формулировка «банальность зла» является оппозицией литературного, теологического и философского традиционного толкования зла. До сих пор зло понималось как нечто демоническое или как действие, в основе которого лежит воля к злу, и не столь важно, стимулируется эта воля ненавистью, завистью или алчностью. Этим видимым формам зла она противопоставляет тезис, что зло может быть также результатом «повседневного и тривиального дефицита», а именно «дефицита способности или готовности думать», т.е. бездумности. В тезисе о банальности зла речь идёт о том, чтобы раскрыть менталитет людей, которые в рамках тотальной диктатуры становятся массовыми убийцами не «под масками честных и простодушных людей», а являются на самом деле таковыми – честными и простодушными. Они субъективно не чувствуют вины, будучи убеждены в том, что добросовестно выполняют приказы вышестоящих инстанций и, стало быть, хорошо и добросовестно исполняют свою работу [2, с. 28].

Человек попадал в парадоксальную ситуацию: оказываясь политическим номадом, лишаясь укоренённости и какой бы то ни было защищённости в сфере интимности и приватности, он лишался возможности любой самоидентичности, в том числе и политической.

Процессы распада национальных государств и классовых структур лишают человека возможности идентификации через принадлежность к определённому, отличному от других социальных классов общественному слою. Политические партии тоже потеряли свою функцию идентификации для социальных группировок, представителями

интересов которых они были в течение продолжительного времени. Они стали мировоззренческими партиями с неопределённой социальной принадлежностью.

Всё больше людей чувствовали себя оторванными от корней традиционных культурных ролей и сообществ, от этических норм идентичности и поведения, что привело человека к полной духовной и социальной бездумности и к отчуждению от своей сущности [1, с. 561]. Так возник социальный и политический феномен «массы» или «массовое общество». Ханна Арендт дефинирует понятие «масса». Только тогда, когда мы имеем дело с группами, которые не позволяют себя структурировать ни в какие организации, основанные на совместных интересах в совместно познаваемом и управляемом мире, либо потому, что они слишком многочисленны, либо потому что они равнодушны к общественным делам, – только в этом случае речь может идти о «массе». Потенциально такие группы существуют в любой стране и в любое время; часто они образуют даже большинство населения цивилизованных стран, оставаясь при этом в политически спокойные времена политически пассивными и удовлетворяясь тем, что не отдадут никому свои голоса и не вступают в партии [1, с. 502].

В социальном и мировоззренческом смысле не привязанный ни к чему человек массы, который избегает участия в общественных и политических событиях, представляет собой постоянную опасность для плюралистической демократической общественной системы. Вскрывая истоки тоталитаризма, Х. Арендт предупреждает об опасности потери человеком политической самоидентичности. Масса политически инертна, она не обладает собственной политической идентичностью. Тоталитарное движение придаёт массе форму и цель, делая её активной и агрессивной.

Исторический процесс зарождения и развития массового общества Х. Арендт связывает с империалистическим обществом, в котором «союз между капиталом и чернью стоит в начале всякой империалистической политики». Более того, в этом союзе черни и капитала инициатива перешла к черни, а традиция национального государства так же, как и рабочее движение, оказались бессильны этому помешать. Эту новую прослойку нельзя идентифицировать ни с одной социальной группой, она представляла изначально деклассированные элементы, что определяло её полную политическую и этическую безответственность. Неслучайно исторические пессимисты предвидели возможность нарастания пристрастия к анархизму и превращения демократии в деспотию [3, с. 18–21].

В качестве основной причины тотального господства Х. Арендт называет формирование современного массового общества. С этой проблемой связана её критика эпохи модерна, суть которой она определяет через понятие «отчуждение». Нарастающие тенденции формализации, рационализации и стандартизации в развитых индустриальных обществах имеют для человека катастрофические последствия: они ведут к нивелировке личности, к потере индивидуальности и к анонимности, лишая человека возможности осуществлять подлинное человеческое бытие. Из-за господства бюрократии и гипертрофированного управленческого аппарата человек лишается своей индивидуальности и возможности самоутверждения, он становится анонимной и манипулируемой «вещью». В этом аппарате он – легко заменяемый винтик в гигантском, неоглядном «технологическом универсуме», принуждаемый машинами и технико-рациональными вычислениями к повышению продуктивности производства. Его идентичность выражается всё более и более в ключевых фигурах, регистрационных цифрах, порядковых номерах [4, с. 192–193].

Человек массы, который является противоположностью идеалу настоящего человека, обладает, по мысли Х. Арендт, определенными ментальными свойствами и способами поведения: к ним относятся вера в теории заговора, наивная вера в безошибочность действий политических лидеров, циничное убеждение в том, что политика всегда обман, поэтому ложь не только позволительна, но и желательна. Как глубоко укорененный психический признак человека массы Х. Арендт отмечает тоску одиночества, которая приводит к бегству в фиктивный мир защищенности «массового общества», коим является политический террор.

В своём социально-философском анализе соотношения политики и этики Х. Арендт выражает опасения, что современное массовое общество создаёт потребителей, интересы которых далеки от интересов государства и политики. Идеалом истинного человека она считает гражданина, для которого чуждо вытеснение политики из его жизни, он включён в диалог, в публичное пространство. Этот человек имеет мужество быть публично ангажированным. Только через ангажированную речь и действие можно реализовать свою сущностную особенность – свободу [5, с. 229–230].

Заветной темой философии Х. Арендт становится также попытка создать новую теорию политического в ставшем классическим труде «*Vita activa*, или О деятельной жизни». Она разрабатывает специфическую теорию деятельности,

связывая с ней категории свободы, идентичности, спонтанности и плюрализма, а также идеалы «публичного пространства» и республиканской формы правления.

Философ руководствуется идеей античного полиса, поэтому центральное понятие «*vita activa*» (деятельная жизнь) толкуется ею как аристотелевское βίος πολιτικός (политическая жизнь), а не так, как в Средневековье, когда оно возникло. С появлением города-государства жизнь древнего грека разделилась на два измерения. Одно из них – приватное, соотносимое с домохозяйством и с семейной сферой, второе – публичное, которое соответствует пространству политического [5, с. 37–38]. Таким образом, древнегреческому миропониманию времён полисной организации свойственно как тождество социального и природного, так и единство политического и нравственного. Это проявлялось в дистанцировании приватного и политического: с одной стороны, политическая гиперактивность и солидарность, с другой стороны, невмешательство в частную жизнь друг друга. Идеалом полисной культуры стал человек политически нравственный.

Согласно концепции Х. Арендт, подлинное человеческое бытие можно осуществить только через действие в открытом публичном пространстве политического. Именно действие представляет собой фундаментальную деятельность, которая делает возможной высочайшее исполнение человеческого. Действие может осуществляться только совместно с другими в публичном пространстве, оно всегда есть политическое действие. «Публичное пространство» существует для каждой области жизни, в которой отдельные свободные индивиды создают совместное пространство общения. Первое условие осуществления человеческого бытия через действие есть плюрализм как совместное действие уникальных неповторимых личностей [5, с. 228]. Подобно К. Ясперсу, для которого «экзистенция», или «подлинное бытие с собой» не может быть понято только когнитивно, для Х. Арендт «подлинно личное» как подлинно человеческое бытие может осуществляться только через публичное, политическое действие, в котором различные индивиды в совместных усилиях благодаря творчеству достигают всеобщего блага. Необходимыми предпосылками этому служат свобода слова и дискуссия. И здесь образцом для Х. Арендт является античный полис.

Быть человеком политическим, жить в полисе означало, что все дела улаживаются с помощью обсуждения и убеждения, а не принуждением или насилием. Принуждать других

силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков до-политическим способом общения. Этот способ был обычен для жизни вне полиса, например, в обращении с домочадцами, в семейных делах, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, деспотическую форму правления которых греки часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи.

Говоря и действуя, мы включаемся в мир людей, и это включение подобно второму рождению, оно как бы подтверждает «голый факт нашей рождённости», как будто бы мы берём на себя ответственность за него. Ядром и категорией-ключом служит для Х. Арндт мотив радикального нового начала. Он описывается через метафору «рождённость» (*Geburtlichkeit*) или «*Natalität*»: в самом начале нашего прихода в этот мир заложен импульс, согласно которому мы по собственной инициативе начинаем что-то новое. В этом исходном смысле действовать и начинать – одно и то же. Поскольку всякий человек по причине своей рожденности есть *inicium* как пришелец и начало в мире, люди могут брать на себя инициативу становиться «начинателями». Действие и речь родственны, потому что действие отвечает специфической ситуации человека – существованию среди множества уникальных существ как среди равных себе только в том случае, если он способен ответить на вопрос: кто ты? Действуя и говоря, люди каждый раз обнаруживают, кто они суть. Лишь совершенное молчание и совершенная пассивность способны скрыть этого *кто*. Но если этот *кто* появится, им никто не сможет манипулировать [5, с. 230–234].

Всё это в полной мере относится также и к действию в политике, когда через постоянно имеющуюся возможность нового начала все детерминации и принуждения оказываются разорванными. Х. Арндт с концепцией действия связывает также и этические постулаты, на что указывает её обращение к таким человеческим способностям, как умение прощать, обязанность давать и сдерживать обещания, испытывать доверие и надежду, уважение к личности. «Способность прощать должна была бы остаться вне поля нашего рассмотрения, – отмечает Х. Арндт, – если бы христианство было право в том, что лишь любовь способна прощать» [5, с. 322]. Любовь, полагает она, касается очень узкой сферы, а в более широких областях речь идёт о личном отношении, которое она обозначает как уважение. Это уважение подобно аристотелевской *φιλία πολιτική* («политической дружбе»), не нуждающейся в близости и интимности. Она выражает уважение к личности, которое не зависит от её

качеств, способных вызывать восхищение, или от успехов, которые мы ценим. Х. Арндт выражает уверенность в том, что современная утрата уважения личности происходит от убеждения, что его заслуживает только нечто ценное и удивительное, и это, по её мысли, является знаком обезличивания публичной и социальной жизни.

«Власть прощать» и «власть обещания» философ связывает с требованием уважения личности как таковой. Власть возникает там, «где люди собираются и действуют совместно <...> Сила, скрепляющая эту совместность – есть связующая сила взаимного обещания» [5, с. 324]. «Нравственность в поле политики так или иначе не может апеллировать ни к чему кроме способности обещать и ни на что не может опереться как на добрую волю с готовностью принять весь риск и всю опасность, каким неизбежно подвержены люди как действующие существа, прощать и позволять себя прощать, обещать и сдерживать обещания» [5, с. 326]. Это те единственные нравственные предписания, которые не навязаны извне, а возникают прямо из бытия людей друг с другом, насколько оно определяется поступком и словом.

Подлинное социальное и политическое бытие требует человечности, носителем которой является человек, обладающий мужеством быть персонально ответственным за обещания. Он понимает политику не как «грязное дело» или разновидность шоу-бизнеса. В публичном пространстве политики он видит шанс – осуществлять совместную волю. Его поведение направлено на доверие сограждан, на равноправие и надежду на взаимность, а также на понимание и уважение Другого.

В 60-е годы XX в. «позитивный экзистенциализм» О. Ф. Больнова, представляя единство социального, этического и экзистенциального [6, с. 30], раскрывает новую защищённость через «надежду», «доверие», «благодарность» как темпоральные экзистенциалы и «дом» и «праздник» – как пространственные [7, с. 113, 115]. У Х. Арндт «новая защищённость» осуществляется через политическую этику, которая сама является экзистенциалом и атрибутивным свойством человеческого.

Учитывая мультинациональность и мультикультурность современного общества, нельзя не заметить, что сегодня как никогда ранее необходимы поиски консенсуса представителей всех социальных групп и партий. Однако находя компромиссы, нельзя забывать о высших целях. Поэтому философы такого радикального толка, как Ханна Арндт, собственно говоря, и являются ориентирами развития. Действительно, необхо-

димо создавать такие социальные пространства, в которых люди чувствовали бы себя не массой, но народом, публикой, гражданским обществом.

Список литературы

1. *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft.* München ; Zürich, 1986. 1024 S.
2. *Arendt H. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht über die Banalität des Bösen.* 15. Aufl. München, 2006. 440 S.
3. *Арендт Х. Скрытая традиция : эссе / пер. с нем. М., 2008. 221 с.*
4. *Salamun K. Wie soll der Mensch sein? Philosophische Ideale vom «wahren» Menschen von Karl Marx bis Karl Popper.* Tübingen, 2011. 274 S.
5. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. СПб., 2000. 437 с.*
6. *Ломako О. М. Философия Отто Фридриха Больнова: социальное, этическое, экзистенциальное // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 30–34.*
7. *Bollnow O. F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus.* Stuttgart ; Köln, 1960. 247 S.

Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of political, ethical and existential grounds of a man's being in the social philosophy of Hannah Arendt. Actually her philosophy can be considered the political philosophy and thus it focuses on historical perception of society in its human dimension from the Ancient Greeks to modern Europe. The basic concepts of the

philosophy of Arendt – «freedom» and «deprivation of freedom». It is about the origins of total domination, about the need to overcome its effects in the modern civilization through ethical dialogue and political action. The article discusses the historical development of the types of power in the formation of various political forms of society. Social-philosophical analysis of interrelation between the policy and ethics in the process of their historical transformation is revealed through such concepts as «banality of evil», «vita active», «new defence».

Key words: german philosophy, Arendt, existentialism, social philosophy, ethics, policy, history, mass society, alienation, public space, plurality.

References

1. *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft (The origins of totalitarianism).* München; Zürich, 1986. 1024 S.
2. *Arendt H. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht über die Banalität des Bösen (Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil).* 15. Aufl. München, 2006. 440 S.
3. *Arendt H. Die verborgene Tradition: Acht Essays.* Frankfurt, 1976. 167 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *Skrytaya traditsiya: esse.* Moscow, 2008. 221 p.)
4. *Salamun K. Wie soll der Mensch sein? Philosophische Ideale vom «wahren» Menschen von Karl Marx bis Karl Popper (How can a person be? Philosophical ideal of the «true» people of Karl Marx to Karl Popper).* Tübingen, 2011. 274 S.
5. *Arendt H. Vita activa oder vom tätigen Leben.* Stuttgart, 1960. 309 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni.* St.-Petersburg, 2000. 437 p.)
6. *Lomako O. M. Filosofiya Otto Fridrikha Bol'nova: sotsialnoe, eticheskoe, ekzistentsial'noe (Philosophy of O. F. Bollnow: it's social, ethic and existential aspects).* *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy,* 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 30–34.
7. *Bollnow O. F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus (New Security. The Problem of Overcoming of Existentialism).* Stuttgart; Köln, 1960. 247 p.

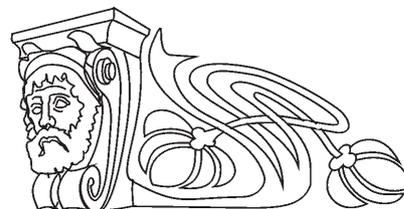
УДК 101.1:316+130.2

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ

Лукьяненко Константин Александрович – ассистент кафедры религиоведения и теологии, Саратовский государственный университет
E-mail: dakos@inbox.ru

В статье кратко освещены и проанализированы некоторые аспекты развития художественного творчества, зависящие от духовного состояния художника. Автор утверждает, что любое художественное творение запечатлевает в себе духовное состояние художника в момент его создания. Взлеты и падения в творческой жизни художника являются своего рода «духовным

барометром». Художник, стремящийся вести духовно здоровый образ жизни, преимущественно создает сакральное искусство; и, наоборот: художник, ведущий аморальный образ жизни, не думающий о своей духовной чистоте, порождает чувственное искусство, которое в своем предельном развитии является инфернальным. Рассмотрено, как произведения искусства влияют

на духовное бытие человека и какие риски в себе таит художественное творчество для всего социокультурного пространства. **Ключевые слова:** эстетика, искусство, духовность, антропологическая реальность, художник, духовный импульс, модернизм, трансцендентное, секуляризация, социокультурные риски, динамика, глобализация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-25-30

Любое культурное явление, заключающее в себе комплекс эстетических и психологических моментов, всегда неоднозначно воспринимается социумом. Главным фактором такого разностороннего восприятия конкретного произведения (например, «Троицы» А. Рублева или «Черного квадрата» К. Малевича), а также его создания является «разноуровневость» духовного бытия человека «творящего» и человека «воспринимающего». По существу, любое творение запечатлевает и отражает не просто духовное состояние «творца» в период создания произведения искусства, но его духовную интенциональность. Поэтому на плод творения накладывается своего рода духовная печать, которая не только передает эмоциональную компоненту момента вдохновения, но и отражает «взор» художника, куда направлены его духовные очи. Если бессознательная глубина художника наполняется различными нечистотами и похотью, то такой образ бытия порождает чувственное искусство. Если художник пытается жить целомудренно, не оскверняя себя, для которого основной реальностью-ценностью является Бог, то рождается искусство священное как по содержанию, так и по форме [1, с. 436].

Стоит вспомнить, что человек – принципиально двойственное существо, совмещающее в себе не только противоположности (любовь и ненависть, добро и зло и т.п.), но он «является синтезом времени и вечности», как сказал С. Кьеркегор. Н. Бердяев, в свою очередь, его дополнил и справедливо уточнил, что человек – это «синтез колеблющийся, то устремляющийся к вечности, то попадающий во власть времени». В этом определении раскрывается христианский принцип восприятия двойственной природы человека как единства внешнего и внутреннего, о котором глубоко и детально говорит в своих посланиях ап. Павел. Внутренний человек, по словам апостола, в одно и то же время является и духом, и законом совести; внешний человек является плотью и влечением страсти. Если у человека происходит помутнение разума (невнимание к гласу совести), то он, не сопротивляясь, следует туда, куда зовет его страсть, плоть. Это «двоение личности», когда «...плоть желает противного духу, а дух – противного плоти» (Гал.5:17) – есть нравственная раздвоенность

(где человеку внешнему присуща только мораль, а внутреннему – нравственное начало), гениально отображена Ф. М. Достоевским. Парадоксальной истиной в функционировании «двух людей» в одной личности есть то, что смерть одного из них – является жизнью для другого: «...сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал.6:8). Этот принцип включает в себе логику развития констант духовного бытия человека. А духовное бытие, в свою очередь, влияет на развитие цивилизации и культуры, т.е. социум в целом.

Только целостный взгляд на природу человека (внешний+внутренний; тело+душа+дух) позволяет нам утверждать, что каждый индивид является носителем особой живой субъективной (энергичной) конфигурации духовности, которая постоянно модифицирует внутреннюю структуру личности в результате получения постоянных информационных импульсов цивилизации и культуры, бессознательного и трансцендентного (Бога). Сумма таких импульсов формирует ценностное бытие личности. Иначе говоря, каждый человек имеет динамический духовный проект себя, а следовательно, и свой субъективный духовный (религиозный) и эстетический опыты, которые постоянно изменяются. Структура духовного бытия человека сложна, многомерна и полифонична. Проявления этой структуры разнообразны, богаты и подвижны. Сочетание всех факторов, формирующих духовное основание человека, может быть непредсказуемым и различным по качественным и количественным характеристикам.

Такое видение структуры духовного бытия дает нам возможность говорить о том, что человек является «открытой системой», а антропологическая реальность – открытой реальностью [2, с. 5]. А для открытой антропологической реальности характерны тонкие эффекты, например, «взмах крыла бабочки» в синергетике, когда самые незначительные, неуловимые проявления могут приводить к важным последствиям [2, с. 3]. Даже самые незначительные, на первый взгляд зачаточные явления, а именно: побуждения, помыслы, внутренние движения могут повлиять кардинально на внутреннюю структуру духовного бытия человека. Как результат, совокупность всех индивидуальных обстоятельств, видимых и невидимых, может направить человека и к сакральному (искусство, Бог), и к инферальному (квазиискусство, дьявол). В качестве примера можно вспомнить историю литературной переписки А. С. Пушкина и митрополита Филарета, в которой отчетливо видна конкретная связь между духовным состоянием поэта и результатом его творчества. Именно поэтому художественное

творчество и его духовное содержание играют чрезвычайно важную роль в социальной жизни, поскольку импульсы, исходящие от произведений искусства, имеют прямое влияние на динамику развития духовного бытия человека (как минимум, на подсознательном уровне).

Исследуя принципы взаимозависимости и взаимосвязи произведений искусства с духовным бытием художника, И. А. Ильин говорит, что «порочающая и заражающая, ведущая и учительная власть» произведения зависит от глубины его художественности. Если искусство является духовно значительным, то оно «воспитывает человека и строит его дух» и, наоборот, если оно духовно ничтожно и растленно, то «развращает человека и разлагает его дух, и притом тем более, чем опьянительнее и льстивее его проявление» [3, с. 61]. Истинное искусство, «подобно музыке Орфея» (И. Ильин), обладает колоссальной мощностью строить дух и укреплять его силы, так как является «чем-то от духа и для духа» (И. Ильин). Подобная мысль уже была высказана И. Гете. Он говорил, что когда стоишь перед творениями крупных художников, например, таких как Тициан, П. Веронезе, то невольно ощущаешь «могучий дух этих мужей, как в остроумнейшей композиции целого, так и в отдельной мельчайшей его подробности. Их широкое энергетическое восприятие мира проникает все составные части полотна, а высшая мощь личности художника, расширяя собственное твое существо, поднимает тебя над самим собою» [4, с. 388]. Действительно, любой настоящий художник должен стремиться к тому, чтобы «осмысленно показать природу, постигнув в ней то высшее начало, которое во всех существах пробуждает пламенное стремление к высшей жизни». Это и есть, по словам Э. Гофмана, «священная цель всякого искусства» [5, с. 42].

Произведение художника может влиять на человека не только эстетически, но и благодаря субъективному духовному состоянию, которое помогало вдохнуть жизнь в творение. И неважно, о каком виде изящных искусств будет идти речь. Если взять, например, область изобразительного искусства, то мы должны понимать, что «бесстрашный дух творца этих картин здесь наполнил собою все формы» [4, с. 389]. И если на картине изображена природа, то «она пронизана необоримой силой художника и заново воссоздана им, в согласии с его духом и пониманием» [4, с. 389]. Любое произведение искусства, как об этом пишет И. А. Ильин, «есть, прежде всего, и больше всего выношенное художником Главное, сказуемое им содержание, почерпнутое им из таинственного существа мира и человека, или – несравненно больше и священнее – из тайны Божией (икона!)»

[3, с. 58]. Отсюда следует, что мысль И. Гете – «в пластических искусствах и в поэзии личность – это все» – абсолютно верна [4, с. 389]. Ведь различные помыслы, побуждения, действия и т.п., накапливаясь в бессознательном, оставляют духовный отпечаток на всем творчестве художника. А этот отпечаток, даже самый, казалось бы, незначительный, может излучать мощнейшую энергию.

Н. В. Гоголь в своей повести «Портрет», анализируя соотношение и взаимосвязь духовного бытия художника с его произведениями, подчеркивает, что великий (подлинный) художник пытается соприкоснуться только с творениями «исполненными многих прелестей и величавых красот» [6, с. 90]. Поскольку духовное состояние человека, согласно православной антропологии, в одно и то же время и равно, и не равно себе, то художник постоянно должен стремиться к духовной чистоте, наполнять себя, как сосуд, всем великим, добрым, неоскверненным. Поэтому для иконописца имеют особое значение постоянное бдение, духовный пост и молитва. Художник должен находиться на «одной волне» с Богом, не соприкасаться со скверной. Если же он осквернен или совершил некий грех, то ему необходимо принести покаяние, очиститься. Например, жизнь монаха-художника из гоголевской повести или житие монаха-иконописца Андрея Рублева являются ярким тому примером. Художники, ведущие подобный образ жизни, являются настоящими «поэтами-художниками» (Гоголь), и только они низводят в душу «один только мир и прекрасную тишину, а не волнение и ропот». Высокое создание искусства нисходит в мир для успокоения и примирения всех. И «оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к Богу» [6, с. 101, 111–112].

Исследования Н. В. Гоголя в сфере эстетики показали всю несостоятельность и пошлость «искусства для искусства». Такое искусство вне божественного, вне Бога, не имеет никакого смысла, оно создано для удовлетворения толпы и потому не имеет права называться искусством. Т. Адорно, подобно Н. В. Гоголю, рассматривая трансцендентную природу искусства, отметил, что ближайшим образом к произведению искусства как явления стоит апарияция, небесное явление. Он говорит о том, что «произведения искусства, лишенные апарииции, в которых вытравлен даже ее след, – это всего лишь пустые оболочки» [7, с. 119].

Онтологическая специфика сакрального образа-символа заключается в способности выражать трансцендентность абсолютного измерения священного через имманентное – материальную субстанцию художественного произведения.

Именно поэтому «сила эстетического влияния этих образов определяется не столько художественной ценностью и внешней “красивостью”, сколько их уникальным духовным потенциалом, мощной аурой, имеющейся благодаря онтологической связи со священным абсолютном» [8, с. 192]. Поэтому созерцание таких произведений пробуждает особые чувства, вызывая катарсис и духовный подъем.

Многими и отечественными и зарубежными исследователями высказана мысль о том, что искусство является универсальным языком религии, священным кодом культуры [8, с. 179]. Значение религиозных символов и символов священных вещей состоит в том, что они раскрывают фундаментальные условия функционирования человеческого общества (Э. Дюркгейм). Поэтому ряд исследователей видят кризис культуры в секуляризации. В. И. Мартынов считает, что результатом кризиса культуры является «процесс утраты достоверности спасения и расцерковления сознания» [9, с. 108]. Это утверждение дополняется тем, что человек утратил подлинный молитвенный образ, способность к молитве, посредством которой происходит синергичное общение между человеком и Богом. Чем меньше человек обращается к Богу, чем его молитва становится более поверхностной и слабой, тем «Бог все больше и больше остается снаружи, а человек все больше и больше превращается во фрагмент, “не затронутый в своей глубочайшей природе”» [9, с. 109]. Ф. Ницше был именно тем человеком, который смог ощутить и увидеть, что присутствие Бога больше не переживается человеком. И как пишет В. И. Мартынов, слова «Бог мертв» означают «окончание эпохи представления и переживания вообще». Само же окончание этой эпохи свидетельствует, «что искусство более не может и не должно ничего выражать...» [9, с. 110].

Не только художник, но любой человек, утративший чувство предстояния, веру в священное, веру в Бога, не может насыщать культуру истинными творениями, преображающими общество. Когда речь идет о молитве, мы имеем в виду не просто ее конфессиональную и догматическую принадлежность, но сверхконфессиональную, сверхдогматическую, такую молитву, которая объединяет каждого человека как предстоящего перед Богом, который своими делами доказывает веру в Первоисточник, в Перводвигатель, в Творца и воздает ему славу. Разумеется, это особая религиозность, которая превращает «всю жизнь во всех ее поступках и переживаниях в молитву – в общественно не оформленную, догматически не сформулированную, не конфессиональную, но подлинную молитву» [10, с. 67]. Такую

жизнь можно вести и в стенах церкви, подобно Святым Отцам, и совершенно внеконфессионально, подобно Гераклиту, Сократу, Платону, Марку Аврелию; или как Пушкин, Гегель и Гете, не выходя из церкви, осуществлять именно такую сверх-вероисповедную религиозность [10, с. 67]. Следуя этому, очень важно понимать, что в основании логики жизни человека, живущего вне Главного, а тем более художника, следующего только своим животным инстинктам, пытающегося пренебречь своей духовной составляющей (отсесть ее), лежат утилитаризм и гедонизм.

Художник, верный своему призванию, с радостью выполняет свое служение: он является нашим душевным врачом и воспитателем [3, с. 61]. Он сеет добрые семена своими творениями, воздействие которых не прекращается со временем и порождает хорошее [4, с. 388]. Духовно безответственный художник, не верный своему призванию, «вместо благих средств дает нам яд; и вместо благих путей ведет нас к распаду и гибели!» [3, с. 61]. И художник, и художественный критик, а также любой деятель искусства, не верные своему призванию, сеют семена зла. Даже если бы со временем живущий подобным образом человек осознал свою ошибку и попытался ее исправить, даже признать публично, «все равно окажется, что его лжеучение уже сделало свое дело, да и впредь будет наподобие лианы, обвиваться вокруг всего правильного и доброго» [4, с. 388]. «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь, и поняли красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность – жестокость...», – слышим мы слова героя в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» [11, с. 134].

Мы ни в коем случае не пытаемся утрировать проблему глубинной связи человека с культурой, ведь любая культура безусловно и обязательно влияет на духовное состояние человека, но не стоит и преуменьшать ее. В. М. Бехтерев справедливо относил данную проблему к фактору, играющему видную роль как в повседневной, так и в социальной жизни. Говоря о физической заразе, посредством «живого контагия», он настаивает на том, что не меньшее значение имеет и «психический контагий», который приводит к психической заразе, и «подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты и движения окру-

жающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными» [12, с. 7]. Особенно важно это понимать сейчас, во время интенсивной глобализации, «поскольку процессы глобализации объединяют в себе бесконечное число аспектов социальной жизни, которые варьируются по ширине охвата – от локальных до планетарных, обладая при этом разной динамикой и направленностью» [13].

Следуя мысли П. А. Сорокина, мы живем в чувственном типе культуры, начавшемся в XVI в. и достигшем своего апогея в конце XIX и начале XX в. Чувственная культура, в отличие от двух других (идеациональной и идеалистической), стремится освободиться от всего святого: от религии, религиозного искусства и других христианских ценностей, являя собой радикальную противоположность идеациональному типу культуры. Стиль искусства чувственного типа культуры П. А. Сорокин обозначает как «искусство ради искусства». Это «искусство голливудского шоу», оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще – безнравственно, антирелигиозно и антисоциально. Чувственное искусство создается для общества и становится товаром «ради релаксации, потребительства, развлечения и удовольствия, для стимуляции усталых нервов и сексуального возбуждения» [1, с. 451]. «Оно игнорирует почти все высокое и благородное в самом человеке, в его социальной жизни, культуре, садистски заостряя внимание на всем посредственном и в особенности негативном, патологическом, порнографическом, антисоциальном и получеловеческом» [1, с. 455]. В данном обществе божественные ценности и стандарты истинного искусства умирают во мнении публики (человека-массы) и постепенно заменяются фальшивыми критериями псевдоискусства. Все это П. А. Сорокин определяет как «признаки разрушения искусства, художника и самого человека» [1, с. 452].

Произведения бездуховных, безответственных и бессовестных художников, которые к искусству относятся в шуточной форме, по-мальчишески (Ортега-и-Гассет), производят вирусы распада и разложения [1, 450]. Бесспорным является тот факт, что «искусство, которое слагается на этом пути и выбрасывается наружу из недр бездуховной души, есть мнимое искусство, часто ничтожное и пошлое» [3, с. 65]. Оно в себе самом несет деструктивный импульс как человеку, так и подлинному искусству: «бездуховное и противодуховное искусство сеет лишь

соблазн, расслабление и заразу» [3, с. 71]. К сожалению, художники-модернисты «воображают, будто создают новые эстетические “формы”; а на самом деле они убивают искусство, извергая из себя душевно-больные содержания в эстетически больной форме» [3, с. 66].

Мы делаем предположение, что акции многих современных перформансистов никак не могут считаться искусством, художественным творчеством и культурой (это квазиискусство квазикультуры). А работы таких художниц, как Джессика Харрисон и Мария Рубинке есть больной бред, духовное разложение и гниение, как об этом говорил И. А. Ильин [3, с. 66]. Оно не несет пользы, но только заражает человека: «...больной или вывихнутый душевный механизм передается от человека к человеку на путях незаметного воспроизведения и непровольного подражания» [3, с. 67].

Подводя итоги краткого анализа некоторых аспектов развития художественного творчества, зависящего от духовного состояния художника, отметим, что последним писком современного творчества являются работы китайского скульптора Киттивата Унарома. Он прославился своей «жуткой пекарней», в которой выпекает хлеб, печенье, булочки и торты в виде расчлененных частей человеческого тела.

Что же касается будущего, которое ожидает искусство, то здесь мы согласимся с В. Вейдле. Он был уверен, что «воссоединение искусства с религией, если ему суждено осуществиться, будет не только спасением искусства, но и симптомом религиозного возрождения. Когда отвердевшая вера станет вновь расплавленной, когда в душах людей она будет вновь любовью и свободой, тогда зажжется и искусство ее собственным живым огнем. К этому в мире многое идет, и только это одно может спасти искусство» [14]. Это же касается и всех факторов динамики глобальных процессов, которые без морали не смогут достичь необходимых результатов [15, с. 86].

Список литературы

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М., 1992. 543 с.
2. Хоружий С. С. Человек сущее тройкоразмыкающее себя. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2011/06/horuzhy_troyakoe_sushee.pdf (дата обращения: 16.01.2015).
3. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1. 558 с.
4. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман; вступ. ст. Н. Вильмонта; коммент. и указатель А. Аникста. М., 1986. 669 с.

5. Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века / сост. И. С. Ковалева. Л., 1985. 496 с.
6. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. М., 1984. Т. 3. 294 с.
7. Адорно Т. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. М., 2001. 539 с.
8. Головей В. Ю. Сакральне в мистецтві: проблема образотворчої репрезентації. Луцьк, 2012. 420 с.
9. Мартынов В. И. Конец времени композиторов / послесл. Т. Чередниченко. М., 2002. 296 с. URL: <http://www.rp-net.ru/book/publications/Martynov/> (дата обращения: 14.01.2015).
10. Ильин И. А. Кризис безбожия. Краматорск, 2005. 496 с.
11. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. СПб., 1995. Т. 14. 783 с.
12. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2009. 288 с.
13. Орлов М. О. Социальная динамика : философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации : автореф. дис. д-ра филос. наук. Саратов, 2009. URL: <http://www.dissertcat.com/content/sotsialnaya-dinamika-filosofskometodologicheskie-osnovaniya-diskursivnogo-upravleniya-v-usl> (дата обращения: 18.01.2015).
14. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937. 137 с. URL: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_44.html (дата обращения: 12.01.2015).
15. Орлов М. О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // Власть. 2008. № 1. С. 84–88.

Spiritual Potential of Artistic Creation: Sociocultural Risks

K. A. Lukyanenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: dakos@inbox.ru

In the article briefly lighted up and analyzed some aspects of development of artistic creation, depending on the spiritual state of artist. The author contends that any work of art captures a spiritual state of the artist at the time of its creation. Basically, any creation captures and reflects not only the spiritual state of «creator» during the creation of work of art, but his spiritual intentionality. Therefore, there is always a kind of spiritual seal on the result of creation. The spiritual seal conveys not just the emotional component of the moment of inspiration, but also reflects the «look» of the artist, where his spiritual eyes are directed. Ups and downs in the life of any artist are a kind of «spiritual barometer». It was shown that an artist aspiring to conduct spiritually healthy way of life mainly creates a sacred art. And, vice versa. Artist leading an immoral life, who doesn't think about his spiritual purity, generates a sensual art, which in its extreme development is infernal. It was shown how the works of art influence on the spiritual being of man, and what risks artistic creativity hides in itself for the entire socio-cultural space.

Key words: aesthetics, art, spirituality, anthropological reality, artist, spiritual impact, modernism, transcendent, secularization, socio-cultural risks, dynamics, globalization.

References

1. Sorokin P. A. *Society culture and personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology*. New York, 1947. 742 p. (Russ. ed.: *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow, 1992. 543 p.)
2. Horuzhiy S. S. *Chelovek sushchee troyakorazmykaushchee sebya* (Man as a being in three ways opening oneself). Available at: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2011/06/horuzhy_troyakoe_sushee.pdf (accessed 16 January 2015).
3. Ilyin I. A. *Osnovy hudozhestva. O sovershennom v iskusstve* (Basics of art. About a perfect in art). *Sobr. soch.*: v 10 t. (Collected works: in 10 vol.). Moscow, 1996. Vol. 6, book. 1. 558 p.
4. Eckermann J. P. *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*: 3 bd. Leipzig, 1836. Bd. 1. XIV +386 S. (Russ. ed.: Ekkerman I. P. *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni*. Moscow, 1986. 669 p.)
5. *Iskusstvo i hudozhniki v zarubezhnoy novelle XIX veka* (Art and artists in a foreign novel of the XIX century). Leningrad, 1985. 496 p.
6. Gogol N. V. *Sobr. soch.*: v 7 t. (Collected works: in 7 vol.). Moscow, 1984. Vol. 3. 294 p.
7. Adorno T. W. *Ästhetische Theorie Hrsg. von Gretel Adorno und Rolf Tiedemann*. 13. Aufl. Frankfurt/M., 1995. 520 p. (Russ. ed.: Adorno T. *Esteticheskaya teoriya*. Moscow, 2001. 539 p.)
8. Golovei V. Yu. *Sacralne v mistetstvi: problema obrazotvorchoyi representatsii* (Sacred in art: of pictorial representation). Lutsk, 2012. 420 p.
9. Martynov V. I. *Konets vremeni kompozitorov* (End of time of the composers). Moscow, 2002. 296 p. Available at: <http://www.rp-net.ru/book/publications/Martynov/> (accessed 14 January 2015).
10. Ilyin I. A. *Krizis bezbozhiya* (The crisis of atheism). Kra-matorsk, 2005. 496 p.
11. Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.*: v 15 t. (Collected works: in 15 vol.). St.-Petersburg, 1995, vol. 14. 783 p.
12. Bekhterev V. M. *Vnushenie i ego rol v obshestvennoy zhizni* (Suggestion and its role in social life.). St.-Petersburg, 2009. 288 p.
13. Orlov M. O. *Sotsialnaya dinamika: filosofsko-metodologicheskie osnovaniya diskursivnogo upravleniya v usloviyah globalizatsii: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* (Social dynamics: philosophical and methodological foundations of discursive control in the context of globalization: author. of thesis PhD in Philosophy). Saratov, 2009. Available at: <http://www.dissertcat.com/content/sotsialnaya-dinamika-filosofskometodologicheskie-osnovaniya-diskursivnogo-upravleniya-v-usl> (accessed 18 January 2015).
14. Veidle V. *Umiranie iskusstva. Razmyshleniya o sudbe literaturnogo i hudozhestvennogo iskusstva* (Dying of art. Reflections on the fate of the literary and artistic creation). Paris, 1937. 137 p. Available at: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_44.html (accessed 12 January 2015).
15. Orlov M. O. *Sotsialno-politicheskie faktory dinamiki globalnyh protsessov* (Socio-political factors affecting the dynamics of global processes). *Vlast* (The Power), 2008, no.1, pp. 84–88.

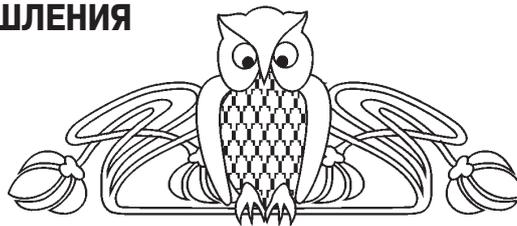

УДК 111.1+101.2+929 Хабермас

АНАЛИТИКА ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У Ю. ХАБЕРМАСА

Малкина Светлана Михайловна –

кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

В статье осуществляется рассмотрение аналитики понятия постметафизического мышления у Ю. Хабермаса. В результате трансформации четырех аспектов метафизического мышления (мышления тождества, идеализма, философии сознания как *prima philosophia* и сильного концепта теории) в современной философии, по Хабермасу, происходит сдвиг, который приводит к формированию постметафизического мышления, также характеризующегося четырьмя чертами: процедурной рациональностью, ситуированием разума, лингвистическим поворотом и отказом от выхода за рамки повседневного. Однако хабермасовский проект социальной коммуникации, который должен воплощать в себе все преимущества постметафизического мышления, сам содержит в себе сложности, ставящие под вопрос дисциплинарное бытие философии вообще.

Ключевые слова: постметафизическое мышление, метафизика, современная философия, Хабермас, коммуникативные практики, лингвистический поворот.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-31-36

Термин «метафизика», будучи первоначально введенным как технический термин, в дальнейшем употреблялся в философии весьма произвольно, что во многом связано с тем, что трактовка понятия метафизики взаимосвязана с трактовкой природы философии вообще, которая переопределяется чуть ли не у каждого нового философа. Соответственно, и противоположное понятие «антиметафизического» носит весьма условный характер, служа, скорее, маркером обновления философии, чем указанием конкретного направления этого обновления. Поскольку каждый философ, выступающий с критикой метафизики, обозначает этим термином устаревшее (по отношению к его мысли), то не должна вызывать удивления весьма сильная расплывчатость этого понятия. В философском лексиконе мы можем встретить слова «неметафизический», «антиметафизический», «постметафизический», которые также образуют между собой подвижные границы, то становясь синонимами, то подчеркивая свое различие. Один из наиболее существенных вкладов в разработку понятия «постметафизического» внес Ю. Хабермас в своей работе «Постметафизическое мышление».

Говоря о четырех темах, отмечающих современные направления философии (а это, прежде всего, аналитическая философия, феноменоло-

гия, западный марксизм и структурализм, причем все, кроме феноменологии, находятся в состоянии «пост-»; направления же современного иррационализма вообще не рассматриваются), Хабермас выделяет: 1) постметафизическое мышление; 2) ситуирование разума (*situierter Vernunft*), включающее его в практики жизненного мира и историзирующее его; 3) лингвистический поворот; 4) переворачивание примата теории над практикой или преодоление логоцентризма.

Если в эссе «Горизонт современности меняется» постметафизическое мышление выступает для Хабермаса не синонимом, а одним из компонентов современного мышления, то в эссе «Темы постметафизического мышления» Хабермас уже соотносит это понятие с современной философией вообще. Если в первом эссе постметафизическое мышление понимается им в узком позитивистском смысле как просто негативное отношение к метафизике и стремление ее преодолеть (т.е. скорее как логически отрицательное понятие), то во втором эссе все остальные темы современной философии также относятся к постметафизическому мышлению в широком смысле этого слова, превращая постметафизическое мышление в позитивную программу. Для Хабермаса проблема преодоления метафизики связана со стремлением утвердить научный статус философии в условиях изменившейся научной рациональности. Поэтому постметафизическое мышление, по Хабермасу, характеризует не только позитивистов, но и Франкфуртскую школу философии, структуралистов, даже раннего Гуссерля с его концепцией «философии как строгой науки», хотя тот и не говорил прямо о преодолении метафизики, да и в понимании научности далеко расходился с позитивистами. Хабермас не случайно рассматривает постметафизическое, прежде всего, в сциентистском ключе. Философия в целом для него «потеряла автономию от наук, с которыми она должна сотрудничать» [1, с. 16], хотя и отдает себе отчет в том, что науки тоже в большей или меньшей степени зависимы от философских оснований и спекулятивного дискурса.

Ситуирование разума в «онтологически ориентированной феноменологии» означает ориентацию на жизненный мир, которая отлична от поиска трансцендентного взгляда «со стороны» на «объективную действительность», характерную для метафизики. В перспективе современности разум из *topos uranius* ввергается в зону человеческой практики и оказывается действующим в области языковых игр (Л. Витгенштейн), в контексте традиции (Х. -Г. Гадамер), бессознательных структур (К. Леви-Стросс) и исторической тотальности марксистов.

Поворот к языку в современной философии означает для Хабермаса отказ от классического натурализма и наивного реализма. Мир предстает для нас в языке, мы заключены в языковой сетке, нет онтологии, данной вне и независимо от языка. Естественно, такое видение реальности характерно прежде всего для Л. Витгенштейна и аналитической философии в целом и структурализма, но оно может быть прослежено и в других философских направлениях, в частности в феноменологии.

«Обмирщение» разума поддерживается переворотом классического взаимоотношения между теорией и практикой в пользу прагматической трактовки. Хабермас называет это также критикой логоцентризма в том смысле, что логос (теория, разум) больше идеалистически не господствует над социальной практикой, напротив, именно в ней разум себя и выкристаллизовывает через коммуникацию. Хотя сам термин «логоцентризм» отсылает к деконструкции Деррида, для Хабермаса данная тема современной философии – это, прежде всего, марксистская идея, созвучная также прагматизму (от Ч. Пирса до Дж. Мида), психологии Ж. Пиаже, теории языка Л. Выготского, социологии знания М. Шелера и концепции жизненного мира Э. Гуссерля.

Четыре темы постметафизического мышления для Хабермаса не случайны и не произвольны. Они соответствуют тем трудностям, с которыми встречается метафизическое мышление. Хабермас выделяет следующие аспекты метафизического мышления: мышление тождества, идеализм, философию сознания как *prima philosophia* и сильный концепт теории.

1. Метафизическое мышление рождается как *мышление тождества*. В отличие от мифологического мышления, рассматривающего начало мира во временном плане, как некий *der Anfang*, метафизическое мышление мыслит начало как *der Ursprung*, основание, одновременно не являющееся чем-то эмпирически данным, но действующее в каждый момент времени. Далее: если в мифе речь идет о конкретных взаимосвязях

частного-с-частным, то в метафизике частные сущности соотносятся с единым целым. Поэтому, по Хабермасу, «единое и многое, абстрактно познаваемое как отношение тождества и различия, является фундаментальным отношением, которое метафизическое мышление познает и как логическое, и как онтологическое: единое является и аксиомой, и сущностным основанием, принципом и началом» [1, с. 30].

Эта нацеленность на единое традиционной метафизики была поставлена под вопрос новым типом процедурной рациональности, которая утверждает себя с XVII в., в результате чего была подорвана когнитивная привилегия философии.

2. Что касается *идеализма*, то Хабермас говорит об изначальной ошибке, которой со времен Платона грешила теория идей. С одной стороны, идеи выдвигаются как продукт интеллектуальной интуиции и тем самым должны исключить из себя все материальное. С другой стороны, идеи являются продуктом интеллектуальной и дискурсивной деятельности эмпирических индивидов и всегда несут в себе элементы этой «материи», не достигая заявленной чистоты.

А в XIX в. этот дефект сталкивается с появлением исторического сознания, которое произвело детрансцендентализацию основополагающих концептов. Вместо нацеленности на чистое, вневременное и безличное происходит переориентация на конечное, историчное и ситуационное.

3. После контрдвижений номинализма и эмпиризма метафизика заново укрепляется в философии сознания как *первой философии*. Сначала Декарт делает самосознание субъекта основанием, на котором базируется наше знание об объектах. А в немецком идеализме это самосознание становится источником трансцендентальной деятельности, обеспечивая таким образом новое основание для метафизики, поскольку ему удастся сохранить превосходство тождества над различием, дать единый синтез, характерным примером чего является система Гегеля, где несмотря на опосредование и диалектические дифференциации, в конечном итоге, все равно утверждается единое.

Сдвиг, который происходит в XIX в. от философии сознания к философии языка, обусловлен критикой тех «оснований философии, которые заключали все внутри субъект-объектных отношений» [1, с. 34].

4. *Сильное понятие теории* возникло еще в античности из представлений о созерцательной жизни (*bios theoretikos*), которая доминирует над иными формами жизни, обеспечивая привилегированный доступ к пространству истины: «Тео-

рия требует отказа от естественной установки по отношению к миру и обещает соприкосновение с необычайным» [1, с. 32]. В Новое время же концепт теории десакрализуется и теряет свой элитарный характер: «То, что осталось – это идеалистическая интерпретация, опирающаяся на удаленность от повседневного опыта и интересов» [1, с. 33], что особенно заметно в традиции немецкой философии. Теория пытается компенсировать утрату сакрального измерения своей «чистотой», как и в случае с теорией идей здесь осуществляется тщетная попытка избавить теорию от своего «земного происхождения». А с XIX в. растет понимание не только взаимосвязи теории и практики, но и неискоренимой укорененности теории в деятельности человека, что привело к появлению не только марксистской критики идеологии, но и понятия жизненного мира.

Таким образом, Хабермас выделяет четыре сдвига в философии, приводящие к четырем аспектам современного мышления, которые можно обозначить как постметафизические. Заметим, что те направления философии, которые участвуют в разработке этих тем (феноменология, постструктурализм, постаналитическая философия и постмарксизм), разрабатывают их в разных сочетаниях, в одних аспектах сохраняя особенности прежней метафизики, а в других – сдвигаясь от нее в направлении постметафизики. Это позволяет им успешно обвинять друг друга в метафизичности и считать себя наиболее прогрессивными в движении к новому мышлению. В частности, это характерно и для самого Хабермаса, поскольку именно свою философию социальной коммуникации он считает наилучшим образцом постметафизического мышления.

Если в метафизическом мышлении рациональность тотальна, поскольку она мыслится как органический компонент мира, из которого может быть выведена, то в современных науках рациональность редуцируется до рациональности процедур, которые используются для решения проблем. Теория более не претендует на тотальное схватывание и привилегированный доступ к истине, вопрос об истине решается локально, на уровне *процедурной рациональности*, которая и характеризует, по Хабермасу, постметафизическое мышление.

Можно выделить пять основных аспектов, раскрывающих значение понятия «процедурной рациональности» у Хабермаса.

Во-первых, в отличие от метафизической рациональности, процедурная рациональность не претендует на единство во множестве явлений, в мире не предполагается единого всеобщего

гомогенного порядка. Вместо этого «рациональным считается успешное решение проблем через процедурно-соответствующий подход к реальности» [1, с. 35].

Во-вторых, вместе с тотальностью целого исчезает перспектива, исходя из которой различаются сущность и явление, знание структур не дает более знания «природы вещей», вместо глубины мы имеем дело просто с новыми поверхностями, понятие «фундаментального» теряет свой буквальный смысл. «В науке феномены прослеживаются назад ко все более и более фундаментальным структурам <...> но <...> они более не бросают свет на позицию индивида в космосе, на его место в архитектонике разума или внутри системы» [1, с. 35]. С точки зрения Хабермаса, оппозиция сущность/явление была заменена оппозицией внешнее/внутреннее, хотя вряд ли с ним можно согласиться, что последняя не относится к метафизическому мышлению.

В-третьих, усиливается дифференциация номологических эмпирических наук о природе и герменевтических наук о культуре. Если в первых наблюдатель имеет привилегированный статус, то в последних он включен в социальную практику, интерпретативная процедура связывает своих участников. Впрочем, и здесь Хабермас слишком упрощает положение дел, ведь в современной физике уже невозможно рассматривать наблюдателя как абсолютно независимого.

В-четвертых, трансформируется понимание природы истины. Современное знание перестает быть самоуверяющим и самодостаточным. Если метафизика как первая философия претендовала на аподиктическое знание, начиная его строительство с «самоочевидных» аксиом или «неопровержимых» положений, то теперь «допущения, с которых начинаются научные теории, трактуются как гипотезы и должны удостоверяться через их последствия – будь то в эмпирическом подтверждении или через их согласованность с другими, уже принятыми, высказываниями» [1, с. 36].

В-пятых, изменяется язык науки. Закрытая метафизическая система должна формулироваться на языке, не требующем интерпретаций, т.е. здесь мы опять имеем дело с иллюзией чистоты, свободы от исторического и эмпирического контекста. Постметафизическая рациональность уже рассматривает язык как часть определенной эпохи и парадигмы.

Необходимым этапом разрыва с метафизическим идеализмом, по Хабермасу, выступает *ситуирование разума*, которое противопоставляет всеобщности, вневременности и необходимости метафизики объективность, конечность и фак-

тичность. Примером этому может служить критика гегелевского идеализма Фейербахом, Марксом и Кьеркегором. Отправным моментом этой критики становится стремление к приближению разума к человеческой ситуации, желательность «разума, порожденного в естественной истории, телесно воплощенного, социально ситуированного и исторически контекстуализированного» [1, с. 39–40], а целью, пусть до конца и не осуществленной, оказывается стремление положить конец тотальности метафизического разума.

Ситуирование разума возникает как реакция на самореференциальное тотализирующее мышление диалектики и сверхмирскую позицию трансцендентального субъекта. Параллельно философии критика метафизической тотальности осознается как предпосылка новых возможностей в гуманитарных науках, открывших для себя вовлеченность субъекта в исторический контекст, в котором он порождает специфические символические системы и институты.

Новый шаг в философии субъекта делает М. Хайдеггер, порывая с философией сознания. *Dasein*, хотя и не зависит от истории, понимает себя из нее и из горизонта своей конечности. Познание больше не является основным отношением субъекта к миру, и, таким образом, вместо субъект-объектных отношений *Dasein* связывает с миром понимание. В противовес эмпирическому и трансцендентальному субъектам Хайдеггер, отмечает Хабермас, «хочет понимать проецирующую мир субъективность как бытие-в-мире, как индивидуальный *Dasein*, который обнаруживает себя уже внутри фактичности исторического окружения, но в то же время не должен утратить своей трансцендентальной непосредственности» [1, с. 41]. Однако экзистенциальная аналитика *Dasein*, по мнению Хабермаса, не решает проблемы intersубъективности, ведь каждый *Dasein* производит свой миропроjekt. В более поздней философии события Хайдеггер уходит от «индивидуализма» *Dasein*, однако при этом, полагает Хабермас, мистифицируется и возводится в ранг абсолюта уже само бытие. Тем самым обесценивается процесс познания как таковой. Онтологическое предпонимание задает некий контекст знания, который уже никак не может быть затронут решением проблем, накоплением знания, трансформацией производительных сил или моральными побуждениями. На самом деле, Хабермас здесь не совсем прав, предпонимание вовсе не является настолько фиксированной основой, оно зависит не столько от трансформации сущего (куда включается и комплекс знания), сколько от трансформации самопонимания

человека. Хотя, конечно, к науке, способной решать практические задачи бытия в обществе, это имеет опосредованное отношение.

В целом, как отмечает Хабермас, все эти проблемы являются наследством трансцендентальной субъективности, путь даже и видоизмененной. Они могут быть решены только через переход к иной субъективности, где основой уже будет intersубъективность, ключом к которой станет поворот к языку как средству коммуникации: «Субъекты, способные к говорению и действию, которые на фоне общего жизненного мира приходят к пониманию друг друга относительно чего-то в мире, полагаются на посредство своего языка и автономно, и зависимо: они могут использовать системы грамматических правил, делающие, в первую очередь, их практики возможными также и для своих собственных целей» [1, с. 43].

Таким образом, постметафизическое мышление в полной мере может себя реализовать именно в *лингвистическом повороте*, давшем средства для анализа «разума, воплощенного в коммуникативном действии» [1, с. 44]. Жизненный мир при этом оказывается как источником коммуникативного действия, так и его продуктом.

В отличие от философий сознания, которые руководствовались критерием внутренней достоверности – от акта интеллектуальной интуиции Декарта до интроспекции у Гуссерля, что оставляло подозрение в субъективности, опора на язык с его объективными структурами дает методологическое преимущество. Сознание оказывалось вырванным из мира и противопоставленным ему, причем обратный путь к явлениям мира всегда вызывал у философии сознания значительные трудности, вплоть до введения посредничества Бога. Эту проблему отчасти решили концепции Фрейда, Пиаже и Соссюра, где говорящий и действующий субъект вписывается в мир уже до того, как начинает относиться к чему-либо в мире как к объекту. Кроме того, обращение к языку дает методологически intersубъективную достоверность, возможность наблюдения и практики.

Хабермас выстраивает линию развития лингвистического поворота следующим образом: семантика – семиотика – прагматика. Недостатком первых двух, т.е. семантики (Фреге и аналитическая философия) и семиотики (Соссюр и структурализм) является их абстрагирование от действительных коммуникативных практик субъекта (прагматики языка), чем и вызван поворот к прагматике. Если проблемой философии субъекта было его абсолютизирование, то в семантическом анализе проблемой стало как раз

его игнорирование. Первый шаг от формальной семантики к прагматике – включение в рассмотрение речевой ситуации, применения языка и его контекстов, позиции говорящего. Второй шаг – анализ универсальных предпосылок, носящих нормативный характер, на которых строится диалогическая коммуникация. Эти предпосылки, как оказалось, являются сильными идеализациями – например, представление о том, что все участники диалога используют слова в одном значении. Проблемой структурализма также было исключение из рассмотрения индивидуальности субъектов, они как бы не участвовали в говорении и действии. Прагматический поворот как раз и поставил задачей синтезировать все ценное в семантике и семиотике, но исходя из горизонта интересубъективных взаимодействий и коммуникации.

Хабермас указывает, что любой дискурс основан на личных местоимениях и тем самым оказывается общением всегда различных, хотя в чем-то и схожих, личностей. Эта коммуникативная основа ставит вообще под вопрос единство научного дискурса, отдавая все на откуп частным коммуникативным практикам. Поэтому для Хабермаса показателем постметафизичности является также примат практики над теорией, что он называет преодолением логоцентрической конструкции разума.

Отказ от выхода за рамки повседневного (Deflationierung des Außeralltäglichen). Примат практики над теорией для Хабермаса означает выбор в пользу ситуированного разума и отказ от универсалистских притязаний разума: «Сегодня во многих областях доминирует контекстуализм, который ограничивает все притязания истины рамками локальных языковых игр и условно принятых правил дискурса и приспособливает все стандарты рациональности к привычкам или конвенциям, верным только *in situ*» [1, с. 49]. Правда, в этом случае напрашивается вопрос о статусе теории самого Хабермаса: если он себя причисляет к представителям постметафизического мышления, то к его теории должен быть также применен этот принцип. Хабермас пытается не уйти в радикальный скептицизм, утверждая, что разум не сводится только к измерению истины и логоса (собственно, это он и подразумевает под «преодолением логоцентризма»). Он считает ограниченными три концепции разума, правившие в философии: чисто онтологическую, чисто гносеологическую и чисто лингвоаналитическую. Для Хабермаса разум представляет собой составную часть коммуникативной структуры, проявляющуюся в поведении действующих и говорящих субъектов.

Хабермас считает, что после вызова сциентизма и соответствующей критики метафизики философия должна пересмотреть свое отношение к науке. Она не должна ни полностью отказываться от нее, как это делает иррационализм, ни пытаться подогнать себя под образец частных наук, ни дистанцироваться от наук, настаивая на эксклюзивном доступе к истине. На поле частных наук философия в любом случае не сможет серьезно с ними состязаться, иррационализм Хабермаса не уважает как наследник Франкфуртской школы с ее критикой идеологии, а философские претензии на исключительность возвращают нас к метафизической иллюзии чистого мышления, порвавшего с повседневным мышлением. Философия должна играть «роль интерпретатора, осуществляющего посредничество между экспертными культурами науки, технологии, права и морали, с одной стороны, и повседневными коммуникативными практиками, с другой стороны, и, несомненно, способом, родственном тому, каким литературная и художественная критика осуществляет посредничество между искусством и жизнью. Разумеется, жизненный мир, с которым философия поддерживает необъективируемую связь, не надо смешивать с тотальностью всеобщего единого, которую метафизика стремилась описать или, более точно, сделать мировоззрением» [1, с. 39]. Жизненный мир остается тотальностью, но уже не ясной и четко структурированной всеобщностью единого, а непроблематизируемой, необъективируемой и дотеоретичной, т.е. сферой повседневной данности, с которой мы все связаны.

Таким образом, и философия выводится за сферу наук и стремления к истине. Единственным реальным предметом философии для Хабермаса является измерение социального взаимодействия и коммуникативных практик. Остается только один вопрос: можно ли еще *это* назвать философией? И не является ли ограниченной трактовка разума через практики повседневности? В любом случае постметафизическая философия, таким образом, сводится, по Хабермасу, к анализу повседневных коммуникативных практик.

Хабермас здесь заблуждается сразу в нескольких отношениях. Считая философию, как и науку, вовлеченной в жизненный мир человека, Хабермас в духе идей Просвещения подразумевает, что существование наук объясняется человеческими интересами (эмпирико-аналитических наук – стремлением к господству над природой, историко-герменевтических – практическим/этическим интересом, критических наук – стремлением к освобождению от внутренних и внешних ограничений). При этом Хабермас

соединяет вместе два измерения науки: теоретическую деятельность и теории как результат этой деятельности. В первом случае, в самом деле, может действовать большой спектр интересов, произрастающих из жизненного мира. Во втором – целью теории может быть только установление положения дел, стремление к истине как таковой, иначе это уже не научная теория. Как замечает Л. Пунтель, имеет смысл приписывать (внешним образом) философской теории освобождающую цель, только если эта теория является подлинно философской теорией, каковой она может быть только как результат поиска знания или истины самих по себе. Непонимание этого приводит к тому, что «философия деградирует до идеологии и/или разновидности борьбы» [2, с. 15]. Отсюда ошибочны и выводы, которые делает Хабермас в отношении задач философии, ограничивая ее предмет жизненным миром человека, в том виде как его понимает Хабермас, т.е. миром коммуникативной деятельности повседневности.

Список литературы

1. *Habermas J. Postmetaphysical thinking : Philosophical essays.* Cambridge ; L., 1992. 241 p.
2. *Puntel L. B. Habermas' postmetaphysical thinking : a critique.* URL: http://www.philosophie.uni-muenchen.de/lehreinheiten/philosophie_1/personen/puntel/download/2013_habermas.pdf (дата обращения: 01.02.2015).

УДК 502,12:1

КРИЗИС ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОЛЛАПСА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Орлов Михаил Олегович –

доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mil.ru

Как в российской, так и в западной социальной философии проблематика кризиса традиционных духовных ценностей западной или российской цивилизации не нашла достаточного осмысления, а сам термин «ценности» используется в совершенно различных и порой противоречивых значениях. Это является существенным методологическим препятствием в осмыслении в терминах «ценности» актуальных проблем кризиса передачи мировоззренческих и религиозных представлений, этических и эстетических норм, чувства ответственности за судьбу родной страны. В статье данные феномены, реализованные в социальном и персональном измерениях, будут обозначены понятием «духовный опыт», а термин «духовная традиция» трактуется как механизмы передачи духовного опыта от поколения к поколению.

Habermas' Postmetaphysical Thinking: an Analytic

S. M. Malkina

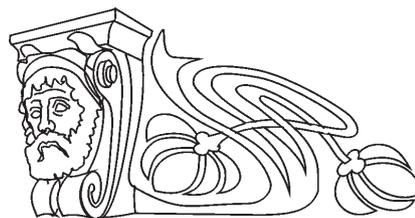
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

The article is devoted to the consideration of J. Habermas' concept of postmetaphysical thinking. According to Habermas, the transformation of the four aspects of metaphysical thinking (identity thinking, idealism, prima philosophia as philosophy of consciousness and the strong concept of theory) results in modern philosophy in a shift, that leads to establishing of postmetaphysical thinking, also characterized by four features: procedural rationality, situating reason, the linguistic turn and deflating the extra-ordinary. However, Habermasian project of social communication, which should embody all the advantages of postmetaphysical thinking, contains itself the complexity that posing into question the disciplinary existence of philosophy in general.

Key words: postmetaphysical thinking, metaphysics, contemporary philosophy, Habermas, communicative practices, linguistic turn.

References

1. *Habermas J. Postmetaphysical thinking: Philosophical essays.* Cambridge; London, 1992. 241 p.
2. *Puntel L. B. Habermas' postmetaphysical thinking: a critique.* Available at: http://www.philosophie.uni-muenchen.de/lehreinheiten/philosophie_1/personen/puntel/download/2013_habermas.pdf (accessed 1 February 2015).

Специфика исследуемого материала потребовала особого подхода, связанного с необходимостью привлекать методы истории и текстологии (т.е. истории текстов) для установления взаимосвязи богословских и философских идей, находящихся в отношениях преемственности или противостояния.

Ключевые слова: духовная традиция, духовный опыт, социальный коллапс.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-36-40

Социокультурное бытие духовной традиции в современном мире может быть рассмотрена в трех аспектах: во-первых, детально изучаемая и

осмысляемая с начала XX в. проблема кризиса европейской культуры и причины превращения западной цивилизации в цивилизацию Модерна; во-вторых, особенности модернизационного транзита стран «догоняющего развития», соотношение трех элементов – традиционного, современного («модернизация») и западного («вестернизация») – в сохранении национально-культурной идентичности и, в-третьих, это комплекс проблем, связанных с существованием первобытных обществ Африки южнее Сахары и тихоокеанского региона в мире глобализации, а также социально-религиозные процессы внутри традиционных обществ Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии.

Для изучения вопроса бытия духовной традиции в России наибольший интерес представляет кризис традиции в рамках европейской культуры и тенденции социального коллапса. В первую очередь, это связано с тем, что негативные тенденции в сохранении и передаче этического, эстетического и мировоззренческого наследия русской культуры обусловлены рецепцией элементов западной традиции; кроме того, в отличие от других культур, кризис внутри западной культуры является результатом её имманентного развития, а не следствием столкновения с иными цивилизациями, и потому может рассматриваться в качестве первопричины кризисов традиций в различных странах мира.

Развернутый сравнительный анализ истории европейской и китайской цивилизации с точки зрения их отношения к традиции дан у А. В. Виноградова [1, с. 32–66]. По его мнению, существенным отличием Европы от других мировых центров является ограниченность природных ресурсов, которая не заставляла человека «встраиваться» в природу, повторяя логику животного мира, постоянно приспосабливающегося к внешней среде (как это делал стремящийся к сохранению гармонии с природой и в обществе Восток), а вынуждала к принципиально другому типу поведения – деятельностному. Этот тип поведения предопределил формирование социума «агрессивного типа», постоянно ощущающего антагонизм «человек-природа», вынужденного противопоставлять себя внешней среде и строить в соответствии с этим свой жизненный уклад. Личная мотивация играла решающую роль в обеспечении экономического роста и производительности труда, предопределив развитие индивидуалистических ценностей. Социальной парадигмой конфликта человека с природой стало формирование классов, выросших на почве разделения труда и развитой производственной деятельности. Господствующий тип взаимоотношений с приро-

дой был перенесен на социальную среду, также воспринимавшуюся в качестве части враждебных внешних сил, помимо прочих определяющих специфику западной цивилизации факторов: разнообразия народов и культур Средиземноморья, ставшего одним из факторов разнообразия культурных и практик межкультурного взаимодействия, частично – возникновения рационального мышления; героического характера индивида как идеала личности; горизонтальной солидарности внутри полиса, которая была сильнее родовых отношений, и др. Сформированные в Римском государстве принцип частной собственности и правовая система можно назвать уникальной характеристикой европейской цивилизации, обусловившей создание «классического» феодализма и позднее – капитализма.

В отличие от Средиземноморья, на Востоке регулятором общественных отношений стало не право, а ритуал, выросший из кровно-родственного понимания социальной общности. В Европе движение этносов, смешение культур и религий стирало поступь цивилизации, цивилизованность сменялась периодами разрухи и упадка; сформировалось особое понимание перемен как насилия и тотального разрушения, в котором новое не выросло из старого, а утверждалось как отказ от него. Таким образом, сохранение культурного наследия данной территории, которое к тому же часто было чужим, редко заботило европейские народы. В качестве иллюстрации можно привести пример перехода от классической полисной культуры Древней Греции к эллинистическим монархиям с последующей динамикой «разложения» одного социально-экономического строя и перехода к другому. Это было время появления мировых религий и философских учений, знаменитых походов Александра Македонского и распада традиционного миропорядка, когда массовые миграции обусловили взаимодействие с другими народами и их культурами, вели к утрате привычного образа жизни, порождая кризис античного полиса. В итоге мировоззренческие представления эллинов, базировавшиеся на полисной системе ценностей, с одной стороны, размывались, с другой – распространялись далеко за пределами отдельных городов-государств. В связи с этим можно сказать, что регулярные разрывы и кризисы культурной традиции стали одним из атрибутов европейской культуры, вынужденной постоянно приспосабливаться к изменяющимся социальным, политическим, демографическим и иным условиям.

Дальневосточная культура была избавлена от постоянной смены культурных архетипов, и главным ее оппонентом оставалась естественная

среда обитания, а не конкурирующие этносы и культуры. Постоянство определило неприспособленность восточных цивилизаций к взрывным изменениям: они были ориентированы на постепенность. Не были сформированы механизмы адаптации к переменам, которые воспринимались как разрушение, наоборот, развитие получили инструменты реконструкции и восстановления. В этих условиях инертность культуры не была сдерживающим фактором, общественный прогресс имел другое измерение, в котором бесспорным был приоритет моральных норм.

Сравнивая западную и восточную культуру, необходимо сделать одно замечание. В отечественной философии распространено противопоставление индивидуализма Запада и коллективизма Востока (в том числе России). Однако, на наш взгляд, абсолютизация западного индивидуализма (сущность западного человека европейской традиции заключается в либеральном индивидуализме как базовом принципе организации жизни общества) является необоснованным упрощением специфики социальной жизни западных стран. Распространение западной культуры по всему миру, а также достигнутый уровень жизни обитателей стран Западной и Центральной Европы и Северной Америки были бы невозможны без высокого уровня самоорганизации западного общества, восходящего к племенным и средневековым корпоративным традициям самоуправления профессиональных и территориальных сообществ. Прежде всего, это выражается в активном участии в деятельности институтов гражданского общества. Например, среднестатистический датчанин является членом как минимум семи общественных организаций, а каждый третий житель страны работает в какой-либо из них на добровольных началах, не получая ничего за свой труд [2, с. 92–96]. Возникновение и распространение протестантизма было тесно связано с активизацией жизни самоуправляемых общин в силу большей «практической» направленности этой ветви христианства. Кроме того, присущая западному миру способность к активной самоорганизации обусловила создание идеала гражданского общества, внедрение которого в других странах является не столь успешным. В связи с этим утверждения об «индивидуализме» западной культуры должны содержать и факты высокой способности западного общества объединять усилия для достижения общих целей.

Разрушение общины в Европе заставило основание социальной пирамиды, большей частью лишенное материальных богатств, искать устойчивость в духовных ценностях, компенсировавших отсутствие семейной теплоты. Пришедшее с

Востока, исторически ориентированного на приоритет общественного, христианство «противостояло государственной власти собственников». Оно заложило основы конфликта общественного и личного, из которого затем выросло противостояние социализма и либерализма, уходящее, таким образом, истоками в противостояние Востока и Запада.

Становление капиталистической экономики с конца XVIII столетия привело к нарастанию социальной несправедливости, индивидуализации прав и свобод человека (что ранее в религиозном плане было осуществлено протестантизмом) как безличного субъекта рыночного хозяйства и опосредованию человеческих отношений, прежде регулируемых христианскими заповедями и народными традициями, капиталом. Распространение монотонного физического и интеллектуального труда, доминирование материальной культуры, эволюционировавшее до позитивизма и нигилизма «естественно-научное мировоззрение» породило у части западной интеллектуальной элиты сомнения в рациональности как основе европейской цивилизации. Внезапно исчезли интеллектуальные ориентиры, от которых человек зависел веками, что привело к двум результатам. С одной стороны, это дало огромное чувство свободы и бесконечных возможностей, что привело к радикальному экспериментированию и культу новизны. С другой стороны, это же освобождение от традиции породило страшную неуверенность и тревогу.

Кризис европейской духовной традиции и ценностей в его различных аспектах нашел свое отражение в работах европейских философов, обличавших деиндивидуализацию социальных отношений и частную собственность на землю как источник социального неравенства. Огромное влияние на развитие философии и общественного сознания при кризисе традиции оказала ницшеанская философия, утверждавшая «всего лишь человеческое», т.е. нетрансцендентное происхождение всех моральных ценностей и необходимость отказа от христианства («переоценки ценностей») ради свободного развития человека на его пути к сверхчеловеку. Провозглашенная ницшеанцами свобода полагания собственных ценностей закономерно означала также и свободу полагания для себя своей собственной «традиции», утверждавшей эти ценности. В этом аспекте идеологи нацистской Германии, активно создававшие миф об арийской культуре, последовательно применяли предоставленные философией Ницше возможности и, таким образом, были законными духовными преемниками немецкого философа (несмотря на активное дистанцирование философии от нацистской идеологии).

В качестве одной из базовых причин кризиса духовной традиции можно назвать обусловленную экономической глобализацией унификацию жизненного уклада во всех развитых и развивающихся странах. Наличие мировых брендов и массовое производство одинаковых товаров для потребителей во всем мире обусловили формирование одинаковых потребительских установок у граждан стран с совершенно различными цивилизационными корнями. В качестве одного из самых ярких примеров можно привести компанию Apple, чья продукция одинаково желанна и для мексиканского наркоторговца, и для европейского политика, и для арабского профессора теологии. В рамках глобального потребительского общества формируется единая система материальных рыночных ценностей, чье воздействие на жителей любой страны мира, особенно молодежь, как правило, превосходит воздействие ценностей национальной культуры. К этому следует добавить распространение глобальных социальных сетей, благодаря чему спорадические увлечения пользователей данных сетей принимают характер всемирных «эпидемий». Слово «эпидемия» подчеркивает нездоровый характер распространяемых тенденций, связанных с развитием нарциссического взгляда на мир («поколение селфи»), а также культом фотографирования еды.

Вторая причина обусловлена первой и является её конкретизацией. Формирование глобальной экономики и глобальной массовой культуры произошло в условиях политического, финансового и культурного доминирования (при поддержке мощных вооруженных сил) Соединенных Штатов Америки – государства, образованного как сообщество эмигрантов, оторвавшихся от своих народов и культур в поисках свободы (протестантские общины) и личного материального успеха. Отсутствие многовековой культурной традиции и даже её принципиальная невозможность в силу характера формирования нации стали предпосылкой того, что американская культура стала культурой без корней. Если же в ней возникают «традиционные ценности», то в их качестве выступают религиозные практики радикальных протестантских конфессий (например, в штате Юта последние 150 лет тщательно хранятся заповеди Дж. Смита, основателя «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней»). Распространение культуры, не имеющей глубоких традиций и глубокого содержания, её видимая успешность на глобальном рынке поп-культуры стали угрозой для имеющих более давнюю историю культур, не способных стать столь же привлекательными для молодого поколения. В последние десятилетия в результате борьбы с расовой дискриминацией внутри США

общий культурный уровень этой страны еще более понизился. Образцы современной поп-культуры показывают, как представители белой молодежи США копируют манеры поведения, стиль мышления и даже самоидентификацию афроамериканцев – национально-культурной группы, которая в силу исторических условий оказалась лишена собственной развитой культурной идентичности. Эта тенденция несет в себе опасность не столько замены одной духовной традиции другой, хотя и более низкого уровня, сколько полной архаизации и варваризации.

Любая культура во всем разнообразии выражающих её культурных феноменов основана на конкретном базовом, лично передаваемом духовном опыте, который при этом имеет универсальное содержание, способное сплотить представителей разных поколений и национальностей. Для русской культуры этим базовым опытом является духовный опыт православного христианства, в то время как источником кризиса традиции и его постоянной причиной является отказ от предлагаемого православием духовного опыта. Все попытки использования тех или иных элементов христианской культуры в её отрыве от основополагающей Евангельской вести приводят лишь к формальным ритуалам и этнографически-развлекательным мероприятиям, не оказывающим преобразующего воздействия на общество, и только закрепляют укоренившиеся в обществе невежество и пренебрежение к реальности духовной жизни [3, с. 187].

Обзор предпосылок и последствий кризиса духовной традиции отражает коллапс, связывающий все указанные феномены, а именно отказ от общего универсального духовного опыта как настоящей основы духовной традиции. Смешение различных жизненных опытов, поколений, культур и народов становится угрозой только для той традиции, чье содержание основано на локальном человеческом опыте, зачастую являющемся случайным. Апелляция к «вечным ценностям», таким как честность, трудолюбие, патриотизм, оказываются тщетными прежде всего потому, что данные этические феномены представлены только как слова, не подкрепленные соответствующим духовным опытом, а выбор того или иного конкретного духовного опыта блокируется запретами толерантности. Постсоветские десятилетия показали, что нарушение личной передачи опыта в науке, производстве, государственном и муниципальном управлении привели к потере многих технологических навыков и общему снижению эффективности экономики и социальной сферы страны. Причем «возрождения нравственности» в обществе, которая более зависит от личного

примера, светское общество стремится добиться посредством безличной и, как мы видели, не всегда адекватной пропаганды соответствующих «ценностей». Между тем очевидно, что никакие воспоминания о подвигах минувших поколений не могут стать основой для принятия этических решений для современного человека. Неполюченная работа механизмов духовной традиции приводит к углублению её кризиса, что негативным образом сказывается на нравственном и культурном состояниях общества, которое совершает всё новые витки по спирали моральной деградации.

Таким образом, базовым условием восстановления духовной традиции является просвещение населения России, касающееся истинного содержания православия как опыта духовной жизни. Однако определение направлений просветительской работы требует предварительного анализа того, каким образом христианское богословие рассматривает отношение христианства к механизмам духовной традиции, а также к базовым патриотическим и культурным традициям христианских народов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008. 360 с.
2. *Иванов А. В., Дорошин И. А.* Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // *Власть*. 2012. № 11. С. 92–96.
3. *Орлов М. О.* Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. 256 с.

УДК 111.82; 123.1

СЛУЧАЙНОСТЬ В ПРИРОДЕ: ЕДИНОЕ И МНОГОЕ

Самойлова Ольга Александровна – аспирант кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: ivory_coast@list.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы современного естествознания, осмысленные в контексте онтологических категорий «случайность и необходимость», «единое и многое». В частности, автор обращается к проблеме существования единственного мира или множества возможных Вселенных, природе фундаментальных физических констант, набору условий, требуемых для возникновения и распространения жизни во Вселенной. Обосновывается дуальный характер отношений категорий «случайность» и «единое и многое», показана ограниченность гносео-

Crisis Spiritual Tradition in European Culture and Causes of Social Collapse: Philosophical Aspect

M. O. Orlov

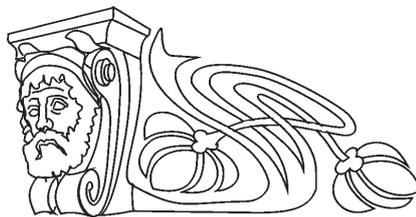
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: orok-saratov@mil.ru

The problems of the crisis of traditional spiritual Western or Russian civilizations' values have not found the sufficient reflection both in Russian and in Western social philosophy. and the term «value» is used in a completely different and sometimes contradictory meanings. This is a significant methodological obstacle in understanding through the terms of «value» the urgent problems of crisis transmission of philosophical and religious beliefs, ethical and aesthetic standards, a sense of responsibility for the fate of the native country. Therefore, in the present issue these phenomena, implemented in social and personal dimension, will be referred to the concept of «spiritual experience» and the term «spiritual tradition» will denote the mechanisms of transmission of spiritual experience from the generation to the generation. The specificity of the research material has required a special approach associated with the need for attraction the methods of history and textual history (ie texts history `) for connecting theological and philosophical ideas that are in a relationship of continuity or confrontation.

Key words: spiritual tradition, spiritual experience, social collapse.

References

1. *Vinogradov A. V. Kitayskaya model modernizatsii. Poiski novoy identichnosti* (The Chinese model of modernization. The search for a new identity). Moscow, 2008. 360 p.
2. *Ivanov A. V., Doroshin I. A. Ideologicheskii i politicheskii diskurs religioznogo fundamentalizma v obshchestve riska* (The ideological and political discourse of religious fundamentalism in the risk society). *Vlast* (The Power), 2012, no. 11, pp. 92–96.
3. *Orlov M. O. Sotsialnaya dinamika globalnogo mira* (Social dynamics of the global world). Saratov, 2009. 256 p.

логической компетенции при рассмотрении вопроса о случайности или закономерности мироздания, делается вывод о том, что фундаментальные физические константы и силы природы носят необходимый характер. Автор отмечает, что жизнь во Вселенной связана с категорией «многое» и может предполагать разброс непохожих и разнообразных параметров среды обитания.

Ключевые слова: случайность, необходимость, единое, многое.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-40-44

«Единое и многое» – онтологические категории, известные еще с Античности, но их нельзя считать примером оторванной от жизни сухой философии. Эти категории постигаются интуитивно и являются непосредственными характеристиками нашего восприятия действительности – часть и целое, единство и многообразие, целостность и раздробленность, объединенное и отдельное, частное и общее. Не менее важными являются онтологические категории «случайное и необходимое», которые можно истолковывать как закономерность, массовость, типичность и случайность, единичность, особенность. В статье мы попытаемся рассмотреть некоторые логические и философские проблемы, связанные с онтологическими категориями «единое и многое», «случайное и необходимое», на основе материала современного естествознания.

Прежде всего отметим, что случайность – нечто единичное, сингулярное, уникальное, неповторимое. Она связана с единым, поскольку определяет отдельные, особенные, редкие события. Закономерность же – нечто типичное, массовое, повсеместное, обыденное, и она связана с многим. Но есть и обратное соотношение. Закономерность – это единое, поскольку не подразумевает изменчивости, разных путей эволюции, разброса вариантов. Единое обязательно и непреложно. Тогда случайность как начало мира, отвечающее за порождение нового, создает набор вариантов, стремление к разнообразию, вариативность, т.е. связана с многим. Таким образом, мы заключаем, что *случайность дуально проявляется через категории «единое и многое»: она связана с единым, но она же связана с многим.*

Почему наши помыслы обращаются к природе? Почему мы вообще задаемся большими вопросами, касающимися истоков нашего существования или происхождения Вселенной? Наше бытие конечно, и тем яснее представление о неизбежности, смерти, невозможности абсолютного познания. Мы живем так мало для того, чтобы все охватить и понять. *Человеческая жизнь нуждается в смысле, поскольку мы хотим извлечь максимум из отведенного нам.* Но при этом стоит задуматься о том, что люди существуют лишь на небольшом отрезке космической истории. Человеческий род такими темпами развивает знания и технологии, что трудно представить, чего мы могли бы достигнуть за миллионы лет существования [1, с. 142].

Чтобы пройти это путешествие, нам придется вернуться в самое начало пространства и времени, в точку Большого Взрыва. Мы зададимся двумя серьезными вопросами, которые находятся на пересечении проблемных полей случайности

и множественности: *случайно ли наше мироздание, и можно ли назвать случайным устройство нашей Вселенной?*

При стремлении ответить на первый вопрос важно отметить следующее: случайность – нетипичная величина, отклоняющееся значение, которое по факту существования подразумевает шкалу или множество, которое мы используем для сравнения. Случайное мироздание предполагает множество миров, некое вероятностное их распределение. Двадцать лет назад разговоры об альтернативных мирах вызывали разве что скептическую улыбку, но сегодня их всерьез обсуждают физики-теоретики на научных семинарах. В частности, широкое распространение получила идея Мультивселенной, ее поддерживает, например, знаменитый британский физик и космолог С. Хокинг [1, с. 155–161]. В соответствии с этой концепцией наш мир – не единственный. Когда наша Вселенная возникла, она была настолько мала, что являлась квантовым объектом. Поскольку у квантовой частицы существует множество возможных траекторий, и она не следует одной из них, а выбирает все одновременно, по аналогии возникло представление о нескольких параллельных историях Вселенной. В момент Большого Взрыва, как пузырьки в кипящей воде, возникает множество крошечных миров. Большинство из этих «пузырьковых» вселенных существует совсем недолго и сразу же коллапсирует, очень редкие миры продолжают расширение. Их основное отличие – в наборах физических законов. Они распределены вероятностно между грандиозным или даже бесконечным числом вселенных. Благодаря жребия им выпали особые законы природы, которые допускают эволюцию сложноорганизованной материи.

Идея множественных вселенных иначе представлена в комформной космологии: цикл расширения одной вселенной сменяется сжатием, потом следуют неизбежный Большой Взрыв и рождение новой вселенной. Таким образом, миров неисчислимо множество и они существуют в бесконечности времен [2].

Очевидно, что концепция параллельных вселенных носит исключительно умозрительный и теоретический характер. Она фактически возвращает современную физику и космологию в русло античной натурфилософии. Дает ли она ответы на поставленный вопрос? Оглядываясь назад, на начало времен, мы понимаем, что *вопрос о случайности мироздания лежит вне нашей гносеологической компетенции из-за существенной неопределенности познания.* Размышляя о сингулярности Большого Взрыва и первых мгновениях возникшего пространства-времени, мы словно

смотрим сквозь хрустальный шар предсказателя на мутную воду, укрытую клубами тумана. События такого далекого прошлого непрозрачны для научного познания. О других же вселенных мы можем только гадать. Когда мы говорим о мирах-двойниках, мы не можем постулировать существование множества, поэтому используем принцип экономии – по факту обозреваем и пытаемся постичь только одну Вселенную.

Обратимся ко второму вопросу: *можно ли считать физические параметры нашего пространства случайной комбинацией, исключительным стечением обстоятельств?* К этим параметрам относят величину сильного ядерного и электромагнитного взаимодействия, заряд электрона, значение постоянной Планка, количество измерений и др. Это фактически сформулированный иначе знаменитый вопрос Эйнштейна о том, был ли у Бога выбор, когда он создавал Вселенную. За несколько веков до этого похожим вопросом задавался Декарт. Когда великого мыслителя спросили, мог бы наш мир быть иным, он ответил: «Теперь нет». Он считал, что Бог, предопределяя законы природы, не обладал возможностью выбора, поскольку его выбор был единственно возможным [1, с. 32].

Известные нам силы природы и параметры пространства большей частью сложились в первую «волшебную» секунду после Большого Взрыва. Для первого, экстремального этапа существования Вселенной, продлившегося мельчайшую долю секунды, были характерны гигантские, фантастические температура и энергия. В то время существовала единая суперсила (по выражению физика П. Дэвиса), которая действовала между ограниченным набором простых частиц [3]. Позже от нее одна за другой отделились как слои неоднородной жидкости четыре известные нам силы природы – гравитационное, электромагнитное, сильное ядерное и слабое радиоактивное взаимодействия. Первоначально возникшие субатомные частицы не обладали индивидуальностью, и только с охлаждением Вселенной возникло многообразие частиц с различными характеристиками. Таким образом, однородность и единство породили множество, различие, разброс вариантов. Но проявилось ли в момент водораздела, возникновения раздробленности, перехода от единства к различию действие случайности?

Дело в том, что фундаментальные физические константы и силы природы для нас – это наличность, данность, и другими они быть не могли. Четыре возникших взаимодействия являются столпами мира, в котором мы живем. Нам известно, что только одни начальные условия смогли породить Вселенную, где возможны законы иерархической организации мира, восхожде-

ние по уровням сложности. Малейшее отклонение значений привело бы к разбалансировке, коллапсу, тотальной хаотизации. При любых других параметрах не смогли бы существовать в стабильном состоянии ни атомы, ни звезды, ни планеты. Наш мир с блеском солнц и богатством возможностей на глазах сложился бы и рассыпался, как картонный домик. Парадоксальным образом наш мир – единственный из возможных миров, и не потому, что он обитаем, а потому, что он упорядочен.

Мы не считаем, что космологический сильный антропный принцип обязательно справедлив, и физические параметры были так тонко подобраны, чтобы создать в итоге разумную жизнь, а конкретнее – человека. Антропным называется рассуждение, исходящее из условия собственного существования. Получается следующее: во-первых, мы постулируем неизбежность собственного появления исходя из факта, что существуем. По сути, это тавтология, топтание на месте, задача, грешащая недостатком данных. Во-вторых, выходит, что все это гигантское сооружение из звезд и галактик существует только ради нас: в это верится с трудом [4, с. 154]. Это исключительно сентиментальная и эгоцентрическая позиция, к тому же ведущая к потребительскому отношению к природе. Однако кое-какую информацию из сильного антропного принципа все же можно извлечь. *Фундаментальные физические константы и четыре силы природы для нас – это необходимое.* Сколько случайного было в момент перехода от единого к множеству и разнообразию, мы можем только предполагать. *Случайность здесь связана лишь с неопределенностью в познании*, например, когда мы пытаемся реконструировать историю космического явления или определить все силы, действующие на частицу. Познавая мир, мы преобразуем эту неопределенность в определенность.

Третий вопрос, интересующий нас в данном исследовании, касается связи случайности и проблемы возникновения и распространения жизни во Вселенной, и здесь мы снова встречаемся с единым и многим. *Появление жизни во Вселенной – это некая уникальная случайность или типичное, ординарное событие?* Мы придерживаемся мнения, что антропный принцип справедлив только в слабом варианте: существуют области и периоды существования Вселенной, в которых могут присутствовать условия для развития жизни, в частности разумной. Он верен, поскольку одна такая область точно есть. Существуют параметры среды обитания, которые характерны для пока единственной известной нам жизни – земной. К ним относятся тип нашей Солнечной системы, ее положение в рукаве Галактики, особенности орбиты Земли, ее атмосфера, температура, освещенность поверх-

ности и пр. Можно ли назвать наше положение в космосе счастливым стечением обстоятельств? Можно ли считать возникновение жизни уникальным шансом, подобным выигрышу в лотерее?

Здесь дело в природе множеств, которые мы рассматриваем. Например, для множества простых чисел (2, 3, 5, 7, 11, 13...) число пять является частным случаем, но особым, поскольку это неповторимое число. А вот для множества (5, 5, 5) число пять является частным случаем, но не редким, не исключительным. Элементы этого множества обладают общими, неотличимыми признаками.

В чистом виде здесь возможны три случая: жизнь как нечто единичное и сингулярное, существующее в единственном экземпляре; жизнь как частный случай множества, где все элементы обладают индивидуальными неповторимыми характеристиками, и третий вариант – жизнь как повсеместное, обычное, типичное явление с одними и теми же ключевыми характеристиками. Конечно, множества второго и третьего вида могут пересекаться. В последнем случае на нашем участке рукава галактики должна существовать или со временем возникнуть диаграмма рассеяния жизни.

Интересно отметить, что среди параметров среды обитания, которые мы описали, нет исключительно редких, необычных условий. Для возникновения жизни нужен очень узкий диапазон значений, но при этом Земля является небольшой планетой, которая вращается вокруг звезды распространенного типа в рукаве обычной спиральной галактики. В соответствии с «принципом посредственности» Коперника место нашего обитания не является привилегированным, выделенным, чем-то разительно отличающимся от других. Например, эксцентриситет орбиты Земли составляет два процента. Это означает, что она очень близка к правильной окружности. Чем больше орбита планеты напоминает эллипс, тем суровей на ней условия – переход от чудовищного холода к палящему жару. Например, эксцентриситет орбиты Меркурия составляет двадцать процентов, и перепад температур на поверхности планеты, связанный только с приближением и удалением планеты от Солнца, составляет около двухсот градусов. Земле повезло с орбитой, но ее характеристики не являются исключительно редкими. Наша планета была бы очень необычным местом, например, при уникальном эксцентриситете орбиты, равном одной стотысячной процента [5]. Наше положение в космосе могло бы быть привилегированным, если бы рядом располагалась некая магнитная аномалия или другое особенное астрономическое явление, но это не так.

Подобные рассуждения склоняют чашу весов в пользу того, что жизнь связана скорее с многим,

чем с единым. Однако описывая необходимые нам параметры среды обитания, мы фактически возводим их в ранг единственно возможных. Очевидно, что мы обращаемся к множеству типа {5, 5, 5}. Но Вселенная очень многообразна, и жизнь может существовать в формах, которые трудно даже представить. Богатое воображение фантаста А. Кларка в романе «Конец детства» нарисовало планету в солнечной системе из шести звезд разного цвета. Она странствует по уникальной орбите, проходя разнообразные петли и изгибы, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Случаен и неповторим рисунок шести солнц, каждая комбинация – уникальна. Когда-то планета могла обгорать от близости к светилам и подолгу страдала от ледящего холода, удаляясь от них на огромное расстояние. Однако здесь вопреки всему есть разум – группы кристаллов, образующих на поверхности сложные геометрические узоры. В эру холода они неподвижны, а когда планета прогревается, начинают медленно расти. У них могут уйти тысячелетия на то, чтобы додумать одну мысль, но это не страшно, ведь Вселенная так молода, и впереди целая вечность [6].

Подведем некоторые итоги. В рамках данного исследования мы получили следующие результаты: случайность дуально проявляется через категории «единое и многое». Случайность связана с единым, но она же связана с многим. Физические константы нашего мира и известные нам силы природы никакими другими быть не могли, поэтому они – это необходимое. Случайность здесь проявляется только в неопределенности нашего познания.

Вопрос о случайности или неслучайности мироздания лежит вне нашей гносеологической компетенции. При размышлении о таких явлениях физика и космология фактически возвращаются в русло античной натурфилософии. Принцип экономии предполагает «рассечение» подобных множеств и выбор самого простого из возможных объяснений – существование единственной доступной нам Вселенной.

На современном этапе познания механизм возникновения жизни – это открытый вопрос. Нельзя ответить однозначно, является ли это событие уникальной случайностью или закономерным, массовым явлением, однако есть основания предполагать, что жизнь как космологическая категория связана скорее с многим, чем с единым.

Список литературы

1. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб., 2013. 208 с.
2. Пенроуз Р. Циклы времени. Новый взгляд на эволюцию Вселенной. М., 2013. 336 с.

3. Дэвис П. Суперсила. Поиски единой теории природы. М., 1989. 272 с.
4. Хокинг С. Краткая история времени : от Большого Взрыва до черных дыр. СПб., 2008. 231 с.
5. Хван М. П. Неистовая Вселенная. От Большого Взрыва до ускоренного расширения. От кварков до суперструн. М., 2006. 406 с.
6. Кларк А. Одиссея длиной в жизнь. М., 1991. 512 с.

Chance in Nature: the One and the Multiple

O. A. Samoiloa

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ivory_coast@list.ru

The article is devoted to some problems of modern natural science in philosophical context of ontological categories «chance and necessity», «the One and the Multiple». Particularly, author examines problem of existence of one world or multiple possible universes, constitution of fundamental physical constants, set of conditions required for beginnings and spread of life in the Universe. Duality of relations between categories «chance» and «the One and the Multiple» is substantiated, limitation of gnoseological competence in research of problem of randomness or regularity of the Universe is proved. In the concluding part of the article it's said that the fundamental physical constants and the laws of nature have constitution related to category of necessity,

life in the Universe is related to category of the Multiple and can require spread of different and various environmental conditions.

Key words: chance, necessity, one, multiple.

References

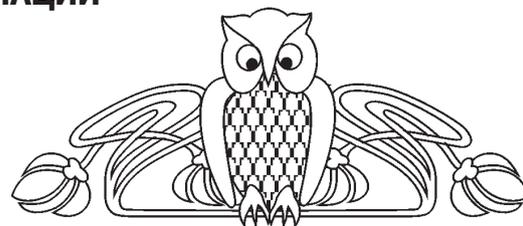
1. Hawking S., Mlodinow L. *The Grand Design*. New York, 2010. 310 p. (Russ. ed.: Hawking S., Mlodinow L. *Vysshiy zamysel*. St.-Petersburg, 2013. 208 p.).
2. Penrose R. *Cycles of time: an extraordinary new view of the universe*. London, 2010. 304 p. (Russ. ed.: Penrose R. *Tsikly vremeni. Novy vzglyad na evolyutsiyu Vselennoy*. Moscow, 2013, 336 p.).
3. Davies P. *Superforce: Search for a grand unified theory*. New York, 1985. 255 p. (Russ. ed.: Davies P. *Supersila. Poiski edinoi teorii prirody*. Moscow, 1989. 272 p.).
4. Hawking S. *A brief history of time*. New York, 1998. 212 p. (Russ. ed.: Hawking S. *Kratkaya istoriya vremeni: ot Bolshogo Vzryva do chernykh dyr*. St.-Petersburg, 2008. 231 p.).
5. Chvan M. P. *Neistovaya Vselennaya. Ot Bolshogo Vzryva do uskorennogo rasshireniya. Ot kvarkov do superstrun* (Furious universe. From the Big bang to accelerated expansion. From quarks to superstrings). Moscow, 2006. 406 p.
6. Clarke A.C. *Childhood's end*. London, 1987. 224 p. (Russ. ed.: Clarke A. *Odisseya dlinoyu v zhizn*. Moscow, 1991. 512 p.).

УДК 1/14

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Тетюев Леонид Иванович –
доктор философских наук,
профессор кафедры этики и эстетики,
Саратовский государственный университет
E-mail: tetjuew@mail.ru

В статье анализируются варианты трансформации европейской трансцендентальной философии, осуществляемой в контексте современного обращения к классическим проблемам онтологии. Интерес к онтологии обуславливается критическим переосмыслением классического трансцендентализма. Мюнхенская школа трансцендентальной философии (Ф. Бадер, Р. Лаут, П. Роос) в конце XX в. явилась вершиной развития классической и неклассической трансцендентальной систематики. Ее ядром являются методологические программы теологического и феноменологического «последнего» обоснования и «самосознания», ориентированные на дуальную модель «событийной онтологии», расширяющейся на область природы, и на «онтологию первого лица». В исследовании выявлена общая тенденция современной онтологии субъективности, которая опирается на учение об интерперсональности как идеально-реальной данности. Она выступает своего рода источником критической рефлексии постлегегелевского, пострационального мышления, дистанцированного всецело от метафизической проблематики.

Ключевые слова: критическая рефлексия, онтология первого лица, интерперсональность, Мюнхенская школа трансцендентальной философии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-44-50

Общее понимание и оценка «трансцендентального поворота» в начале прошлого века фиксируются вокруг «радикализации» трансцендентального метода философствования и необходимости выдвижения, наряду с основными темами научного и философского познания, феноменологической проблематики сознания, субъективности и конкретности человеческого бытия и миропонимания. Трансцендентальная философия Г. Когена, главы Марбургской школы неокантианства, в начале XX в. занимала ведущие позиции

в европейской философии. Трансцендентальный идеализм являлся тем стержнем, «вокруг которого группируется разработка русскими и немецкими философами-идеалистами онтологических, этических, эстетических и религиозных проблем» [1, с. 4]. Критическое переосмысление оснований трансцендентализма и выдвигание альтернативных способов философствования послужило мощным толчком в развитии онтологической проблематики и методического оформления различных теорий научного и философского знания.

В контексте многочисленных дискуссий, длившихся весь XX в., трансцендентальная программа философского обоснования высветила при наличии различных исходных позиций обязательное сохранение трансцендентально-философского аргумента. Именно благодаря этому возможно проследить и впоследствии выделить основную, широкомасштабную тенденцию современной философии, которую можно определить парадигмальным образом как *переход* от философии сознания к философии действия и философии языка [2]. Подобное усиление герменевтико-прагматического мотива свидетельствует о чрезвычайной радикализации философского дискурса современности, которая, по меткому выражению Ю. Хабермаса, оформляется жестким требованием поиска путей «детрансцендентализации» субъекта философии. Начало этому движению мысли задает Гегель [3, S. 186–187].

Всякая теоретическая аналитика современного состояния философии, разумеется, не может обладать систематическим характером, но *внутренняя логика* развертывания философской аргументации позволяет выделить некоторые устойчивые основания онтологической, прагматической и системной трансформации современной философии и наметить на этом пути трансцендентальной рефлексии *основные* – парадигмальные тенденции, определяющие облик современного философствования.

Обратимся прежде всего к онтологической тенденции современной европейской философии. Особый интерес к онтологии объясняется не только попыткой осмысления программы «последнего основания», но и современным состоянием философской аргументации, что, в свою очередь, заслуживает критической рефлексии и серьезной оценки. Возможность трансцендентальной критики, стало быть, уже не полагается как нечто само собой разумеющееся, но предполагает теоретическую рефлексию принципиальных возможностей обоснования трансцендентальной философии и ее последующую защиту от всякого рода догматизма и скептицизма. Более того, определение *предельных оснований и границ разума* возможно только в

границах его собственной значимости и свободы, принимаемой нами в качестве действительного основания теоретической и практической онтологии. Если в отношении метафизики природы разум человека может определять себя в качестве высшего основания, то почему он не может этого делать относительно практической сферы своего определения – сферы действия метафизики нравственности и практической свободы? Трансцендентальная философия в целом, следовательно, есть не только философская теоретическая дисциплина, но и практическая программа, ищущая исходные принципы, обосновывающие все возможные концепции теоретического и практического познания. Этот вопрос по своей трансцендентально-философской значимости содержит как онтологические, так и прагматические перспективы.

«Онтологический поворот» в интерпретации трансцендентальной философии намечается еще в начале XX в. благодаря критике познания в неокантианских школах (Г. Коген, П. Наторп) и моменту создания собственных онтологических систем Н. Гартманом, Х. Хаймезетом и М. Хайдеггером. Попытка М. Хайдеггера обнаружить в кантовской «Критике чистого разума» основы фундаментальной онтологии порождает в философской среде мотивацию разрыва с традиционной метафизикой. Онтический (предметно-сущностный) анализ кантовского *Dasein* переводит всю прежнюю онтологическую проблематику бытия в смысловое поле его значимости – аналитику бытия как присутствия и полагания собственно «моего-здесь-бытия». Вопрос – какова сущность знания бытия бытийствующего (*Sein des Seienden*) – в такой проекции становится уже далеко не праздным, несущим в себе открытость и очевидность, фактическое указание на свое собственное великое присутствие в мире и наличную «мирность» внутри самого мира.

Известно, что хайдеггеровская интерпретация философии И. Канта выходит за рамки традиционной трансформации его взглядов в неокантианстве. Так, уже в книге «Кант и проблема метафизики» М. Хайдеггер пишет, что важнейшей целью трансцендентальной философии является не теория познания и возможности обоснования позитивных наук (как это полагают неокантианцы), но онтология познания, обоснование возможности онтического знания вообще, т. е. понимание бытия и обнаружение основ метафизики. Тем самым он усиливает не только критику существующего варианта трансцендентальной философии, восходящей к идеям философии сознания Р. Декарта и Э. Гуссерля, но и порождает своей деструкцией ее последующую онтологиче-

скую интерпретацию. С. Винтер в своей работе «Хайдеггер: определение метафизики» фиксирует в качестве основного мотива фундаментальной онтологии философа послегегелевскую критику метафизики. Автор задается вопросом: действительно ли метафизика в хайдеггеровском понимании не имеет основания и определяет сущность как критику нигилизма? [4, S. 11].

Вопрос о том, является ли *трансцендентальная философия онтологией*, получает в данном контексте действительное значение. Особенно отчетливо эта хайдеггеровская позиция проявилась в концепции понимания допредикативного опыта, в частности в его теории апофатического обоснования и «онтологического генезиса», который рассматривается им как герменевтическая возможность гарантированного *перехода* к вопросу о бытии. Ограничение претензий метафизики и круга ее вопросов не есть отрицание метафизики или ее разрушение, как это нередко пытаются представить некоторые последователи хайдеггеровской критики метафизики, но есть определение ее вопрошающей *возможности*, исходящей из недр предметно-сущностного мышления. Метафизике дано мыслить бытие только как присутствие присутствующего и при этом всегда оставаться мышлением «здесь-бытия», способного мыслить само мышление как онтическое понятие в «просвете» самого же бытия. Выражение «для-того-чтобы» несет в себе изначально априорное указание на наличие некоего определенного и конкретного «имения-дела» [5, S. 86–87]. Истолкованное в таком онтологическом ключе *Bewandtnis* предстает как своего рода *трансцендентально* определенное особое дело, которое в контексте жизненных форм выступает уже способом и реальной возможностью обстоятельств, способом присутствия и бытия-в-мире. Философ остается верен онтологической идее фактичности человеческого «бытия в мире», ограничивая ее претензии метафизикой познания и аналитикой «здесь-бытия».

Следует отметить, что подобный метафизический контекст понимания трансцендентального метода определяет и сферу его применения, что вызвало, соответственно, переориентацию всех последующих исследований трансцендентальной проблематики. В последние годы онтологической интерпретации философии И. Канта посвящено большое количество серьезных работ [6, 7], поэтому оставим этот вопрос в стороне. Отметим только, что деструкция истории метафизики, развитая М. Хайдеггером в работе, посвященной Ф. Ницше, как и критика идеологических форм в философии Т. Адорно, стали теми фундаментальными мотивами, «исходными» предпосыл-

ками в последующем негативном отношении к метафизическим изысканиям. Однако уже в 1970–90-е гг. отмечается усиленное обращение к кантовским трудам, нередко даже в чисто формальном отношении его философия применяется для интерпретации собственной метафизической теории единого и целого, идентичности мышления и бытия, программной реконструкции понятия разума [8].

В контексте современного философского дискурса четко выделяются три трансцендентальные линии аргументации, начинающие свой отсчет от трансцендентальной проблематики Р. Декарта, И. Канта и И. Фихте. Картезианский вариант трансцендентальной философии представлен наиболее полно в XX в. в системе трансцендентальной феноменологии сознания Э. Гуссерля, в отечественной философии – феноменологическими изысканиями Г. Шпета и М. Мамардашвили. Идеи трансцендентальной тематики философии И. Фихте нашли свое развитие в Мюнхенской школе трансцендентальной философии и в какой-то мере проявились в синтетическом варианте трансцендентальной прагматики языка К.-О. Апеля.

Для представителей *Мюнхенской школы* вершиной развития трансцендентальной систематики является философская программа Р. Декарта и И. Фихте, а принцип развертывания мышления как системы становится важнейшим принципом трансцендентальной философии. В своих изысканиях представители Мюнхенской школы трансцендентальной философии, в частности Фр. Бадер, преподаватель философии в Айхштадтском теологическом университете, опирается на диалектику Платона, которого он считает родоначальником трансцендентализма в философии. По его мнению, Платон заложил принципиально иной тип логики, отличный от логики Аристотеля, развившего формальный принцип силлогистического мышления [9]. Аристотелева формальная логика предстает в такой интерпретации как логика применения готовых понятийных форм, в то время как платоновский вариант опирается на логику их формообразования и употребления, в основании которой лежит не единство формы и содержания, отношение субъекта и предиката, а интеллигивельный принцип эйдоса, закон порождения и актуализации идеальных логических форм.

Фр. Бадер считает, что классическая традиция немецкого трансцендентального идеализма начинается свой отсчет только с философии И. Фихте. Конечно, он опирается на идеи И. Канта, и его проект получает дальнейшее развитие в фихтеанской философии. Однако сфера трансцендентальной философии, считает философский теолог, намного шире – она сохраняет в себе силу метафизики,

основы которой можно найти в онтоологии Августина [10]. Онтологическое направление в философии, ориентированное в основном на понимание кантовской философии как метафизики, придерживается подобного мнения. Например, М. Вунд в работе «Немецкие философские школы в эпоху Просвещения» отмечает, что в смысле реформирования европейской метафизики И. Кант выпадает из общей традиции развития немецкого мышления. «Немецкий дух» у И. Канта предстает не как «могилище метафизики» и ее ниспровергатель, но, наоборот, как «новый основатель» метафизики на почве немецкой духовной истории [11, р. 111]. Он считает, что именно И. Кант смог впервые в истории метафизики указать на истинные и реальные условия, делающие метафизику возможной в качестве науки. Близкую позицию развивает сегодня в отечественной философии Т. Б. Длугач, считая, что И. Кант не только закладывает основания для определения «новой метафизики» и ее задач, но и формулирует «первые принципы» человеческого познания бытия как такового [12, с. 32–39; 94–110].

Кантовский проект трансцендентальной философии, действительно, имеет своим мотивом критическую рефлексию и направлен на «преодоление недостатков» догматической метафизики. Ответ на вопрос «Как возможна метафизика как наука?» лежит не в плоскости обращения к прошлому историческому знанию или исторической рациональности, но в области истории разума, выражаясь языком философа, в компетенции критики чистого разума, которая берет во внимание действительные возможности разума, возможности априорного (до-опытного) расширения границ способности суждения.

Кантовская идея трансцендентальной философии ориентирована на поиск первоначал обоснования теоретического и практического разума – трансцендентального условия возможного опыта, а не предметно-сущностного (онтического) мышления, как это нередко истолковывается в истории философской мысли. Трансцендентальная же проблематика Мюнхенской школы вращается вокруг теологических и философских схем мышления: онтологический аргумент бытия Бога выстраивается на акте интересубъективного взаимодействия человека и Бога, на понимающей парадигме, что принципиально предполагает в качестве трансцендентального основания не онтологические, а эпистемическое и феноменологическое обоснование. Познание сущности Бога всегда связано с предзнанием о его существовании, ибо всякое трансцендирование предполагает априорно наличие его искомого смысла. В этом ключе занимательно выглядит попытка интерпретации религиозных и этических идей

Ф. М. Достоевского, осуществленного Р. Лаутом. Сквозь призму «негативной теологии» он реконструирует трансцендентальную метафизику русского писателя [13], предлагая ее в качестве культурной альтернативы традиционной рациональной метафизики Р. Декарта. Согласно Р. Лауту, философские взгляды Достоевского с его систематической идеей *человечности* указывают путь измерения духовного мира человека. Человек от Бога обладает великим даром любви. Любовь и сострадание выше бытия и земной юдоли, они преобразуют бытие, приближают человека к радости единения с ближними и со всем сущим [14, с. 10–11; 14]. Именно в нравственном волеии содержится последнее основание истины. Воля есть синтез идеального полагания ценности и формальной свободы [15, с. 33–34; 16].

Как замечает Р. Лаут, главной целью трансцендентальной философии остается задача современного обоснования учения об *интерперсональности* как некоей идеально-реальной данности [9, с. 25–44]. Поэтому необходимым конституирующим моментом всякого обоснования как очевидности (доказательства), так и истинности (значимости) служит волевой акт. Фихтеанская идея примата нравственного волеия (доксического) над теоретической истиной и фактическим знанием трансформируется в Мюнхенской школе в идеал-реальное учение о смысле бытия как такового (*Dasein*), основополагающим принципом которого является *деятельностный* синтез единого знания, складывающийся из эпистемологии, феноменологии, трансцендентальной теологии, логики и семиотической теории коммуникации.

Несколько иную позицию занимает П. Роос. В своей книге, посвященной теоретическому проекту трансцендентальной философии [17], он разрабатывает «онтологию субъективности», выделяя в качестве ее составляющей модель «событийной онтологии», распространяемой на область природы, и онтологию «временного становления», имеющую статус формально-логической «онтологии первого лица». Теоретическим источником онтологических построений он выбирает трансцендентально-философские концепции Б. Спинозы и И. Фихте.

Преодоление существующих программных идей идеализма – субъекта и объекта, бытия и сознания, по мнению П. Рооса, возможно только в рамках системы «интерсубъективного становления», признающей, что все реальное есть модусное проявление одной единственной субстанции, единственного индивидуума в абсолютном смысле слова. Такой единственной субстанцией, элементарным началом всего сущего является физическое и метафизическое поле, или «четырёхмерное измерение пространства и времени».

Время представляет собой самостоятельную «онтологическую узловую точку», связывающую между собой обособленные онтологии: «то, что в данный момент времени для меня является настоящим, настоящим является и для других субъектов» [17, р. 14]. А это значит, самосознание субъекта, или «сознание, что я есть, должно быть прежде всего сознанием настоящего бытия» [17, р. 93].

В качестве реалистического обоснования своей полевой теории субъективности и трансцендентальной философии П. Роос выдвигает два основополагающих тезиса о самостоятельной «монополярной сфере нечувственного» самосознания и реалистическом ограничении априорных форм созерцания временем как четвертой координатой пространства. Так или иначе, но получается, что, если в первой посылке онтологической версии закладывается тезис трансцендентального натурализма с его идеей интенционального сознания и психофизических (ментальных) проблем идентичности, то второе основоположение имеет явно трансцендентально-феноменологические корни реалистической философии.

Теоретический арсенал онтологических проектов современной философии и определение философии самосознания как «первой философии» сохраняет, как видим, ряд важнейших тезисов, позволяющих концептуально определить последующую динамику философского знания в качестве серьезного оппонента всей системы трансцендентальной философии И. Канта. Современные парадигмальные сдвиги свидетельствуют в большей степени о том, что интерес к онтологической проблематике в начале XXI в. снижается. Это можно объяснить тем, что в трансцендентальной философии субъективности доминирующее положение занимает *ментальная парадигма* (само)сознания, которая и рассматривается в качестве основополагающей философии современности.

Все это показывает, что понятие самосознания продолжают трактовать в ключе метафизического мышления немецкого идеализма и трансцендентализма, с одной стороны, оно рассматривается как источник спонтанного действия и саморефлексии. С другой стороны, усиление фундаментального статуса духовной сферы превращает разумное и разум в абсолютное, субстанциональное начало. Идеалистическая сущность разума в «постметафизическом мышлении» приобретает строго категориальную очерченность и определенность теоретического воспроизводства, что, в свою очередь, порождает определенную рефлексию вопроса о категориальной конечности познающего субъекта философии. И первый вариант, когда разум истолковывается метафизи-

чески как некая онтологическая субъективность, делающая возможным объективный мир в целом, и второй вариант его «сущностного схватывания» – диалектический, все они однозначно, так или иначе, но ограничивают понимание разума: либо рефлексивной способностью Абсолюта, либо внутренней рефлексией индивидуальной самости, ориентированной intersubъективно всецело лишь на «зависимость осознания моральных норм индивидом от уже существующего и выработанного в культурной традиции высшего морального сознания» [18, с. 58]

Таким образом, постметафизическое мышление оказывается перед новым выбором и парадигмальной сменой: современная философия занимается поиском основоположений субъектно ориентированной модели рационального осознания себя в науке, которая продолжает выстраиваться на субъектно-субъектных и межсубъектных отношениях, и очевидным образом оказывается теперь за пределами философии сознания в сфере трансцендентальной философии языка и этического действия. В начале XXI в. неслучайно значимыми направлениями в философии становятся прагматически ориентированные программы intersubъективной философии и трансцендентальной этики. Подобная смена теоретической парадигмы свидетельствует не только о «прагматическом повороте» в современной философии, но и о том, что настало время глубокого анализа после гегелевского, пострационального мышления, задающего всецело отход от метафизической проблематики в философии.

Список литературы

1. Белов В. Н. С. Н. Трубецкой и немецкое неокантианство: проблема идеализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2014. № 2. С. 3–14.
2. Тетюев Л. И. Язык, intersubъективность, рефлексия : особенности «лингвистической парадигмы» К.-О. Апеля // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 49–52.
3. Habermas J. Wege der Detranszendentalisierung. Von Kant zu Hegel und zurück // Habermas J. Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze. Frankfurt/M., 2004. S. 186–229.
4. Winter St. Heideggers Bestimmung der Metaphysik. Freiburg ; München, 1993. 261 S.
5. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2006. 445 S.
6. Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному : новая онтология XX века. М., 1997. 495 с.
7. Cramer K. Metaphysik und Erfahrung in Kants Grundlegung der Ethik // Kant in der Diskussion der Moderne. Frankfurt/M., 1996. S. 280–325.
8. Kant in der Diskussion der Moderne. Frankfurt/M., 1996. 590 S.

9. *Laut P.* Трансцендентальная позиция Мюнхенской школы // Реферативный журн. Общественные науки за рубежом. Сер. 3. Философия. 1992. № 5. С. 25–44.
10. *Bader F.* Fichtes Philosophie als Fortführung Kants und als Rückkehr zu Augustinus // *Natur, Freiheit und Gnade im Spannungsfeld von Augustinus und Kant.* Eichstätt; Ingolstadt, 2010. URL: <http://www.ku-eichstaett.de/Fakultaeten/THF/philosophie/aktuelles.de> (дата обращения: 12.12. 2014).
11. *Wundt M.* Die deutsche Schulphilosophie im Zeitalter der Aufklärung. Hildesheim, 1964. 346 S.
12. *Длугач Т. Б. И.* Кант : от ранних произведений к «Критике чистого разума». М., 1990. 130 с.
13. *Laut P.* К вопросу о генезисе «Легенды о Великом Инквизиторе» // *Вопр. философии.* 1990. № 1. С. 70–76.
14. *Laut P.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 447 с.
15. *Lauth R.* Descartes' Konzeption des Systems der Philosophie. Stuttgart. Bad Cannstatt, 1998. 227 S.
16. *Громыко Н.* Мюнхенская школа трансцендентальной философии : методологический аспект // *Кентавр.* 1995. № 1. С. 33–34.
17. *Rohs P.* Feld-Zeit-Ich. Entwurf einer feldtheoretischen Transzendentalphilosophie. Frankfurt/M., 1996. 290 S.
18. *Орлов М. О.* Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54–59.
2. *Tetyuev L. I.* Yazyk, intersubektivnost, refleksiya: osobennosti «lingvicheskoy paradigmy» K. -O. Apelya (Language, intersubjectivity, reflection: peculiarities of K.-O. Apel's «linguistic paradigm»). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 49–52.
3. *Habermas J.* Wege der Detranszendentalisierung. Von Kant zu Hegel und zurück (The move towards detranscendentalization. From Kant to Hegel and back again). *Habermas J. Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze* (Truth and Justification. Philosophical Essays). Frankfurt/M., 2004, pp. 186–229.
4. *Winter St.* *Heideggers Bestimmung der Metaphysik* (Heidegger's definition of metaphysics). Freiburg; München, 1993. 261 p.
5. *Heidegger M.* *Sein und Zeit* (Being and time). Tübingen, 2006. 445 p.
6. *Gaidenko P. P.* *Proryv k transtsendentnomu: novaya ontologiya XX veka* (The breakthrough to the transcendental: The new ontology of the XX century). Moscow, 1997. 495 p.
7. *Cramer K.* Metaphysik und Erfahrung in Kants Grundlegung der Ethik (Metaphysics and experience in Kant's groundwork of a metaphysic of ethics). *Kant in der Diskussion der Moderne* (Kant in modern debate). Frankfurt/M., 1996, pp. 280–325.
8. *Kant in der Diskussion der Moderne* (Kant in modern debate). Frankfurt/M, 1996. 590 p.
9. *Lauth R.* Transtsendentalnaya pozitsiya Myunkhenskoy shkoly (The transcendental position of the Munich school). *Referativnyy zhurnal. Obshchestvennye nauki za rubezhom. Ser. 3. Philosophy* (Referenced journal. Social sciences abroad. Ser. 3. Philosophy). Moscow, 1992, vol. 5, pp. 25–44.
10. *Bader F.* Fichtes Philosophie als Fortführung Kants und als Rückkehr zu Augustinus (Fichte's philosophy as a continuation of Kant's and as a return to Augustine). *Natur, Freiheit und Gnade im Spannungsfeld von Augustinus und Kant* (Nature, freedom and grace in the context of Augustine and Kant). Eichstätt; Ingolstadt, 2010. Available at: www.ku-eichstaett.de/Fakultaeten/THF/philosophie/aktuelles.de (accessed 12 December 2014).
11. *Wundt M.* *Die deutsche Schulphilosophie im Zeitalter der Aufklärung* (The german academic philosophy of the enlightenment). Hildesheim, 1964. 346 p.
12. *Dlugach T. B. I.* *Kant: ot rannikh proizvedeniy k «Kritike chistogo razuma»* (I. Kant: From early works to the «Critique of pure reason»). Moscow, 1990. 130 p.
13. *Laut R.* K voprosu o genezise «Legendy o Velikom Inkvizitore» (On the question of the genesis of «Legend of the Grand Inquisitor»). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1990, vol. 1, pp. 70–76.
14. *Lauth R.* «Ich habe die Wahrheit gesehen»: *Die Philosophie Dostojewskis. In systematischer Darstellung.* München, 1950. 408 S. (Russ. ed.: *Lauth R. Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskom izlozhenii.* Moscow, 1996. 447 p.).
15. *Lauth R.* *Descartes' Konzeption des Systems der Philosophie* (Descartes' conception of the philosophy system). Stuttgart. Bad Cannstatt, 1998. 227 p.

The Ontological Variants of Transcendental Philosophy Transformation

L. I. Tetyuev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: tetjuewl@mail.ru

The following article analyses contemporary projects of transcendental philosophy which are based on ontological programmes. The interest for ontology is motivated by comprehension tasks of «the last foundation» and by the criticism of post-metaphysical thought. The ideas of Munich School of Transcendental philosophy which issues are limited by «Selbstbewusstsein» paradigm oriented on theological and phenomenological studies are considered in the article. The study revealed the dual model of «eventful ontology» which expands on the nature area and «first person ontology». The contemporary subjective ontology is based on interpersonal study as a certain ideal-real reality and is represented as a source of post-Hegelian, post-rational mindset distanced from the metaphysical issues.

Key words: critical reflection, first person ontology, interpersonality, Munich school ontology.

References

1. *Belov V. N. S. N.* Trubetskoy i nemetskoe neokantianstvo: problema idealizma (S. N. Trubezkoy and the german neo-kantianism: The problem of idealism). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya* (Moscow University Bulletin. Ser. 7. Philosophy), 2014, vol. 2, pp. 3–14.

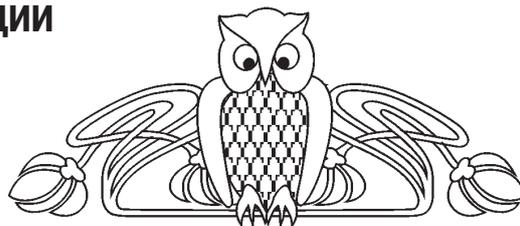
16. Gromyko N. Myunkhenskaya shkola transtsendentalnoy filosofii: metodologicheskiy aspekt (Munich school of transcendental philosophy: Methodological aspects). *Kentavr* (Centaur), 1995, vol. 1, pp. 33–34.
17. Rohs P. *Feld–Zeit–Ich. Entwurf einer feldtheoretischen Transzendentalphilosophie* (Time–Field–I am. The project of field theory of transcendental philosophy). Frankfurt/M., 1996. 290 p.
18. Orlov M. O. *Etika diskursa kak osnova strategiy sotsializatsii v globaliziruyushchemsya mire* (Discourse ethics as the basis of sozialisatoin strategies in a globalizing world). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2012. Vol. 12, iss. 2, pp. 54–59.

УДК 316.7

ЕССЕ НОМО: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СТРУКТУРЫ ЧУВСТВ

Филимонова Ольга Федоровна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Статья посвящена анализу целостных переживаний и смыслов человека в условиях современной социальной действительности. Рассматриваются особенности психодуховных состояний и действий человека в качестве ключевых элементов социального опыта, выявляется символическая основа их связи. Исследуются семантика, характер и ценностные интенции состояний азарта и одержимости в творческих устремлениях и деятельных усилиях человека. Обсуждение проводится с актуализацией таких понятий, как социальный снобизм, ресентимент, ненависть, мизантропия, «чистые» отношения, самоуничтожение. Привлекаются идеи и методы ряда социально-философских (постмодернистской социальной теории, общества риска, сетевой теории) и культурологических концепций, а также художественно-литературные образы.

Ключевые слова: социальная философия, риск, азарт, игра, одержимость, Другой.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-50-54

В умонастроении постмодерна есть такие понятия, которые со всей непосредственностью выступают как символы душевного переживания современного человека. Среди них – доверие, маркирующее уязвимость всего (или почти всего), что имеет значение для человеческих отношений и отношения к самой жизни. Подавляющая сила воздействия эрозии доверия, или недоверие – тот смысл, что присутствует в метафизической и физической глубине человеческой души, устойчиво связывает его с другими элементами «высокой модернити». Риск, выживание, страх, хаос – те вызывающие к эмоциям симптоматические метки, что вот уже более трех десятилетий выступают в качестве ключевых в социальных и культур-философских описаниях (Ф. Фукуямы, П. Штомпки, Э. Гидденса, З. Баумани, К. Лэша, У. Бека и др.). Как стигматы утраты «нормального состояния» они указывают на неизбежность заключенности человека в здесь-бытии, вращающемся в кругу

«дурной» неопределенности. Однако следует ли предположить, что это богатое ассоциациями и метафорической остротой наблюдение, служащее экзистенциально-феноменологическим комментарием к культурным формам и излюбленным институтам современности (государство, церковь, традиция, корпорация, наука и т.п.), есть только часть поверхности, скрывающей человеческие действия и переживания с иными именами, непосредственно остающимися без внимания? Не ставя задачи подробной апелляции к хорошо известным концептам философского постмодернизма, но беря их как предпосылку, полагаем, что в уже намеченной перспективе можно обозначить некоторые последующие явления, дополнив их изображениями, которые дают искусство и литература.

Таков, например, азарт, чувственный тон которого можно уловить в высказывании У. Б. Йейтса. В книге «При дружелюбном молчании луны», в первой ее части, которая называется «Душа человеческая», у него есть фраза: «Утоленное желание не самое великое из желаний, и то плечо не познало своей полной силы, которое не пробовало пробить несокрушимые врата». В «обществе риска», концептуальный смысл которому задал постмодерн, смерть приняла контроль над жизнью, и борьба с причинами смерти превратилась в предназначение жизни (Бауман). Эта ситуация, воспринятая как «игра шанса с необходимостью» (Ж. Деррида), призвана привлечь внимание к тому обстоятельству, что крайняя опасность способна пробуждать потенциональность жизни. В сравнительно более ранний период М. Гюйо изложил немало интересных соображений по этому поводу: так, чтобы связать силу ощущения и жажды опасности с интенсивностью физического и духовного бытия, он при-

бегают к понятию «удовольствие риска», которое свидетельствует о том состоянии, что «замешано» на избытке внутренней жизни, на сильных чувствах – порывах страсти, самоотдаче, жертве.

Спутников такой ментальности во все времена и всех сферах социальной реальности всегда было немного. Такие люди в горячем стремлении преодолеть неопределенность или безысходность положения переходят не к защитным, а к иным стратегиям. Азарт – экспансивен, он – нерв риска, и неважно, в каком эмоциональном качестве он обнажается – в лихорадочном трепете, огненном воображении, вспыльчивой горячности или расчетливой сдержанности – в любом варианте он знаменует собой характер ненасытный, неуемный, натуру, импульсивно желающую большего. Азартность рождается от избыточности и на нее же нацелена. Она в душе того, кто готов, если припомнить удачное выражение А. С. Пушкина, «жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», а в истинном пассионарии, если сослаться на Л. Гумилева (от англ. *passion* – увлечение), она действует как динамит. Ее ужас – в бессилии остановиться, а привлекательность – в своевольном порыве превзойти любого рода ограничения, во всяком случае, те, кто охвачен азартом, не могут устоять перед тем, чтобы не «сыграть» на еще больший успех.

Когда Й. Хейзинга сожалел об исчезновении игрового духа, говоря, что сегодня мы имеем дело не с игрой, а лишь с ее гримасой, он имел в виду утрату естественного, непринужденного жизненного принципа «игры ради игры», истончение её бескорыстного, неутилитарного этоса. Если для ребенка игра – это забава и одновременно глубокомысленное занятие, то для взрослого человека – это приятная безделица, хотя и не свободная от ума или умения. В обоих случаях сохраняется соотносительность между серьезным и забавным началом. Для времени, в котором живем мы, в большей мере характерна метода действовать играючи – манера, привносимая в политические, коммерческие, научные, досуговые, художественные и даже образовательные стратегии. Однако здесь уже игра не есть-в-себе-жизнь, здесь грань, отделяющая игру от реальности (серьезности), размыта. В таких обстоятельствах «азартить» (по Далю: сердить, бесить, выводить из терпенья, выходить из себя, выводить из себя) – равносильно безрассудству (экспрессии хаоса).

Азарт – со свойственной ему запальчивостью и задором игрового настроения – бесстрашен перед ограничениями: они для него условны. «Азартник» (по Далю: озорник, задира, вспыльчивый, буйный человек) серьезен в отношении себя самого, поскольку удовлетворенность собою как в великом, так и в малом – самоцель. Он – на-

рушитель ритмики хаоса и порядка, разрушения и созидания, невозможного и возможного, а потому – знак переворотов: установления новых норм и правил, требования иных способностей и качеств. Азарт не только там, где жив авантюрный дух с его крайними негативными формами – криминала и лудомании, но и там, где профессиональное дарование утверждается в мастерстве.

Зависимость успеха в подобном деле от субъективного фактора, конечно, не новость. Хотя об азарте как созидательном двигателе человеческой натуры можно, очевидно, говорить только тогда, когда ценностные интенции сознания ориентируются на повышение, когда на место воспринятых установлений заступает творящее воображение, когда в неутолимой тяге к действию доминирует желание «превзойти себя» как мотив, годный для эффективного обыгрывания сюжетных изгибов биографии и личных способностей. Поэтому, чем ненасытнее такое желание, тем решительнее, пожалуй, будет отказ от подделок и легких побед. Ведь профессионализм требует старания, постоянного стремления к совершенству. Без сомнения, такое взыскательное самостояние духа и отличает творца от ремесленника, поскольку, включаясь в творческий процесс, человек не только соглашается на риск, но и наслаждается им. Тем он и противостоит ищущему «риск ради риска» азартнику.

В этом контексте любопытен риторический пассаж режиссера Сергея Вл. Бодрова (старшего): «Если ты играешь в теннис, ты можешь быть чемпионом Мухосранска, и это прекрасно, – но попробуй сыграть где-нибудь в другом месте! На Уимблдоне, в Париже, на австралийском Оупене... Голливуд – место, где играют профессионалы. Кто лучше, кто хуже, но все профи. Поэтому есть азарт. Если ты хочешь быть в этом деле – значит, ты хочешь сыграть здесь. Деньги – это уже потом, хотя деньги тебе платят, конечно, и хорошие. Прежде всего – азарт» [1, с. 618]. Итак, данный резон оповещает нас о ценностном градусе того особого состояния, что рождается в сравнительной опции достижений, нуждается в постановке ощутимо значимой высоты и является реакцией на ее самостоятельное взятие. Пожалуй, эмоциональная сила настроения здесь подобна тому «свободному и щедрому порыву жизненной потенции», который присущ спортивной увлеченности и о котором говорил Х. Ортега в ту пору, когда возлагал особые надежды на художественный авангард. И тем не менее программа подобного действия не может строиться лишь на импульсивности азарта, «авантюрной жилке» и даже на «своенравном порыве таланта», и здесь нельзя не согласиться с А. Гарросом, автором очерка о С. Бодрове. Можно сказать, что Гаррос раскрывает эту программу как бы в развороте двух экзистенциальных актов. На

одной стороне – целеустремленность, «упорство гибкого профессионала, способного войти в одну реку дубль за дублем», и, конечно, везение [1, с. 621]. На другой – конформизм: режиссер, присягнувший «тому катехизису, в котором записано, что кино – это балаган и бизнес, и что люди должны получать от него удовольствие и платить за него деньги» [1, с. 635]. При таком раскладе становится понятным, что второе намерение выступает условием успешного осуществления первого.

Возвращаясь к мысли С. В. Бодрова, охотно можем предположить следующее. Пусть это всего лишь дерзость слов (если считать, что слова лгут, а действия выражают подлинные мотивации и желания, как говорил А. Митта, другой известный российский режиссер), не вскрывающих глубоко личностные интенции творчества, безусловно, талантливого по природе человека и режиссера, для которого деятельное существование в статусе профи необходимым и благородным образом включается в понимание счастья, но они, что важно, непосредственно обнажают две ценностные диспозиции: обращенную к себе и – вовне. Первая влечет за собой реверсию, когда свобода действия и подлинность Я оборачиваются иллюзией. В наше время репертуар возможностей и радиус действий, их предпочтительные содержания, мотивы и темы в значительной степени подготовлены заранее и подчиняются законам коллективности и потребления. Поэтому требования, предъявляемые к индивиду извне, «мутируют» в его сознании в новый образ самого себя. Тем самым Я по собственной воле превращается в исполнителя ожиданий могущественных Других [2, с. 84–90]. Вторая эксплицирует особого рода установки, порождающие чувство, которое Ф. Ницше называл resentment: «Этот поворот оценивающего взгляда – это *необходимое* обращение вовне, вместо обращения к самому себе» [3, с. 248]. В структуре современной бюрократической социальности душевный габитус, формируемый ценностным сравнением, образуется, среди прочих, системой конкуренции. Здесь высокий тонус желания, движимого карьерным честолюбием, «взять планку повыше», стремиться овладеть высокоценностными благами. Однако это обстоятельство приобретает дополнительные оттенки, если составить себе представление о типе человека, который персонифицируется в самом названии журнала – «Сноб». Снобизм – как поза, воздвигнутая на полуосознанном высокомерии, чья мотивационная драпировка восходит к глубоким архетипическим пластам, скрывает в подкладке своей души сильную претенциозность. Как resentment тип он отвергает ценностное сравнение и тем самым «обесценивает» бытие и мир. Как отмечал М. Шелер, resentment – источник переворотов в вечном ранговом

порядке ценностей, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь [4, с. 119].

Нетрудно понять, что азарт, инсценируемый в благородной форме «спортивного состязания» и упакованный в формат с вождельной пометкой избранности, – далеко нешуточная затея претенциозного его, всегда готового отсечь отдельные обстоятельства и фрагменты своей жизни и собственного прошлого. Наш мир с его «чувственной культурой ментальности» (по П. Сорокину) благоприятствует подобному ценностному эталону. Однако если подумать серьезно – разумно ли так настойчиво взывать его к жизни?

Проблематика азарта не может, на наш взгляд, показаться явно противоречащей другой отличительной черте современного сознания – одержимости. Состояние одержимости обладает собственным выражением, выказывая себя в волнении, пробуждаемом силой нечувственного, духовного свойства. Как превосходящая все чувства взволнованность, однако не принуждающая безвольно предаться ей, оно исполнено порывом (*passion*) более мощным, чем даже ощущение полноты жизни как таковой. Эту неестественную взвинченность чувств, это неодолимое влечение можно интерпретировать в психическом смысле как переход во власть сверхчувственных сил: «Сверхчувственное появляется тогда, когда мы в самоочевидности улавливаем другую сторону бытия» [5, с. 248]. Известная картина И. Босха «Христос перед народом» визуализирует такое движение духа. Три надписи в различных частях полотна: «се человек», «распни его» и «спаси нас Христос-искупитель» – расставляют смысловые акценты, соответственно, на трех экзистенциально-экспрессивных состояниях, окончательное разрешение которых, и это главное, может сбываться в двух символических измерениях: а именно в оживленности, или одерживании божественной силой, и в приобретающем вид воли изживании себя, т.е. соскальзывании в марево одержимости демоническим. Ф. М. Достоевский в своих «Бесах» точно улавливает эту пагубную склонность, переводя ее действительность в поле борьбы веры с неверием, в холодные пустоты иррационального авантюризма и духовной провокации. В плане этих последних примечательна своей лукавостью фраза Ставрогина: «Нужно быть действительно великим человеком, чтобы суметь устоять даже против здравого смысла».

Идею, очерченную здесь Достоевским, можно обобщить, сказав, что одержимость стала существенной деталью современного социального опыта, составляющего видимое поле для различных ее вариантов. Она как бы анонсирует

важное направление социально-философской рефлексии, продиктованное пониманием того, что человек стоит перед лицом острейшего духовного конфликта, дробящего его душу на сгустки интенсивных чувств, облакаемых в форму «демонического» наваждения. Сегодня разновидности одержимости усматриваются в процессах выработки жизненных стратегий и опосредованы воздействием социальных и системных структур. Недифференцированный мир поликультурного общества с его плюрализмом сугубо внешних атрибутов, потребительским соблазном, избыточностью перемещений, сцеплений, общения, сетей контроля, безопасности, миграции и преступности разросся настолько, что признаки равновесия исчезли, и жизнь воспроизвела болезненное, непереносимое и давящее чувство ненависти. Внутренне представляя собой диффузное раздражение, ненависть стала экзальтированным выражением всепроникающего, освобожденного хаоса, способного, как было отмечено Н. Бердяевым, иметь обличье системной внешней организованности. Эта тягостная актуальность направляет нашу отрицательную энергию на Другого, ибо в ослабленных иерархиях, в исчезающей инаковости, в скоплении чужеродной массы людей, как то показывает теория толпы, предвестие гибели собственного Я наиболее ощутимо. А в тревоге и неуверенности всегда имеется не только изрядная доля неприятия и отчужденного безразличия, но и страстный поиск какого-то образца, что дал бы шанс прояснить смысл социально-индивидуальных уз. Можно задаться вопросом, какого рода интуиции имеют место по этому поводу в современной философствующей мысли?

Для Ж. Бодрийера одержимость злом оборачивается сосредоточенной ненавистью человека к самому себе. Утверждая, что универсальная культура тождественности лишает нас «всякой инаковости, всякой необычности и обрекает на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления» [6, с. 115], он свидетельствует о ее насильственном, разрушительном характере. Чтобы отделиться от слоистой массы этого негативного гнета, человек переводит избыточную работу в режим самоагрессии, логическое безумие которой восходит до мистической возбужденности и судорог экзорцизма. Это не только сверхусилие помраченного сознания в надежде на просветление, но эмансипация живого организма от всего чужеродного, его аффективная противореакция исчезновению во тьме рыхлой людской массы. Поэтому ненависть – не самоцель, а следствие конфликта с недифференцированной социальной смесью индивидуальности, стремящейся «сохранить свою символическую целостность, иногда ценой жизни» [6, с. 112].

Разумеется, воспроизводство себе тождественного обладает качеством определенной негибкости, поскольку в ситуации размывания различий монологично отстаивается бытие как собственное, автономное. В этом смысле ненависть как отказ от каких-либо форм солидарности любой из сторон может обернуться драмой для каждой. В то же время между обособлением и согласием к сближению существует известная пластичная связь, проступающая условием консенсусного формирования индивидуального бытия. Здесь Я точно проясняет свою позицию Другому: каждый, кто хочет вступить с ним в контакт и быть услышанным, должен признать его «правила игры». Это позиционирование дает нам некоторое объяснение столь специфической человеческой склонности к обособлению – мизантропии. Ее сущность – тревожный порыв, ищущий успокоения и освобождения, но не находящий иного удовлетворения, нежели удовлетворение в дистанцировании, уединении, замкнутости. Как личностный принцип поведения, укрывающий радикальное разочарование и усталость от давящей тяжести практик взаимодействия, такая манера существования не является порядком, включающим в себя каждую сторону человеческой жизни в живой, телесно-духовной цельности. В своей целесообразности ее отчужденный дух ненасильственен, но будучи воплощением здравого смысла – чувства, равного по силе любви и ненависти, – имеет обратное им устремление, предпочитающее непосредственный контроль и дозирование контактов. Такое частичное удержание от полного высвобождения из оков коммуникативной взаимности с Другим соответствует прагматике самоохранительной методы «чистых», подразумевающих минимум обязательств, отношений и, вероятно, призвано символически привлечь внимание к той рискованной ситуации, какую в условиях любого общества представляет допущение всерьез отказываться от различия в манерах жить и мыслить.

И, наконец, почти гуманитарной катастрофой предстает крайний вывод, к которому в свое время приходили и приходят многие, например, М. Ульбек, – беспримерная одержимость самоуничтожением. Идея его романа «Элементарные частицы» сродни идеям Просвещения, когда во французском романе, как и в науке, оживленно обсуждался вопрос о возможности изменения человеческой природы, как биологической, так и нравственной. Тогда отдельные умы были близки во взглядах на возможные пути такой эволюции, которые мыслились через совершенствование сознания. Теперь грёза и ярость рационального радикализма нацелена на перемену не в умах, а в генах. Так, технология идеальной репликации,

ведомая смутной интуицией талантливого биофизика Мишеля Джерзински (главного героя романа) о существовании уз любви и братства в каких-то еще неведомых формах, содержит в себе возможность дать начало новому роду человечества, бесполому и бессмертному. За этой хитроумной конструкцией «самопреодоления», по ту сторону цепкой логики ее формул, опрокидывающей естественный смысл понятий жизни и смерти, отличия и сходства, любви и боли, стоит, как о том хочет сказать французский писатель, горестное свидетельство исчезновения человека.

Можно только сожалеть по поводу того, что тревожащие нас проблемы онтологической, социальной и психологической раздробленности, эмоционального вакуума, индивидуальности и самого понятия будущего решаются «элементарно», в зоне хаотического (когда случай возносится до творца), под углом зрения постулатов квантовой механики и технической мысли. Собственно, на карту сегодня поставлен человек: что будет с ним, если он со всей силой познавательного азарта подчинит себя естественно-научным описаниям? Не одержим ли его просвещенный здравый смысл научным знанием окончательно?

Оставляя в стороне избитые формы морализаторства, все же согласимся с тем, что слишком часто мы принимаем за истинные ценности обманчивое правдоподобие мистификаций (идеологических, научных, социальных, правовых и т.п.) как прикрытие, потребное для защиты и оправдания наших духовно опустившихся амбиций. Тогда стоит ли ожидать, что они откроют «иначе возможное там, где все представляется заданным и безальтернативным» [7, с. 488], стоит ли тогда доверчиво надеяться, что они установят обладающую спасительным смыслом структуру перспектив и набор необходимых шагов, исполнив которые можно будет прийти к поистине великим достижениям и совершенству?

Список литературы

1. Гаррос А. Карта Бодрова // Сноб. Герои : 30 лучших очерков 2008–2011. М., 2011. 654 с.
2. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003. 192 с.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Ницше Ф. К генеалогии морали. М., 2001. 387 с.
4. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей // Социологический журн. 1997. № 4. С. 117–121.
5. Костина О. В. Чувственное – сверхчувственное в русской философии // Жизненный мир философа в эпоху глобализации : материалы Пярых аскинских чтений. Саратов, 2009. 370 с.

6. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–117.
7. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.

Ecce Homo: Symbolic Implications of the Structure of Senses

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhicheskay str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

The article is devoted to the analyses of integral feelings and senses of the man in conditions of the present-day social reality. Peculiarities of psychological and spiritual state and actions of the man as the key elements of the social experience are described, and symbolic basis of their relation is revealed. Semantics, character and value intentions of the status of ardour and possession in the man's creative aspiration and his actual efforts are studied. Discussion is conducted with actualization of such concepts as social snobbery, resentment, hatred, misanthropy, «clear» relations, self-destruction. Ideas and methods of some sociological and philosophic (the post-modernist social theory, risk society, network theory) theories and culturological conceptions as well as literary images are used.

Key words: social philosophy, risk, ardour, game, possession, Other.

References

1. Garros A. Karta Bodrova (Bodrov's Card). *Snob. Geroi: 30 luchshikh ocherkov 2008–2011* (Snob. Heroes: 30 best sketches 2008–2011). Moscow, 2011, pp. 615–637.
2. Haeussling R. *Soziale Prozesse als Netzwerkspiele Soziologische Essays zu Leitaspekten der Netzwerktheorie*. Stuttgart, 2003. 195 p. (Russ. ed.: Choisling R. *Sotsialniye protsessy kak setevyye igry. Sotsiologicheskoye esse po osnovnyam aspektam setevoy teorii*. Moscow, 2003. 192 p.).
3. Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Bose. Zur Genealogie der Moral*. Leipzig, 1886. 284 S. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali*. Moscow, 2001. 387 p.).
4. Scheler M. *Vom Ressentiment in Aufbau der Moralen. Abhandlungen und Aufsätze*. Leipzig, 1915. 360 p. (Russ. ed.: Scheler M. *Ressentiment v structure moraley. Sociologicheskij zhurnal*, 1997, no. 4. pp. 117–121).
5. Kostina O. V. *Chuvstvennoye – sverhchuvstvennoye v russkoy filosofii (Perception and superperception in Russian philosophy). Zhiznenniy mir filosofa v epokhu globalizatsii: Materialy Pyatykh askinskikh chteniy* (The vital world of a philosopher in the epoch of globalization: materials of the 5th Askin conference). Saratov, 2009. 370 p.
6. Baudrillard J. *Gorod i nenavist (Town and Hatred)*. *Logos* (Logos), 1997, no. 9, pp. 107–117.
7. Panarin A. S. *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v globalnom mire* (Orthodox civilization in the global world). Moscow, 2002. 496 p.

УДК 821.161.1.09

М. Н. КАТКОВ И К. А. ФАРНГАГЕН ФОН ЭНЗЕ О ПУШКИНЕ

Хвостова Ольга Александровна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора, Саратовский государственный университет
E-mail: HvostovaOA@info.sgu.ru

В статье анализируется публикация перевода М. Н. Катковым ныне почти забытой монографической статьи К. А. Фарнгагена фон Энзе «Сочинения Александра Пушкина» (1838) как исток творческих замыслов будущего идеолога русского консерватизма, воплощенных в более поздних трудах о поэте. Немецкая философская критика в лице Фарнгагена фон Энзе восприняла Пушкина в контексте философско-исторических споров о России, взаимодействии культур, народного и национального, самобытного и глобального. Фарнгаген выдвинул идею *универсальности* пушкинского духа, обогащающего и свою, и мировую культуру. Мысль о «всемирном значении» пушкинского гения и его самобытности – сквозная в критике Каткова. Вопросы эстетики в ней представлены в общетеоретическом смысле и в конкретном преломлении в судьбе и поэзии Пушкина. Катков стоит у истоков целого направления русской философской критики о Пушкине.

Ключевые слова: философская критика, М. Н. Катков, К. А. Фарнгаген фон Энзе, Пушкин, взаимодействие культур, универсальность духа, народное и национальное, самобытность, теория искусства.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-55-59

В обширном наследии М. Н. Каткова – выдающегося философского публициста, филолога, критика, издателя, основоположника русской политической журналистики, редактора газеты «Московские ведомости», журнала «Русский вестник», общественного деятеля и идеолога русского консерватизма особое место занимают труды о Пушкине. После долгого забвения они возвращаются к современному читателю, чтобы полнее вписать имя автора в отечественное пушкиноведение.

Большим подспорьем для историков русской мысли явилось недавно вышедшее собрание сочинений Каткова в шести томах (под общей редакцией А. Н. Николюкина) [1]. Символично, что первый том этого издания, собравший литературно-критические статьи, рецензии, очерки, в том числе и основные пушкиноведческие публикации, озаглавлен словами одной из программных статей Каткова «Заслуга Пушкина» [2, с. 699–705]. Собрание открывает «Отзыв иностранца о Пушкине» – публикация перевода Катковым монографической статьи К. А. Фарнгагена фон Энзе о Пушкине 1838 г., которая является истоком творческих замыслов молодого Каткова, воплощенных в более поздних трудах о поэте.

Обширная работа немецкого критика, историка, публициста, дипломата на прусской государственной службе, умеренного либерала К. А. Фарнгагена фон Энзе (1785–1858) «Сочинения Александра Пушкина» была опубликована в основанном Гегелем журнале «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*» (Ежегодник научной критики) (1838) и произвела оживление в немецких философских кругах, сразу же была прочитана в России и вышла в двух разных переводах – в журналах «Сын Отечества» (1839) и «Отечественные записки» (1839). Первый, по словам Каткова, «какой-то жалкий, неверный перевод» редактора Н. А. Полевого был неточным и побудил Каткова обратиться к издателю А. А. Краевскому с просьбой поместить в его журнале «Отечественные записки» свой перевод, чтобы «указать истинную точку зрения на нашего великого поэта» и «познакомить нашу публику с современным состоянием критики в Германии» [2, с. 53]. Инициатива была поддержана сотрудником журнала В. Г. Белинским.

Критика Фарнгагена фон Энзе – одна из первых и забытых в России иностранных статей-рецензий на три тома посмертного издания «Сочинений А. Пушкина» (1838), выпущенного В. А. Жуковским. Не случайно, что она была заново, вторично переведена Катковым. Переводчик смог вдохновенно донести до русского читателя смысл «благородного германского отзыва» о Пушкине. Начиная с 1837 г., Белинского и Каткова, тогда еще выпускника словесного отделения философского факультета Московского университета, связывает тесное общение и в дальнейшем – сотрудничество в редакции «Московского наблюдателя». Письма Белинского к А. С. Суворину, Н. В. Станкевичу, В. П. Боткину пестрят восторженными отзывами в адрес молодого романтически настроенного критика, талантливого переводчика, к тому времени уже известного в литературных кругах своими переводами Г. Гейне, У. Шекспира, Г. Рётшера, И. Гете, Ф. Рюккерта: «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! Во всем, что ни пишет он, видно

такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних...» [3, с. 7]. Охлаждение отношений В. Г. Белинского и М. Н. Каткова наступит с началом сотрудничества последнего в «Отечественных записках» А. А. Краевского, уже в 1840 г. Катков идейно разойдется с Белинским навсегда.

Личность Каткова, увлеченного немецкой классической философией, романтической поэзией Жуковского, Пушкина, Кольцова, формировалась под влиянием круга Станкевича. Мало проясненный на сегодняшний день вопрос – об участии Фарнгагена в этом кружке. Пока нет достоверных свидетельств об общении Каткова с ним в России, но известно, что в 1840 г. Катков уезжает в Германию, слушает лекции немецких профессоров, курс Ф. Шеллинга в Берлинском университете, возможно, видится и с Фарнгагеном. В комментариях к «Отзыву иностранца о Пушкине» приводятся косвенные факты их заочного общения через посредство Ф. И. Тютчева, познакомившегося с немецким критиком в 1842 г. и посвятившего ему стихотворение «Знамя и слово»: «Через тридцать лет Тютчев и Катков, многократно встречаясь и беседуя в Москве, могли вспомнить знатока и популяризатора русской литературы в Германии ...» [2, с. 747].

Немецкая критика в лице Фарнгагена фон Энзе восприняла Пушкина в контексте философско-исторических споров о России. Претворив мысль Гете о «всемирной литературе», о взаимодействии культур, немецкий критик воспринял Пушкина как выразителя всемирно-исторической роли России, осуществившего синтетический охват всей русской жизни: «В самом деле, он есть выражение всей полноты русской жизни и потому он национален в высшем смысле этого слова» [2, с. 61]. Имперское могущество России, множество населявших ее народов с их верой, культурой, обычаями (Восток и Запад, Север и Юг, Кавказ, Украина, Бессарабия), по убеждению Фарнгагена, «имеют в этом отношении самое благотворное влияние; мы можем отсюда видеть, в каком внутреннем соотношении с государством живет поэзия» [2, с. 63–64]. Эта мысль прослежена немецким критиком на примере многих произведений – «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган», «Полтавы». По сути, впервые после смерти поэта и задолго до пушкинской речи Ф. М. Достоевского Фарнгаген выдвинул идею *универсальности* пушкинского духа, обогащающего и свою, и мировую культуру.

В краткой заметке «От переводчика» Катков относит Фарнгагена к достойным ученикам Гегеля, в «лице» которого «подает нам руку Герма-

ния, в лице Германии – вся Европа ...» [2, с. 56]. Русского гегельянца привлек отзыв иностранца, который «судит о России и об ее явлениях не как член народа, а как член целого человечества» [2, с. 55]. Молодому Каткову созвучно представление Фарнгагена о «духовном образе» Пушкина как о «поэте не одной какой-нибудь эпохи, а поэте целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира». «Всемирный» масштаб личности Пушкина и памяти о нем, по мысли переводчика, соотносимы с судьбой России: «Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире» [2, с. 55].

Мысль о «всемирном значении» пушкинского гения и его самобытности – сквозная в философской критике Каткова. В программной статье 1856 г., в ходе анализа лирики Пушкина, знаменитого «Памятника», он убежденно доказывает: «Пушкин, как видим, сам чувствовал свое великое значение; он чувствовал, что гением его завершён ряд славных усилий, которые дали русскому слову всемирную силу служить прекрасным орудием духу жизни и развития» [2, с. 275]. Формульное выражение идея Каткова получает в публикации 1880 г.: «Пушкин стоит на высоте всемирного значения» [2, с. 701]. Катков пишет о возвышающей силе вдохновенного преображения художника, даре «ясновидения» и «просветления», запечатленном в бессмертных стихах о поэте-пророке, произведениях зрелого таланта, отмеченных «печатью совершенства». В понимании Каткова, подлинный художник находится на недостижимой высоте, пребывает в «священном одиночестве», исполненный «высокого чувства независимости мысли», наедине со своей совестью. И только в этом состоянии он способен вынести «глубокое народное чувство, и свой исторический смысл, и свою веру в назначение русского народа» [2, с. 703].

Редкий случай, когда Катков-переводчик вступает в диалог с автором «Отзыва иностранца о Пушкине» в форме примечаний по вопросам, принципиальным для него самого, например, по поводу понятий «народное» и «национальное». Фарнгаген ставит имя Пушкина на недостижимую высоту среди всех его предшественников, последователей, современников, группирующихся вокруг него, ибо он выражает полноту народной жизни и «национален в высшем смысле этого слова» [2, с. 61]. Немецкий критик различает два этапа в развитии самосознания народа: «Если под народным разуметь то, что передается из века в век в первоначальной непосредственности, без всякого развития, то на высшей ступени образования оно не может быть названо национальным,

потому что благороднейшая часть народа, в которой уже пробудился дух и открылись духовные очи, не может им удовлетворяться» [2, с. 61]. Только исходя из этого определения, по логике Фарнгагена, возможно постичь подлинное значение Пушкина и толковать его произведения. Катков в примечании предупреждает о том, что «надобно отличать народное от национального», поясняя эти слова в гегелевском духе: «Народным должно называть все то, что вытекает из естественного состояния народа, состояния, в котором дух безразлично слит с природою; национальное же – все то, что напечатлено самосознающим, развивающимся духом какого-либо народа, как органической части целого человечества, как *нации*» [2, с. 61]. Перед нами не что иное, как методологическая основа размышлений самого Каткова о соотношении народного и национального, национального и всемирного в культуре.

Фарнгаген решительно опровергает представление о подражательном характере произведений Пушкина, сопровождая свой упрек «русским» учтивой оговоркой: «Русские сами, по скромности или осторожности, нередко называют Пушкина подражателем» [2, с. 61]. Свое согласие с немецким критиком Катков выражает в примечании «от переводчика», эмоционально восклицая в адрес своих соотечественников: «О, если б только по одной скромности и осторожности!» [2, с. 61]. Позднее Катков еще более категорично отстаивает оригинальность даже тех сочинений поэта, которые испытали «байронические влияния»: «Собственно говоря, Пушкин никогда не был подражателем; это природа в высшей степени оригинальная» [2, с. 293].

Выход в свет «Сочинений Пушкина», изданных П. В. Анненковым, послужил поводом к написанию монографической работы Каткова, вероятно, задуманной благодаря переводу Фарнгагена. Литературно-эстетический трактат «Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова» появляется на страницах «Русского вестника» (1856) в разгар литературно-журнальных столкновений между представителями «реальной» и «эстетической» критики (статьи Н. Г. Чернышевского и А. В. Дружинина). Тем не менее даже Чернышевский высоко оценил вклад Каткова в осмысление пушкинского наследия. Он называет статью Каткова «капитальной», выделяя в ее содержании, прежде всего, «разрешение чисто эстетических задач», соотнося их с «характером общего воззрения» «Русского вестника» [4, с. 642]. Таким образом, эта пушкиноведческая работа Каткова была знаковым выражением эстетической программы журнала.

Редактор «Русского вестника» возвращается к своей юности, к тем вопросам, которые были подняты в его переводе статьи Фарнгагена – принципам романтической критики, которые он уже переосмыслил. Каткова занимают «вопросы эстетики» (о сущности, целях, «теоретическом» и «практическом» значении искусства, о назначении поэта и поэзии, о природе вдохновения, соотношении сознательного и бессознательного в искусстве, о сходстве и различии «мысли» в поэзии и «отвлеченном мышлении») и в общетеоретическом смысле, и в конкретном преломлении в судьбе и поэзии Пушкина. Критик считает, что у Пушкина была своя теория искусства, воплощенная им в стихотворениях «Разговор книгопродавца с поэтом», «Чернь», «Поэт, не дорожи любовью народной!», «Поэт», «Эхо»: «Пушкин не был теоретиком. Но действительно, с течением времени его художественная деятельность достигла до самосознания...», т.е. стала предметом рефлексии [2, с. 251].

Катков в понимании искусства идет вслед за немецкой классической философией (Кант, Гегель): «Поэзия есть, прежде всего, одна из форм нашего сознания <...> *Поэзия, в истинном смысле, есть познающая мысль, направленная на то, что не подвластно отвлеченному мышлению*» [2, с. 252, 255]. Мысль поэта так же важна, по Каткову, как и его бессознательное вдохновение. Для критика это едино. В стихотворении «Чернь» (в издании 1836 г. «Поэт и толпа») Катков находит конкретизацию практической роли искусства: «Но, спросят ли нас, должно ли искусство ограничиваться одним теоретическим значением или оно должно иметь также и практическое значение? Этот вопрос внушил самому Пушкину известное стихотворение “Чернь”». Подробно анализируя это стихотворение, Катков выделяет два момента в существе искусства. От художника нельзя требовать внешней практической пользы: «Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе варишь...». И второе, когда на поэта возлагают миссию исправления пороков. Обе эти крайности противоречат *цели искусства* и вдохновению. Искусство, будучи свободным полетом вдохновения, способствует успехам гражданственности, развитию общественных отношений, происходит «очеловечивание жизни» [2, с. 266].

Катков цитирует хрестоматийные строки («Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв»), являющиеся знаменем «эстетического» направления, приверженцев «чистого искусства». Он спорит с ним: «Все неприятно поражающее ум в этом знаменитом вы-

ражении: “искусство для искусства” заключается в представлении, будто художник должен иметь свою целью только изящество исполнения, и тут мы с полным правом восклицаем: нет! искусство должно иметь какую-либо более существенную цель; пусть оно лучше оставит тщеславное притязание находить в самом себе цель для своих явлений и будет лишь простым и честным орудием для других назначений, на которые вызывает его жизнь со своими битвами и стремлениями» [2, с. 268]. Так чем же отличается его позиция от принципов «триумvirата» эстетической критики – Анненкова, Дружинина, Боткина? Катков, по сути, провозглашает собственную эстетическую программу: «Люди призваны в мир не для одного спокойного созерцания; мы должны действовать и участвовать в великих битвах жизни, каждый по силам и средствам своим; все в человеческом мире стремится и действует, все в напряжении и борьбе; так!» [2, с. 265]. Эта программа имеет и автобиографическое, и общественное звучание: Катков умел действовать и делал это с поразительной результативностью в политике, журналистике, редакционных делах. В статье «Заслуга Пушкина» (1880) он выдвинул политическое понятие *Русская партия*: «У нас теперь все толкуют о политических партиях. Не принадлежал ли и Пушкин к какой-либо партии? Да, принадлежал <...> Он принадлежал к *Русской партии*. Само слово “*Русская партия*” есть слово Пушкина» [2, с. 704].

Программные тезисы Каткова находят практическое воплощение в обзоре пушкинского творчества. Критик стремится «пояснить себе в живом примере сущность художественного начала» [2, с. 277], проявленного, прежде всего, в лирике Пушкина. Критик восхищается «совершенно индивидуальным состоянием», «индивидуальностью минуты» в стихах: «Под небом голубым страны своей родной», «Для берегов отчизны дальней...». Представление о Каткове как о литературно-общественном деятеле будет неполным, если не иметь в виду его тонкое глубокое прочтение лирических шедевров. Это свидетельствует о том, что он прошел школу романтической критики, к которой принадлежал и Фарнгаген. Важно заметить, что, вероятно, именно поэтому Катков недооценивает пушкинскую прозу.

Осознавая личность Пушкина как творца отдельных поэтических моментов, миггов жизни, следуя традиции Горация, Катков отказывает поэту в возможности постигать многообразие жизни в ее целостности. Критик настаивает на том, что поэт как таковой, и не только Пушкин, лишен «обширной и богатой системы воззрений»

[2, с. 289]. Как понимает Катков принцип целостности? В произведениях Пушкина «целое всегда распадается у него на отдельные положения и сцены, но так, однако, что каждая часть представляет собою нечто относительно целое» [2, с. 286]. Это относится и к «Евгению Онегину», и поэмам, «Борису Годунову», «Маленьким трагедиям». Катков здесь пристрастен, но его можно понять, учитывая, что такого рода суждения были и при жизни самого Пушкина (статья поэта «Опровержение на критики»), и в критике после его смерти.

В то же время Катков обозревает творчество Пушкина в движении, поэтапно: от ранних опытов («Руслан и Людмила») к «переходной эпохе» 1820–1825 гг. (романтические поэмы), и затем «с 1825 года начинается зрелая пора Пушкина» [2, с. 297]. К этому этапу Катков относит: «Полтаву», последние главы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Медного всадника». Критик задается вопросом: «В чем выражается зрелость его творческой силы?» [2, с. 297]. Для Каткова она заключается в умении Пушкина выразить «ясность действительного мира», «высочайшую художественную точность» [2, с. 297]. По существу, критик, выделяя качества, емко характеризующие реалистические принципы пушкинского письма, приходит к обобщению: «Не много надобно вглядываться в произведения этой эпохи, чтобы усмотреть, как русская мысль в лице Пушкина приобретает все более и более силы для достижения действительности, как становится она способной воспроизводить истину явлений души и жизни» [2, с. 297].

Становится понятно, почему переводчик Фарнгагена – молодой Катков – так эмоционально укорял соотечественников и одновременно взывал к ним: «Стыдно! Нас опередили в оценке нашего Пушкина! Но дай Бог, чтобы это было в последний раз, дай Бог, чтоб мы почувствовали наконец в себе силы к самобытной и самознательной умственной деятельности» [2, с. 56].

Спустя четыре десятилетия в передовой статье газеты «Московские ведомости» Катков исправит эту историческую несправедливость, восклицая: «Пушкин заставил не только своих, но и чужих полюбить наш язык, и в этом его великая заслуга. <...> Мы гордимся нашим Пушкиным как великим поэтом <...> Пушкин стоит на высоте всемирного значения. Русский народный поэт, он имеет полное право на почетное место в пантеоне всех времен и народов. На произведениях его зрелой поры лежит печать совершенства. Это мир творчества, самородный и самобытный как по веществу, так и по образу» [2, с. 700–701]. С тех пор оформилось целое

направление русской философской критики о Пушкине (М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, С. Л. Франк, Г. П. Федотов и др.).

Список литературы

1. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2010–2012.
2. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2010. Т. 1. 848 с.
3. Катков М. Н. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2012. Т. 6. 864 с.
4. Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1947. Т. 3. 884 с.

М. N. Katkov and K. A. Varnagagen von Ense about Pushkin

О. А. Khvostova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: HvostovaOA@info.sgu.ru

The article analyzes the publication of the translation M. N. Katkov now almost forgotten monographic articles K. A. Varnagagen von Ense «The Works of Alexander Pushkin» (1838) as a source of creative

ideas of the future ideology of Russian conservatism embodied in the later writings of the poet. German philosophical criticism in the face of Varnagagen von Ense Pushkin perceived in the context of the philosophical and historical disputes about Russia, the interaction of cultures, folk and national, national and global. Varnagagen proposed the idea of the *universality* of Pushkin's spirit, and enriching their own, and world culture. The idea of «global significance» of Pushkin's genius and his identity – through a criticism of Katkov. «Questions of aesthetics» is in their general theoretical sense and in particular in the fate and the Pushkin's poetry. Katkov is at the origin of the whole direction of Russian philosophical criticism of Pushkin.

Key words: philosophical criticism, M. N. Katkov, K. A. Varnagagen von Ense, Pushkin, interaction of cultures, *universality* of spirit, folk and national, identity, art theory.

References

1. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2010–2012.
2. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2010. Vol. 1. 848 p.
3. Katkov M. N. *Sobr. soch.*: v 6 t. Pod. obshch. red. A. N. Nikolyukina (Collected works: in 6 vol. Ed. by A. N. Nikolyukin). St.-Petersburg, 2012. Vol. 6. 864 p.
4. Chernyshevskiy N. G. *Poln. sobr. soch.*: v 15 t. (Collected works: in 15 vol.). Moscow, 1947. Vol. 3. 884 p.

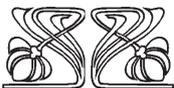
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.35

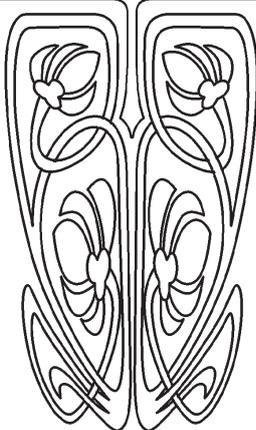
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЛАСТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОБЩЕЙ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ

Белых Татьяна Викторовна –

доктор психологических наук, заведующая кафедрой
консультативной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: tvbelih@mail.ru

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи интеллектуальной пластичности как свойства темперамента с межуровневыми показателями в структуре интегральной индивидуальности, в зависимости от выраженности общей самооффективности в студенческом возрасте. Выявлено, что интеллектуальная пластичность как свойство индивида определяет различия в проявлении комплекса межуровневых взаимосвязей в структуре индивидуальности и характер индивидуальных стратегий самореализации в зависимости от уровня самооффективности. Учет указанных особенностей взаимовлияния индивидуальных и личностных свойств в структуре индивидуальности позволяет определить вклад биологически- и социально-детерминированных качеств личности, способствующих её успешной самореализации вне зависимости от сформированных когнитивных установок.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, высокая и низкая самооффективность, интеллектуальная пластичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-60-64

Проблема изучения взаимосвязи интеллектуальной пластичности как формально-динамического свойства индивидуальности с социально-детерминированными показателями структуры интегральной индивидуальности является актуальной, так как позволяет выявить симптомокомплекс разноуровневых свойств, обеспечивающих успешную самореализацию личности в условиях учебной деятельности.

В настоящее время к личности будущего профессионала предъявляются высокие требования в области его аутопсихологической компетентности, которая базируется на оптимальном уровне уверенности в собственной способности овладеть выбранной профессией, в умении осуществлять целеполагание в учебной деятельности, использовать многовариативные способы профессиональной интеракции и др.

В нашем исследовании симптомокомплекс свойств в структуре интегральной индивидуальности изучался в зависимости от выраженности уровня самооффективности как одной из когнитивных составляющих образа Я.

Исследование самооффективности опирается на комплекс методологических принципов: субъектности, системности, развития (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, В. А. Слостенин, Д. Н. Узнадзе, Д. И. Фельдштейн и др.).

В большинстве современных исследований самоэффективность понимается как убежденность, вера субъекта в свои возможности осуществлять деятельность, а также в собственное развитие в ходе достижения стоящих перед ним целей и задач. Общим в существующих определениях является акцент на оптимистическом самоубеждении человека относительно своих возможностей контролировать события при достижении целей, а также отнесение самоэффективности к предстоящей субъекту активности, а не к уже состоявшейся.

С позиций концепции А. Бандуры, самоэффективность – специфический феномен самосознания личности. Самоэффективность – это не личностная черта, а особый когнитивный механизм, позволяющий субъекту анализировать свои возможности при выполнении тех или иных действий, обеспечивающий актуализацию их мотивации, формы поведения и возникновение эмоций. Исследователь считает, что высокая оценка личностью собственной эффективности не только снижает прогностические страхи и торможения, но и оказывает влияние на предпринимаемые попытки и прилагаемые усилия посредством предвосхищения будущего успеха [1].

Концепция самоэффективности опирается на многочисленные экспериментальные данные, полученные в рамках других подходов, таких как теория ожидаемой ценности Дж. Аткинсона, концепция каузальных атрибуций Б. Вайнера, теория локуса контроля Дж. Роттера, теория воспринимаемой Я-компетенции Р. Уайта и др., но, как отмечает Е. А. Шепелева, самоэффективность есть конструкт, существенно отличающийся от понятий, лежащих в их основе [2]. «Самоэффективность является когнитивным конструктом, базирующимся на личном опыте успешного выполнения деятельности» [2, с. 10].

В результате анализа многочисленных экспериментальных исследований было доказано, что высокая самоэффективность, как правило, оказывается связанной с высокой результативностью деятельности, однако, как отмечает Е. А. Шепелева, в некоторых случаях слишком сильно выраженная самоэффективность может оказаться дисфункциональной.

Проблема изучения взаимовлияния психологических свойств в структуре индивидуальности человека широко обсуждалась в отечественной психологии. Существуют разные модели изучения структуры индивидуальности человека.

Б. Г. Ананьев определяет индивидуальность как полисистемное образование, интегрирующее важнейшие свойства субъекта, личности и ин-

дивида, присущие определенному, конкретному человеку [3]. При этом структура индивидуальности, по Б. Г. Ананьеву, представляет собой систему субъектно-деятельностных (мотивация, коммуникативность, самооценка, когнитивные процессы, саморегуляция, рефлексия), индивидуальных (тип темперамента, а также психофизиологический компонент, включающий в себя уровень работоспособности, развитие крупной и мелкой моторики) и личностных (система отношений) особенностей человека.

Другой подход научного поиска – интегральный, основанный на познании взаимосвязей и взаимодействия переменных системы, базирующихся на законах управления развитием целостной индивидуальности. Феномен человека может быть понят и объяснен только через рассмотрение его как целостной системы. Такую модель исследования индивидуальности предлагает В. С. Мерлин [4]. Он понимал интегральную индивидуальность как синтез подсистем действительности, начиная от биохимических и кончая общественно-историческими (организм, индивид, личность, статус и т. д.).

В настоящем исследовании реализована цель – изучение взаимосвязи интеллектуальной пластичности как свойства темперамента (биологически детерминированный показатель в структуре интегральной индивидуальности) с комплексом личностных и социально-психологических свойств у студентов с высокой и низкой самоэффективностью как когнитивного конструкта личности, касающегося успешности самореализации.

В исследовании использовалось понятие общей самоэффективности, понимаемой как сумма выраженности самоэффективности в предметной и межличностной сферах.

Исследование проводилось на базе 4 институтов Северо-Кавказского федерального университета – гуманитарного, педагогического, юридического, экономики и управления. В нем приняли участие юноши и девушки 1–5 курсов в возрасте от 17 до 22 лет, 126 человек.

Методы исследования: «Тест-опросник самоэффективности» (Дж. Маддукс и М. Шеер, адаптация А. В. Бояринцевой), опросник «Формально-динамических свойств индивидуальности» В. М. Русалова, многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, опросник «Стратегии и модели преодолевающего поведения» Г. С. Никифорова; методика «Самоактуализационный тест» (САТ), «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ) в адаптации Л. Н. Собчик.

Был использован корреляционный анализ, позволивший выявить взаимосвязи разноуровневых свойств в структуре индивидуальности и определить вклад формально-динамических и социально-детерминированных показателей в формирование стратегий самореализации при

наличии разной выраженности уверенности в собственных достижениях.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа показателей в структуре интегральной индивидуальности у студентов с высоким уровнем самооффективности (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные зависимости показателей интегральной индивидуальности с интеллектуальной пластичностью у студентов в группе с высоким уровнем общей самооффективности

Уровень интегральной индивидуальности	Показатель в структуре интегральной индивидуальности	Интеллектуальная пластичность
Психодинамический уровень	Индекс интеллектуальной активности	0,90
	Эргичность коммуникативная	-0,69
	Эргичность интеллектуальная	0,69
	Скорость интеллектуальная	0,46
Личностный уровень	Сензитивность	0,72
	Предметная самооффективность	0,70
	Гибкость поведения	-0,67
	Познавательные потребности	0,65
	Межличностная самооффективность	-0,56
	Самоуважение	0,51
	Шкала шизофрении (шизоидный тип личности)	-0,52
	Коммуникативный потенциал	-0,49
	Самопринятие	0,42
	Шкала ипохондрии (астено-невротический тип личности)	0,42
	Шкала психастении (тревожно-мнительный тип личности)	-0,42
Социально-психологический уровень (копинг-стратегии)	Осторожные действия	-0,55
	Импульсивные действия	-0,48

Интеллектуальная пластичность (как формально-динамическая характеристика) в структуре индивидуальности имеет значимые корреляции с такими показателями на уровне психодинамики, как индекс интеллектуальной активности (сумма показателей интеллектуальной эргичности, пластичности и скорости), что подтверждается наличием отдельных корреляционных связей интеллектуальной пластичности с каждым из перечисленных показателей. При этом выявлена отрицательная корреляция с показателем коммуникативной эргичности, т. е. при анализе проявления психодинамических особенностей у студентов с высокой уверенностью в успешности собственных достижений обнаруживается, что интеллектуальная пластичность взаимосвязана с характеристиками, определяющими высокий уровень интеллектуальной активности и низкий уровень коммуникативной выносливости (см. табл. 1).

Личностные особенности в изучаемой группе студентов образуют следующее сочетание свойств с показателем интеллектуальной пластичности: выявлена положительная корреляция с сензитивностью (способность к осуществлению рефлексии собственных потребностей и чувств), с уверенностью в достижениях в предметной деятельности, с выраженными познавательными потребностями, самоуважением, самопринятием и наличием тенденции к развитию астено-невротического типа личности. Отрицательные корреляции интеллектуальной пластичности с показателями личностных свойств, выявленные в данной группе, позволяют говорить о наличии следующих особенностей: при увеличении интеллектуальной пластичности снижаются гибкость поведения, уверенность в достижениях в межличностной сфере, коммуникативный потенциал, тенденция к развитию шизоидного

и тревожно-мнительного типа личности. Выявлена отрицательная корреляционная связь с такими копинг-стратегиями, как осторожные и импульсивные действия.

Проанализируем результаты корреляционного анализа показателей в структуре интегральной индивидуальности у студентов с низким уровнем самооффективности (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные зависимости показателей интегральной индивидуальности с интеллектуальной пластичностью у студентов в группе с низким уровнем общей самооффективности.

Уровень интегральной индивидуальности	Показатель в структуре интегральной индивидуальности	Интеллектуальная пластичность
Психодинамический уровень	Индекс интеллектуальной активности	0,87
	Эмоциональность интеллектуальная	-0,70
	Индекс общей адаптивности	0,59
	Индекс общей эмоциональности	-0,55
	Индекс общей активности	0,46
	Скорость интеллектуальная	0,42
Личностный уровень	Шкала психопатии (социопатический тип личности)	0,64
	Поддержка	0,49
	Спонтанность	0,49
	Сензитивность	0,43
	Ценностные ориентации	0,42
	Ориентация во времени	-0,40
Социально-психологический уровень (копинг-стратегии)	Избегание	-0,41

В группе студентов с низким уровнем самооффективности интеллектуальная пластичность на уровне психодинамических особенностей связана, как и в первой сравниваемой группе, с высоким уровнем выраженности индекса интеллектуальной активности, при этом, в отличие от предыдущей группы, увеличение интеллектуальной пластичности у студентов с низкой уверенностью в собственных достижениях обеспечивает высокий уровень адаптивности и общей активности (высокая выраженность индекса общей адаптивности и общей активности), а также скорость протекания интеллектуальных операций. Также снижается индекс общей эмоциональности и переживаний от неудач при решении проблемных ситуаций (см. табл. 2).

При увеличении интеллектуальной пластичности у студентов с низкой уверенностью в собственных возможностях обнаруживается высокая выраженность проявления независимости в принятии решений, спонтанности, стремления к самоактуализации. Вместе с тем могут обнаруживаться недооценка ценности настоящего жизненного этапа и возможность развития социопатического типа личности. Чем

выше уровень интеллектуальной пластичности, тем ниже вероятность использования избегания как способа совладания со стрессогенными обстоятельствами.

Использование модели интегральной индивидуальности при интерпретации полученных данных позволяет изучить зависимости между показателями разных уровней организации – индивида, личности, субъекта деятельности. В результате анализа выявлено, что студенты, уверенные в высоком уровне собственных достижений при наличии высокой выраженности интеллектуальной пластичности, характеризуются высокой интеллектуальной активностью и рефлексивностью, но низкой эмоциональной выносливостью в сочетании с низким уровнем коммуникативного потенциала и уверенности в эффективности межличностного общения.

Студенты, не уверенные в высоком уровне собственных достижений, но имеющие высокий уровень интеллектуальной пластичности, обладают высокой выраженностью показателей интеллектуальной активности и скорости, приобретают способность к контролю над эмоциональной сферой, что способствует

проявлению спонтанности и стремлению к самоактуализации.

Интеллектуальная пластичность как формально-динамическая характеристика индивида определяет различия в проявлении симптомокомплекса межуровневых взаимосвязей в структуре индивидуальности и способствует созданию индивидуальных стратегий самореализации при наличии социально-детерминированных убеждений личности относительно собственной успешности или неуспешности в достижении поставленных целей. Учет указанных особенностей взаимовлияния индивидуальных и личностных свойств в структуре индивидуальности позволяет выяснить вклад биологически-детерминированных и приобретенных качеств и свойств личности, способствующих успешной самореализации личности вне зависимости от сформированных когнитивных установок. Наличие высокого уровня убежденности в собственной эффективности не является залогом успешности самореализации, как и наличие низкой уверенности не определяет ее неуспешность. Следует говорить о различиях в стилевых особенностях самореализации, базирующихся на специфике взаимодействия всей системы разноуровневых показателей в структуре интегральной индивидуальности.

Список литературы

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000. 320 с.
2. Шепелева Е. А. Особенности учебной и социальной самоэффективности школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 24 с.
3. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания / под ред. А. А. Бодалева. М. ; Воронеж, 1996. 384 с.
4. Мерлин В. С. Психология индивидуальности : избр. психол. тр. / под ред. Е. А. Климова. Воронеж, 1996. 446 с.

Intellectual Plasticity within the Integral Individuality Structure in Students with Different Levels of General Self-Efficacy

T. V. Belykh

Saratov State University
10a, Volskaya str., Saratov, 410000, Russia
E-mail: tvbelih@mail.ru

This paper presents the results of the empirical study of the relationship between intellectual plasticity as temperamental property and inter-level parameters in the structure of integral individuality, depending on the level of general self-efficacy which students demonstrate studying at universities. It is found out that intellectual plasticity as property of individuality determines the differences in displaying the set of inter-level relationships in the structure of individuality. Intellectual plasticity also defines the nature of individual strategies for self-realization depending on the level of self-efficacy. Given these peculiarities of interaction between individual and personal properties in the structure of the individuality it is possible to define the contribution of biologically and socially determined personal traits that contribute to successful self-actualization of a personality irrespective of formed cognitive attitude.

Key words: integral individuality, high and low self-efficacy, intellectual plasticity.

References

1. Bandura A. *Teoriya sotsialnogo naucheniya* (Social learning theory). St.-Petersburg, 2000. 320 p.
2. Shepeleva E. A. *Osobennosti uchebnoy i sotsialnoy samoeffektivnosti shkolnikov: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk* (Features of educational and social self-efficacy students: abstract... of the candidate of psychological sciences). Moscow, 2008. 24 p.
3. Ananyev B. G. *Psikhologiya i problemy chelovekoznaniya*. Pod red. A. A. Bodaleva (Psychology and problems chelovekoznaniya. Ed. by A. A. Bodalev). Moscow; Voronezh, 1996. 384 p.
4. Merlin V. S. *Psikhologiya individualnosti: izbr. psikhol. tr.* Pod red. E. A. Klimova (Psychology of Personality: selected psychological works. Ed. by E. A. Klimov). Voronezh, 1996. 446 p.

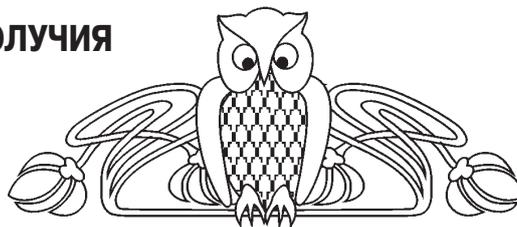

УДК 316.6

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Бочарова Елена Евгеньевна –

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования взаимосвязи субъективного благополучия и личностной саморегуляции представителей разных этногрупп. Эмпирическое исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке студенческой молодежи (г. Саратова), причисляющих себя к русскому и татарскому этносам ($n = 60$, женского и мужского пола; 18–20 лет), с применением психодиагностического инструментария: «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (ССПМ), «Шкалой субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), методов сравнительного и корреляционного анализов. Установлено, что субъективное благополучие в сфере этнического у русских связано с выстраиванием приоритетов в отношениях со значимыми Другими, невзирая на их этническую приверженность, с реализацией конструктивных стратегий социальной мобильности, пластичности. В выборке татар наблюдается рациональная согласованность последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов и проявлением способности быстро ориентироваться в меняющейся ситуации, что является механизмом поддержания субъективного благополучия в сфере этнического.

Ключевые слова: личность, этногруппа, личностная саморегуляция, этнические установки, субъективное благополучие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-65-70

В числе актуальных проблем современной психологии весьма существенной является выявление этнопсихологических характеристик взаимосвязи субъективного благополучия и саморегуляции личности, определяющих в своей совокупности систему регуляции поведения личности в условиях поликультурного многообразия. Весьма значимыми являются фиксация доминирующих тенденций социальных процессов, протекающих в группах (этногруппах) и в обществе в целом, их влияние на процессы саморегуляции и самоорганизации личности, а также условий, способствующих повышению роли личности в качестве субъекта социальных, этносоциальных отношений.

Проблема выявления природы саморегуляции личности, описания путей ее формирования и развития в настоящее время изучается в различных отраслях психологической науки. Повышение научного и практического интереса к этому личностному свойству неслучайно. Это обуслов-

лено, прежде всего, тем, что в силу происходящих в обществе социальных трансформаций необходимость самовыражения, самостоятельности, выбора человеком своего независимого пути, своего способа жизнедеятельности становится все более актуальной. Кроме того, это расширяет возможности выявления психологических особенностей самореализации личности в зависимости от её социально-демографических, национально-этнических и индивидуально-типологических особенностей, её социокультурного окружения. Важным становится и выявление механизмов реализации своих возможностей в разных сферах социальных практик, способствующих совершенствованию значимых ресурсов своего «Я», что в немалой степени отражается на переживании благополучия и неблагополучия.

Традиционно саморегуляция определяется психологами как способность личности к устойчивому функционированию в различных условиях жизнедеятельности. В контексте структурно-функционального подхода саморегуляция понимается как системно организованный психический процесс по инициализации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, который направлен на достижение принимаемых субъектом целей в единстве своих энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектов (Э. А. Голубева, О. А. Конопкин, А. И. Крупнов, В. И. Моросанова, Г. С. Прыгин).

Саморегуляция личности представляет собой сложную функциональную, многоуровневую, динамическую систему, комплекс психологических образований. Исходным в данном комплексе является установочно-целевой компонент, в котором интегрируются конкретные цели, установки, намерения и общая программа инструментально-смыслового обеспечения, и реализация того или иного отношения в конкретных условиях поведения и деятельности. Как показано в ряде работ [1, 2], интегральным, системообразующим психологическим механизмом регуляции социального поведения

личности является ее направленность на саморегуляцию и самоорганизацию, детерминируемая особенностями взаимодействия её интра- и интерструктур.

Известен и тот факт, что саморегуляция реализуется разными психическими средствами: образами (С. Д. Смирнов, Н. Д. Завалова, В. А. Пономаренко), понятиями, знаниями, чувствами (Е. А. Климов, Е. Л. Яковлева), регуляторным опытом (А. К. Осницкий), установками (Е. В. Шорохова, В. А. Ядов, В. В. Новиков, М. А. Цискаридзе и др.), интроецированными нормами (М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова), мнениями и ценностями значимых Других (Е. Р. Калитеевская, Д. А. Леонтьев и др.), ценностной системой, системой представлений личности о себе, зафиксированной в образе «Я», притязаниями личности. В целом указанный набор психологических феноменов, с одной стороны, отражает представления об организации личностной саморегуляции, с другой – свидетельствует о том, что саморегуляция выступает механизмом, «обеспечивающим согласованность и координацию “инородных и разноуровневых”» систем личности [3, с. 57], в то же время предусматривающим (согласно П. К. Анохину) наличие обратной связи в ходе реализации любого человеческого акта. Действительно, как отмечает И. Г. Дубов, «саморегуляция может при необходимости описываться и как совокупность процессов реализации притязаний (а процесс реализации притязаний – как широко понимаемая саморегуляция). Так же неоспоримо и то, что уровень удовлетворенности индивида так или иначе влияет на уровень его притязаний» [4, с. 19]. Об эффективности взаимодействия процессов саморегуляции, «обеспечивающих согласованность и координацию “инородных и разноуровневых”» систем личности, свидетельствует чувство субъективного благополучия, ключевыми причинами которого являются состоявшиеся самореализация, самоактуализация.

Следует отметить, что теоретическая и исследовательская деятельность в этой области разворачивается вокруг таких понятий, как личностная саморегуляция и саморегуляция деятельности, внутренняя близость которых связана с взаимодополнением друг друга. И в той, и в другой, как уточняет А. К. Болотова, имеют место регуляция действий и регуляция отношений, но в саморегуляции деятельности преобладает регуляция действий, а в саморегуляции личности – регуляция отношений [5]. Отметим, что регуляция жизнедеятельности человека со стороны объективных отношений, связывающих его с миром, принимает форму саморегуляции, осуществляемой личностью – психологической

структурой, в которой в специфической форме представлены и упорядочены эти отношения.

Не менее существенным является и то, что в разных сферах жизнедеятельности личности структурная организация саморегуляции и межфункциональных взаимосвязей отличается вариативностью уровневых характеристик. Подтверждением тому являются данные ряда исследований, выполненных Т. А. Индиной [6], А. К. Осницким [7], В. И. Моросановой [8], З. И. Рябикиной [9] и др.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного корпуса исследований в области психологии саморегуляции, проблема личностной саморегуляции в соотношении с субъективным благополучием в сфере этнического не получила должного внимания и сохраняет свою значимость. Прежде всего, отметим, что этносоциальная и конфессиональная ситуации в обществе актуализируют исследовательский интерес к изучению этнопсихологической проблематики, в том числе и применительно к проблемам личностной саморегуляции, поскольку в «процессе саморегуляции раскрываются внутренние резервы человека, дающие ему относительную свободу от обстоятельств, обеспечивающие даже в самых трудных условиях возможность актуализации» [10, с. 56]. Становление особенностей саморегуляции личности происходит в процессе социализации при одновременном влиянии основных составляющих социально-исторического образа жизни: культурно-исторического опыта и факторов, вызванных социально-экономическими изменениями в общественной жизнедеятельности. Этнокультурная причастность личности во многом обуславливает различия в поведении, переживании психических состояний, отражающихся в индексе субъективного благополучия и способах их регуляции. Подтверждением тому являются данные ряда исследований, выполненных Е. Е. Бочаровой [11], В. В. Гриценко [12], А. О. Прохоровым, И. Г. Ларионовой [13], Р. М. Шамионовым [14] и др.

Эмпирически установлен факт наличия этнодифференцирующих признаков структурной организации саморегуляции [11, 13]. Полученные эмпирические материалы выполненного нами исследования показали, что в отличие от татарской выборки, характеризующейся проявлением устойчивости (возможно, социальной «ригидности») поведенческих паттернов, стратегий их реализации в достижении намеченных целей, объясняемой тесной «привязанностью» к этносоциальным нормам, представители русского этноса демонстрируют большую пластичность, готовность к самоизменению, акту-

ализации стратегий социальной мобильности, невзирая на их приверженность тем или иным этническим нормам и предписаниям.

Согласно данным сопоставительного анализа выраженности параметров субъективного благополучия, выполненного на выборке студенческой молодежи, причисляющих себя к русскому и татарскому этносу ($n = 60$, женского

и мужского пола, 18–20 лет), с применением «Шкалы субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), основанием переживания субъективного благополучия в выборке русских является удовлетворенность своей повседневной деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность показателей субъективного благополучия у представителей русского и татарского этноса

Группы и показатели субъективного благополучия	НЧ	ПС	ИН	ЗСО	СОЗ	УПД	Индекс субъективного благополучия
Русские	9,23	10,6	3,63	5,07	4,66	8,48	42,26
Татары	12,25	14,66	5,86	8,61	7,13	10,39	58,66
Коэффициент Стьюдента	4,45**	3,57**	3,97**	5,38**	4,24**	2,62*	5,58**

Примечание. НЧ – напряжённость и чувствительность; ПС – психосимптоматика; ИН – изменчивость настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СОЗ – самооценка здоровья; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; индекс субъективного благополучия – интегральный показатель субъективного благополучия; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Отметим, что данная категория респондентов (русские) в оценке своего благополучия в большей степени ориентирована на достижение намеченных целей и возможность проявления самостоятельности и независимости.

В отличие от русских, в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируются преимущественно на внешние критерии – признание окружающих. Например, стремление к достижению желаемых результатов сопровождается ожиданием поддержки, одобрения и признания окружающих. Необходимо сказать, что татарская выборка отличается более выра-

женной психоэмоциональной неустойчивостью, лабильностью настроения, что находит выражение в индексе субъективного эмоционального благополучия. Резюмируя сказанное, отметим, что в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируется преимущественно на признание значимых Других, представители русской этногруппы – на возможность проявления самостоятельности и независимости.

Обратимся к анализу структуры корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия личности исследуемых групп (рис. 1, 2).

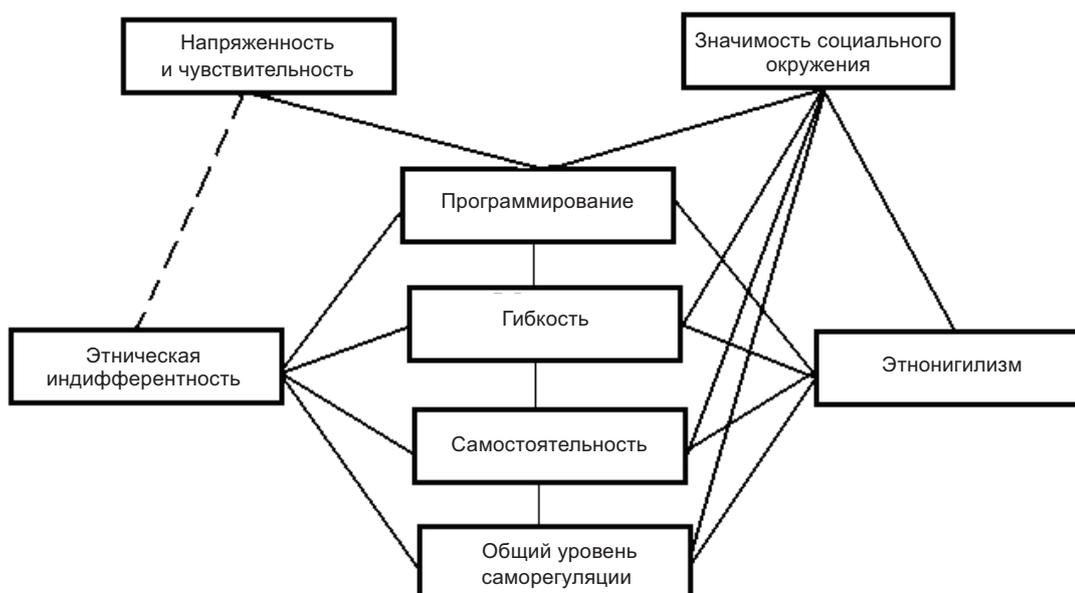

Рис. 1. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия в выборке русской молодежи

В выборке русских, прежде всего, обращает на себя внимание наличие межфункциональных взаимосвязей между такими функциональными звеньями саморегуляции, как «программирование», «гибкость», «самостоятельность» и «общий уровень саморегуляции» ($r_{\text{ср}} = 0,366; p < 0,01$), образуя функциональное ядро, обеспечивающее согласованность паттернов субъектного благополучия («напряженность и чувствительность», «значимость социального окружения») и этноустановок («этническая индифферентность», «этнонигилизм»). В целом субъективное благо-

получие в сфере этнического у представителей русской молодежи преимущественно связано с выстраиванием приоритетов в отношениях с внешними (значимыми) Другими, невзирая на их этническую приверженность, с реализацией конструктивных стратегий социальной мобильности, пластичности.

В выборке представителей татарской молодежи функциональное ядро саморегуляции отражает тесную взаимосвязь функциональных звеньев саморегуляции – «планирование», «моделирование», «оценка результатов» ($r_{\text{ср}} = 0,466; p < 0,01$) (рис. 2).

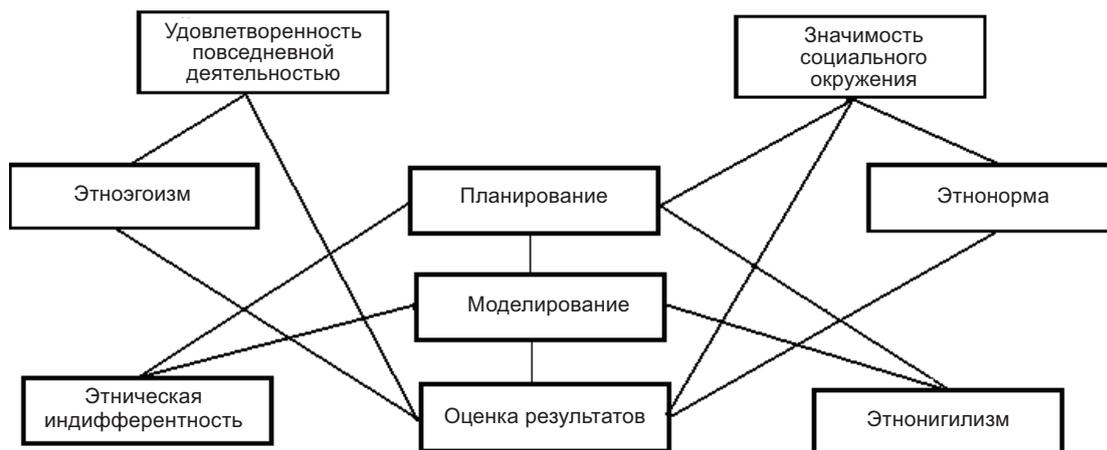

Рис. 2. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами этноустановок, саморегуляции и субъективного благополучия в выборке татарской молодежи

Эти данные можно интерпретировать как свидетельство рациональной согласованности последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов и проявлением способности быстро ориентироваться в меняющейся ситуации. Это функциональное ядро является механизмом согласованности паттернов субъектного благополучия («удовлетворенность повседневной деятельностью», «значимость социального окружения») и этноустановок («этническая индифферентность», «этнонигилизм», «этнонорма», «этноэгоизм»). Примечательно, что планирование и моделирование сопряжены с нивелированием этнической приверженности и, напротив, удовлетворенность результатами достижения приводит к гипертрофированному проявлению этнических установок, сопровождающемуся переживанием собственной значимости, гордости.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что паттерны саморегуляции личности во взаимосвязи с субъективным благополучием во многом обусловлены этнодифференцирующими признаками.

Список литературы

1. Кудинов С. И. Комплексная детерминация самореализации личности // Комплексные исследования личности : методология, теория, практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 сентября 2012 г.). М., 2012. С. 4–8.
2. Крупнов А. И. Активность, направленность и саморегуляция в психологической структуре индивидуальности человека // Психология и психофизиология индивидуальных различий в активности и саморегуляции поведения человека. Свердловск, 1987. С. 3–15.
3. Абульханова К. А. Субъектно-личностные проблемы психологии саморегуляции // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 57.
4. Дубов И. Г. Социально-психологические аспекты активности. М. ; СПб. 2012. 536 с.
5. Болотова А. К. Человек и время в ситуации социальной нестабильности // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 38–44.
6. Индина Т. А. Регуляторные предпосылки рациональности и эффективности принятия решений / Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 291–303.
7. Осницкий А. К. Развитие саморегуляции как условие успешности профессионального самоопределения и

- обучения // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 304–313.
8. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции : феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998. 184 с.
 9. Рябикина З. И. Психология саморегуляции с позиций субъективно-бытийного подхода к личности // Психология саморегуляции в XXI веке. СПб. ; М., 2011. С. 126–141.
 10. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопр. психол. 1994. № 2. С. 55–63.
 11. Бочарова Е. Е. Структурно-содержательные характеристики саморегуляции социального поведения личности представителей разных этногрупп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 84–88.
 12. Гриценко В. В. Исследование субъективного благополучия русских и хакасов в условиях общественно-экономических перемен // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2004. С. 132–147.
 13. Прохоров А. О., Ларионова И. Г. Этнокультуральная идентичность и саморегуляция психических состояний (на примере русских и татар) // Психол. журн. 2007. Т. 28, № 6. С. 59–60.
 14. Шамянов Р. М. Психология социального поведения личности. Саратов, 2009. 186 с.

Ethnopsychological Peculiarity of the Relationships of Subjective Well-being and Personal Self-regulation

E. E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The article presents theoretical and empirical study of relationships of subjective well-being and personal self-regulation of representatives different ethnogroups are presented. Empirical research is executed to in proportion the picked-up selection of student's youth (Saratov), ranking themselves as the Russian and Tatar ethnos ($n = 60$, female and male; 18–20 years old) with use of psychodiagnostic tools: «Types of ethnic identity» (G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova), V. I. Morosanova's questionnaire «Style of self-control of behavior and activity» (SSPM), «The scale of subjective well-being» (M. V. Sokolova), methods of comparative and correlation analyses. It is established that the subjective well-being in an ethnic Russian is due to the alignment of priorities in relations with significant others, regardless of their ethnic commitment to the implementation of the design strategies of social mobility, plasticity. In a sample of Tatars observed rational consistency succession planning with anticipation of the expected results and demonstrated ability to quickly navigate the changing landscape that serves as a mechanism of maintaining the subjective well-being in the field of ethnic.

Key words: personality, ethnogroup, personal self-control, ethnic orientations, subjective well-being.

References

1. Kudinov S. I. Kompleksnaya determinatsiya samorealizatsii lichnosti (Complex determination of personality's self-realization). *Kompleksnyye issledovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya, praktika : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moscow, 27–28 sentyabrya 2012 g.)* (Complex investigations of personality: methodology, theory, practice. Materials of international scientific and practical conference. Moscow, 2012 September 27–28). Moscow, 2012, pp. 4–8.
2. Krupnov A. I. Aktivnost, napravlennost i samoregulyatsiya v psikhologicheskoy strukture individual'nosti cheloveka (Activity, orientation and self-regulation in psychological structure of human individuality). *Psikhologiya i psikhofiziologiya individualnykh razlichiy v aktivnosti i samoregulyatsii povedeniya cheloveka* (Psychology and psycho-physiology of individual differences in activity and self-regulation of human behavior). Sverdlovsk, 1987, pp. 3–15.
3. Abulkhanova K. A. Sub'ektno-lichnostnye problemy psikhologii samoregulyatsii (Subjective-personal problems of self-regulation psychology). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011. P. 57.
4. Dubov I. G. *Sotsialno-psikhologicheskie aspekty aktivnosti* (Social-psychological aspects of activity). Moscow; St.-Petersburg, 2012. 536 p.
5. Bolotova A. K. Chelovek i vremya v situatsii sotsial'noy nestabil'nosti (Human and time at situation of social instability). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. (Social sciences and modernity). 1997, no. 6, pp. 38–44.
6. Indina T. A. Regulyatornye predposylki ratsional'nosti i effektivnosti prinyatiya resheniy (Regulative prerequisites of rationality and effectiveness of decision-making). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011, pp. 291–303.
7. Osnitskiy A. K. Razvitiye samoregulyatsii kak uslovie uspekhov professional'nogo samoopredeleniya i obucheniya (Development of self-regulation as condition of success of professional self-determination and learning). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow. 2011, pp. 304–313.
8. Morosanova V. I. *Individual'nyy stil samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvo'noy aktivnosti cheloveka* (Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in person's voluntary activity). Moscow, 1998. 184 p.
9. Ryabikina Z. I. Psikhologiya samoregulyatsii s pozitsiy sub'ektivno-bytiynogo podkhoda k lichnosti (Self-regulation psychology from position of subjective-being approach to personality). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* (Self-regulation psychology in XXI). St.-Petersburg; Moscow, 2011. pp. 126–141.
10. Znakov V. V. Kategorii pravdy i lzhi v russkoy dukhovnoy traditsii i sovremennoy psikhologii ponimaniya (Categories of truth and false in Russian spiritual tradition and in

modern psychology of understanding). *Voprosy Psikhologii* (Voprosy Psychology), 1994, no. 2, pp. 55–63.

11. Bocharova E. E. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki samoregulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti predstaviteley raznykh etnogrupp (Structural and content-rich characteristics of personality's social behavior by representatives of different ethnic groups). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 84–88.
12. Gritsenko V. V. Issledovanie sub'ektivnogo blagopoluchiya russkikh i khakasov v usloviyakh obshchestvenno-ekonomicheskikh peremen (Investigation of Russians' and Khakass' subjective well-being in conditions of social and
- economical changes). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti* (Problems of personality's social psychology), Saratov, 2004, pp. 132–147.
13. Prokhorov A. O., Larionova I. G. Etnokul'tural'naya identichnost' i samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy (na primere russkikh i tatar). (Ethno-cultural identity and self-regulation of psychic states self-regulation at example of Russians and Tatars). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2007, vol. 28, no. 6, pp. 59–60.
14. Shamionov R. M. *Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya lichnosti* (Psychology of personality's social behavior). Saratov, 2009. 186 p.

УДК 159.1

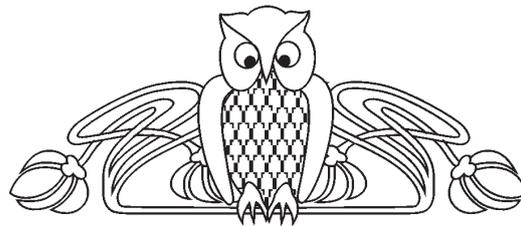
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Краснянская Татьяна Максимовна –

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
E-mail: ktm8@yandex.ru

Тылец Валерий Геннадьевич –

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
E-mail: valerytylets@yandex.ru

Предметом статьи выступили феномены субъектной проекции безопасности; цель работы – демонстрация их темпорального своеобразия. Теоретический анализ и собственные эмпирические данные позволили выделить три класса темпорально своеобразных феноменов психологической безопасности: первый образован переживанием человеком ощущения, восприятия или чувства безопасности; второй – переживанием субъектом состояний безопасности различной градации; третий класс представлен различными формами реагирования субъекта на условия среды в соответствии с целями безопасности. Для феноменов психологической безопасности каждого класса обозначены их ведущие функции в психической жизни человека. Установлена связь каждого класса темпорально чувствительных феноменов психологической безопасности с индивидуальными характеристиками их субъекта. Результаты представленного исследования обозначают перспективы дальнейшей разработки проблемы психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, темпоральная чувствительность, темпоральная нестабильность, потребность в безопасности, состояние безопасности, переживание безопасности, безопасное поведение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-70-75

Вполне объяснимое для ряда последних десятилетий внимание социума к проблемам безопасности обусловило формирование разностороннего интереса к ним со стороны научного сообщества. В настоящее время безопасность утвердилась в

качестве объекта научных изысканий философии, политологии, экономики, юриспруденции, педагогики. Междисциплинарность разработки проблематики позволила не только выстроить методологию, но, что особенно важно, детализировать многие прикладные аспекты практики достижения безопасности. Помещение безопасности в исследовательское пространство психологии обеспечило признание человека не только в качестве ведущей причины её нарушения, но и ключевого фактора обеспечения [1–4]. Стимулировав научные изыскания в области психологической составляющей, оно также содействовало росту объёмов соответствующих практикоориентированных разработок [5–7]. Оформившись в научное направление примерно на рубеже веков, психология безопасности к настоящему времени выстроила собственный понятийный аппарат [8–9] и утвердила самостоятельность своего дисциплинарного статуса в предметном поле психологического знания. Вместе с тем как любая исследовательская область, продолжающая интенсивно развиваться, она сохраняет проблемные «зоны», не получившие ещё достаточной теоретико-практической визуализации и интерпретации. К ним мы относим темпоральные аспекты феномена психологической безопасности.

Особенности психологической безопасности в контексте вопросов времени до сих пор всего лишь эпизодически попадали в фокус научной рефлексии [10–14]. В результате не использованным остаётся значительный объяснительный потенциал, которым, с нашей точки зрения, обладает введение в исследовательское пространство психологии безопасности категории времени как фундаментальной константы бытия.

Данное утверждение базируется на признании безопасности в качестве особой интегративной, имеющей субъективную основу характеристики реальности. Мы исходим из отсутствия абстрактной универсальной безопасности, но наличия множества её реализаций для различных объектов и условий. При том, что безопасность может относиться к одной сфере жизнедеятельности, её идентификация основывается на оценке ряда параметров. Говоря о безопасности человека, источник обычно имеет в виду такую организацию мира, которая соответствует его восприятию в качестве упорядоченного, стабильного, во многом предсказуемого, дающего возможность сохранять себя в субъективно приемлемом качестве (быть защищённым), одновременно не утрачивая способности к продвижению в развитии к большим достижениям, к лучшей жизни. В этом смысле безопасность выступает основой психологического комфорта и субъектного благополучия человека [15]. Её отсутствие ассоциируется с действием на него разнообразных негативных факторов, несущих серьёзные потери, ущерб, раны, гибель. Будучи атрибутом жизненно привлекательной реальности, на уровне человека безопасность имеет специальный психический аппарат своего отражения и воспроизводства, образующий феноменологию, относимую нами к психологической безопасности. В итоге при характеристике безопасности человека анализу может подвергаться следующий комплекс субъектных феноменов: ощущение безопасности, восприятие безопасности, потребность безопасности, чувство безопасности, переживание безопасности, состояние безопасности, аксидентальная способность (способность к безопасности), безопасное поведение и общение.

Все обозначенные феномены, характеризующие особенности психики человека, в той или иной степени подвержены влиянию времени, могут под его влиянием изменять свои параметры (интенсивность, осознанность, глубину, длительность и т.д.). Их подверженность действию времени позволяет говорить о темпоральной чувствительности феноменов психологической безопасности человека. Основываясь на особен-

ностях темпорального обусловливания, подразделим их на три основных класса.

Один из них образуют феномены психологической безопасности, обеспечивающие фрагментарное отражение субъектом средовых условий жизни в единстве внешних и внутренних факторов с целью выявления степени их соответствия сформированной у него потребности в безопасности. Данный класс феноменов включает складывающиеся у субъекта ощущение, восприятие или чувство безопасности (опасности). Для этого класса ведущей является информационная функция. Отражая референтные для безопасности особенности среды, такие феномены формируют у него соответствующее представление о текущем моменте, а также о возможных для него изменениях. Единство когнитивного и аффективного планов отражения гарантирует полноту познания человеком с позиции безопасности актуально создавшейся ситуации или комплекса условий. Фрагментарность текущего «среза» средовых параметров на основе обозначенных феноменов обеспечивает субъекта наиболее достоверными данными о степени безопасности для него изменяющихся условий жизнедеятельности. В ином случае возрастает вероятность устаревания информации, увеличивающего риски нарушения его безопасности.

К темпоральным характеристикам рассматриваемого класса феноменов нами относятся частота и своевременность отражения субъектом значимых с точки зрения безопасности параметров среды. Обозначенные характеристики феноменов психологической безопасности, рассматриваемые нами как определяющие адекватность и полноту информации о ней, остаются ещё мало изученными. Некоторому восполнению данного пробела служит проведённый нами содержательный анализ рефлексии представителями опасных (спасателями, пожарными, сотрудниками полиции) и неопасных (педагогами, психологами, продавцами) профессий частоты отражения ими параметров среды, референтных целям безопасности. Собранные на выборке ($N = 350$) материалы позволили установить высокую вероятность её увеличения при актуализации для субъекта задач безопасности, осуществляемой извне или по итогам самостоятельной оценки им ситуации в качестве нестандартной, рискованной, угрожающей. Своевременность отражения значимых для безопасности параметров обеспечивается сочетанием индивидуальных особенностей человека (внимательности, чувствительности, ответственности, дисциплинированности, осторожности, заинтересованности) и уровня изменчивости текущей ситуации. При

этом для представителей опасных профессий большей значимостью обладают свойства наблюдательности и чувствительности к опасности, а для остальных – ответственности и дисциплинированности. Уровень своевременности отражения релевантных безопасности параметров закономерно возрастает при обладании субъекта опытом попадания в опасные ситуации, но падает при чрезмерной изменчивости параметров актуальной для субъекта ситуации.

Отметим, что позитивное влияние внутренней мотивации на отражение референтных безопасности признаков среды подвергается существенной девальвации при её возрастании до уровня перемотивированности субъекта, приводящей к резкому увеличению частоты получения ощущений, восприятия и чувства опасности. Сопровождающий данный эффект значительный рост напряжённости, тревожности, раздражительности, агрессии субъекта может приводить, с одной стороны, к его психическому выгоранию, с другой стороны, к более или менее существенной дезориентации в оценке своей безопасности. Пролонгированность реализации процессов ощущения, восприятия и чувства опасности может приводить к возникновению нежелательных для субъекта негативных последствий. Возможно и иное: чрезмерная статичность ситуации может сопровождаться резким падением частоты отражения субъектом её параметров, характеризующих уровень безопасности. Ограниченность вновь поступающих информационных ресурсов может привести к возникновению у субъекта, в частности, иллюзии безопасности. Выстроенная субъектом «картинка» соответствующего рода в течение времени способна привести к его демотивации в сфере безопасности. Следствием данного явления может выступить полное игнорирование им любых признаков опасности, что существенно увеличивает вероятность пробелов в восприятии возможных угроз. Высказывая эти соображения, признаем, что данная группа феноменов требует более детального эмпирического рассмотрения.

Наиболее изученным классом феноменов психологической безопасности человека, сензитивных к действию времени, являются психические явления, обнаруживающиеся у него в качестве состояний безопасности/небезопасности (опасности) различной градации. Актуализируясь потребностью в безопасности под влиянием некоторых несовместимых с нею ситуаций или условий (трудных, экстремальных, катастрофических), данные состояния функционируют в форме переживания им своей безопасности или опасности. Ведущим компонентом безопасности человека, понимаемой как состояние,

выступают эмоции. В случае опасности могут переживаться состояния напряжённости, гнева, раздражённости, разочарования, страха и т.д. Наступление безопасности сопровождается переживанием состояний радости, ликования, восторга, спокойствия, расслабленности и т.д. Особенностью данного класса феноменов мы считаем то, что они образуются в условиях (ситуациях) действия на человека негативных экзо- и эндогенных факторов, делающих актуальным для него возможность сохранения целостности (защищённости) на некотором уровне (физическом, психическом, духовном) и возможности дальнейшего развития в направлении значимой для него жизненной цели. В этих условиях для субъекта актуализируется значимость реализации задач самообеспечения безопасности, т.е. достижения такой подконтрольности негативных факторов, которая обеспечивает защищённость и неснижение возможности необходимого для него развития. Ситуации возникновения и исчезновения опасности сопровождаются сменой одних психических состояний на другие. Вместе с тем, вероятно, длительности перехода одной группы состояний в другую не совпадают.

Влияние времени на данный класс феноменов психологической безопасности обнаруживается дифференциацией их темпоральных характеристик субъектом проживания. Изучение научных свидетельств по проблеме в сочетании с данными собственной консультативной практики позволяет зафиксировать свойство темпорального обусловливания состояний безопасности, обозначаемое нами как темпоральная нестабильность. Данное свойство раскрывается в качестве непостоянства уровня интенсивности, осознанности и глубины переживания человеком состояния безопасности/опасности в интервале времени между событиями, требующими от него активных действий в соответствующей сфере.

Практика показывает, что начальному после восстановления (достижения) субъектом своей безопасности периоду свойственны достаточная осознанность, интенсивность и глубина переживания данного состояния. В зависимости от объёма решённой проблемы и личностных особенностей субъекта (психической устойчивости, чувствительности) переживание безопасности сохраняется более или менее длительный период, но в конце концов угасает. Под темпоральным угасанием состояния безопасности имеется в виду постепенное нивелирование остроты и глубины его переживания субъектом, вплоть до полного исчезновения из сферы осознания. В результате в более стабильные периоды жизни переживание состояния безопасности не является

актуальным для его субъекта. Оно не осознаётся им, сохраняя тем не менее свою значимость в качестве некоей нормы, требующей поддержки и воспроизводства. Возникновение угрозы приводит к возрастанию значимости для субъекта переживания состояния безопасности, что стимулирует необходимую в этой сфере активность.

Субъектно представленное состояние опасности также характеризуется темпоральной нестабильностью. Вместе с тем оно отличается от состояния безопасности вариативностью своей динамики. Можно обозначить три основных сценария развития данного состояния во времени: мгновенная максимизация с постепенным угасанием, отсроченная максимизация с постепенным угасанием и постепенная максимизация. Первый намеченный сценарий характеризуется одномоментным достижением субъектом наибольшего, пикового для него переживания состояния опасности, которое в течение времени несколько сглаживается. Такой сценарий развития во времени рассматриваемого переживания возможен при условии, когда субъект способен в кратчайшие сроки (почти мгновенно) адекватно оценить и принять на личностном уровне характер возникшей перед ним угрозы. Второй обозначенный сценарий предусматривает постепенное возрастание уровня переживания субъектом состояния опасности, по достижении пикового состояния которого происходит некоторое снижение его уровня. Данный тип проживания состояния опасности во времени возможен, в первую очередь, при развитой психологической защите субъекта опасной ситуации. В исключительных случаях возможен третий сценарий развития во времени состояния опасности, при котором его оформление у субъекта непосредственно предшествует действиям по уничтожению самой опасности. Такое возможно при мощном отрицании субъектом реальной опасности, разрушение которого приводит к активным действиям по её преодолению. Отметим, что, в отличие от состояния безопасности, ситуация опасности в норме по первому и второму рассмотренным сценариям не предполагает полного исчезновения переживания субъектом соответствующего состояния вплоть до уничтожения самой опасности. Уровень переживания состояния опасности при этом определяется развитием системы эмоционально-волевой саморегуляции субъекта, а также удалённостью от момента полного осознания характера возникшей опасности.

Можно предполагать, что ведущей для переживания во времени состояний безопасности и опасности выступает регуляторная функция. Она основывается на том, что, испытывая под

влиянием данного состояния давление различной интенсивности, субъект обнаруживает склонность к изменению уровня своей безопасности. Наряду с этим феномены безопасности класса состояний способны выполнять также сигнальную и селекционную нагрузку. Сигнальная роль рассмотренных состояний заключается в непрерывном информировании своего субъекта о степени благоприятности среды (ситуации) с точки зрения безопасности, селекционная – в дифференциации параметров среды по признакам опасности/безопасности. В целом, в отличие от первого класса феноменов психологической безопасности, феномены второго класса характеризуются непрерывностью и длительностью, позволяющей отслеживать их временную динамику.

Следующий класс выделяемых нами темпорально чувствительных феноменов психологической безопасности представлен различными формами реагирования субъекта на условия среды в соответствии с целями безопасности. Они значительно различаются длительностью реализации, охватывая как элементарные реакции безопасности, так и такие сложные формы, как безопасное поведение и безопасное общение. Актуализация той или иной формы реагирования зависит, с одной стороны, от условий ситуации, с другой – от задач, которые стоят перед субъектом. Развёрнутые во времени формы построения субъектом своей активности могут предполагать привлечение им более простых форм реагирования на те или иные параметры безопасности. Они характеризуются внутренней динамикой, коррелирующей или не коррелирующей с решением субъективно значимых задач в сфере безопасности. Существенной темпоральной характеристикой данного класса феноменов психологической безопасности мы считаем также их способность к совершенствованию, осуществляемому стихийно во времени или в условиях специально организованного воздействия.

Итак, в статье обобщены результаты изучения авторами проблемы психологической безопасности в темпоральном аспекте. Показано, что как проекция объективной реальности на человека психологическая безопасность образована комплексом феноменов, характеризующихся темпоральной чувствительностью. Данные феномены с учётом различий их функционирования во времени были разбиты на три класса. Представлено описание каждого темпорально обусловленного класса психологической безопасности, раскрыты темпоральные особенности образующих их элементов, выявлены закономерности их обнаружения в психической организации человека, их основные функции. Тем

самым подтверждена сложность психологической безопасности, подверженной детерминирующим влияниям категории времени. Обозначив основные темпоральные аспекты проблемы, статья инициирует последующие научные исследования, предусматривающие возможность их более детального опытно-эмпирического изучения.

Список литературы

1. *Благодырь Е. М.* Формирование представлений о безопасном поведении человека как предмете психологической науки // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 4. С. 1. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 18.11.2014).
2. *Серёда Е. И.* Целостность и защищенность как основные критерии психологической безопасности личности // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 289–298.
3. *Татьянченко Н. П.* Психологические условия обеспечения безопасности личности военнослужащих : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2008. 26 с.
4. *Тырсинова А. Д.* Формирование стратегий психологической безопасности студентов вуза : дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2012. 199 с.
5. *Лызь Н. А., Прима А. К., Лабынцева И. С.* Субъектный подход к обеспечению безопасности студентов технического вуза // Изв. Южного федер. ун-та. Сер. Технические науки. 2012. Т. 129, № 4. С. 134–140.
6. *Пирмагомедова Э. А.* Психологические предпосылки развития у подростков представлений о безопасности жизнедеятельности // Гуманизация образования. 2010. № 8. С. 38–46.
7. *Толмачева Л. В.* Основные положения педагогического проектирования культуры безопасности в техническом вузе // Сб. науч. тр. SWorld. 2007. Т. 13, № 3. С. 12–14.
8. *Ежевская Т. И.* Безопасность личности : система понятий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4. С. 47–49.
9. *Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований // Education Sciences and Psychology. 2013. Т. 23, № 1. С. 59–64. URL: <http://gesj.internet-academy.org/ge/download.php?id=2109.pdf> (дата обращения: 15.07.2014).
10. *Ковдра А. С.* Временная перспектива личной безопасности : определение понятия и основных параметров // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2011. № 2. С. 314–318.
11. *Ковдра А. С.* Особенности формирования временной перспективы безопасности личности студентов вуза // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 141–148.
12. *Краснянская Т. М., Ковдра А. С.* Психологическая безопасность личности : временная перспектива. Пятигорск, 2012. 168 с.
13. *Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Время как интерпретационная категория психологического пространства безопасности личности студента // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2012. № 3. С. 221–225.
14. *Степанова Л. Ю.* Синхронизация индивидуальных и групповых ритмов как условие психологической безопасности личности в коллективе // Россия и Европа : связь культуры и экономики : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Прага, 21 июня 2013 г.) / отв. редактор Н. В. Уварина. Прага, 2013. С. 195–199.
15. *Шамонов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004. 174 с.

Temporal Aspects of Psychological Safety

T. M. Krasnyanskaya, V. G. Tylets

Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki
7, Dolina Roz str., Essentuki, 357635, Stavropol, Russia
E-mail: ktm8@yandex.ru, tyletsvalery@yandex.ru

The subject of the present study were phenomena of subjective projection of security. The aim of the study was to demonstrate their temporal identity. Theoretical analysis and own empirical data allowed the author to identify three classes of temporal phenomena peculiar psychological security. The first class is formed by human experiences sensations, perceptions or feelings of security. The second class of phenomena of psychological safety experience formed the subject of the security status of various gradations. The third class of phenomena of psychological safety is represented by different forms of acting out subject to the conditions of the environment in accordance with the security objectives. Phenomena for psychological security of each class marked their leadership roles in mental life. The connection of each class of phenomena temporally sensitive psychological security to the individual characteristics of the subject. The results of the present study indicate the prospects for further development of the problem of psychological safety.

Key words: psychological safety, temporal sensitivity, temporal instability, need for security, state security, the experience of security, safe behavior.

References

1. Blagodyr E. M. Formirovanie predstavleniy o bezopasnom povedenii cheloveka kak predmete psikhologicheskoy nauki (Formation of representations about the safe human behavior as a subject of psychological science). *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* (Applied psychology and psychoanalysis), 2011, no. 4, p. 1. Available at: <http://ppip.idnk.ru> (accessed 18 November 2014).
2. Sereda E. I. Tselostnost i zashchishchennost kak osnovnye kriterii psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti (Integrity and security as the main criteria for psychological security of the person). *Vestn Pskov. gos. un-ta. Ser. Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* (Bulletin of the Pskov State University. Ser. Social and humanitarian and psycho-pedagogical sciences), 2014, no. 5, pp. 289–298.
3. Tatyanchenko N. P. *Psikhologicheskie usloviya obespecheniya bezopasnosti lichnosti voennosluzhashchikh:*

- avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Psychological conditions of personal security of soldiers: summary of the thesis ... of Ph/D psychological sciences). Sochi, 2008. 26 p.
4. Tyrsikova A. D. *Formirovaniye strategiy psikhologicheskoy bezopasnosti studentov vuza*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Formation of psychological security strategies of university students: Thesis ... of Ph/D psychological sciences). Pyatigorsk, 2012. 199 p.
 5. Lyz' N. A., Prima A. K., Labyntseva I. S. Subektnyy podkhod k obespecheniyu bezopasnosti studentov tekhnicheskogo vuza (Subjective approach to providing security of technical high school students). *Izv. Yuzhnogo feder. un-ta. Ser. Tekhnicheskie nauki* (Proceedings South Federal University. Ser. Technical sciences), 2012, vol. 129, no. 4, pp. 134–140.
 6. Pirmagomedova E. A. Psikhologicheskie predposylki razvitiya u podrostkov predstavleniy o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti (Psychological preconditions for the development of adolescents' representations about life safety). *Gumanizatsiya obrazovaniya* (Humanization of Education), 2010, no. 8, pp. 38–46.
 7. Tolmacheva L. V. Osnovnye polozheniya pedagogicheskogo proektirovaniya kultury bezopasnosti v tekhnicheskoy vuze (The main provisions of the pedagogical design of a safety culture in a technical high school). *Sbornik nauchnykh trudov SWorld* (Collection of scientific works SWorld), 2007, vol. 13, no. 3, pp. 12–14.
 8. Ezhevskaya T. I. Bezopasnost' lichnosti: sistema ponyatiy (Security of personality: system of concepts). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* (Psycho-pedagogy in law enforcement), 2008, no. 4, pp. 47–49.
 9. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Ponyatiynye orientiry razvitiya psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti v predmetnom pole sovremennykh issledovaniy (Conceptual guidelines for the development of psychological safety of the person in the subject field of current researches). *Education Sciences and Psychology*, 2013, vol. 23, no. 1, pp. 59–64. Available at: <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=2109.pdf> (accessed 15 July 2014).
 10. Kovdra A. S. Vremennaya perspektiva lichnoy bezopasnosti: opredelenie ponyatiya i osnovnykh parametrov (The time perspective of personal safety: definition and basic parameters). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* (Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University), 2011, no. 2, pp. 314–318.
 11. Kovdra A. S. Osobennosti formirovaniya vremennoy perspektivy bezopasnosti lichnosti studentov vuza (Features of formation of the temporal perspective of security of the person of high school students). *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* (Scientific problems of Humanitarian Studies), 2012, no. 2, pp. 141–148.
 12. Krasnyanskaya T. M., Kovdra A. S. *Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: vremennaya perspektiva* (Psychological security of the person: time perspective). Pyatigorsk, 2012. 168 p.
 13. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Vremya kak interpretatsionnaya kategoriya psikhologicheskogo prostranstva bezopasnosti lichnosti studenta (Time as an interpretive category of security psychological space of the individuality of the student). *Vestn. Pyatigorsk. gos. lingv. un-ta* (Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University), 2012, no. 3, pp. 221–225.
 14. Stepanova L. Yu. Sinkhronizatsiya individualnykh i gruppovykh ritmov kak uslovie psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti v kollektive (Synchronization of individual and group rhythms as a condition of psychological safety of the person in the team). *Rossiya i Evropa: svyaz kultury i ekonomiki: materialy VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Praga, 21 iyunya 2013 g.). Otv. redaktor N. V. Uvarina. (Russia and Europe: the relationship of culture and economy. Ed. by N. V. Uvarina). Praga, 2013, pp. 195–199.
 15. Shamionov R. M. *Psikhologiya subektivnogo blagopoluchiya lichnosti* (Psychology of subjective well-being of the person). Saratov, 2004. 174 p.

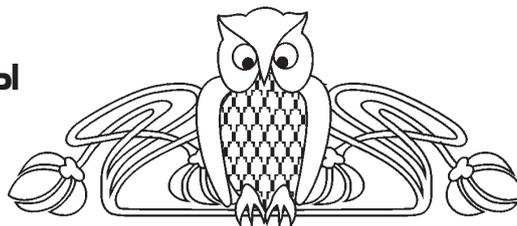
УДК 159.9

КОМПЛАЕНС КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ложкина Лада Ивановна –

кандидат психологических наук, доцент, кафедра психиатрии и клинической психологии, Северный государственный медицинский университет, Архангельск
E-mail: LadaL1@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы комплаенса пациентов к лечебно-реабилитационному процессу. Осуществлен теоретический междисциплинарный анализ проблемы. Представлен обзор тенденций исследования комплаенса, методов его оценки и факторов, влияющих на комплаентное поведение. Особое внимание уделяется актуальности изучения комплаенса в психологии.

Указывается на то, что пациента необходимо рассматривать, как носителя субъективной реальности, состоящей из взаимосвязанных психических явлений разного уровня осознания и проявляющихся в психологических фактах, в контексте болезни одним из таких фактов выступает комплаенс. Придерживаясь позиции, что проблема комплаенса носит междисциплинарный

характер, отмечается и обосновывается необходимость рассмотрения психологических аспектов комплаенса. Предложены внешние (медико-социальные) и внутренние (психологические) условия формирования комплаенса. Сделан вывод о неразработанности заявленной проблемы в психологии, отсутствии психодиагностических критериев, позволяющих оценить психологические условия и закономерности, определяющие комплаентное поведение пациента.

Ключевые слова: комплаенс, психические явления, психологические факты, отражение болезни, тип отношения к болезни.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-75-80

В последнее время в медицине наметилась тенденция ухода от патерналистской модели взаимодействия с пациентом, когда больной выступает как пассивный участник лечебно-диагностического процесса, полностью подчиняющийся авторитету врача, к партнерским взаимоотношениям, т.е. пациент выступает в качестве субъекта лечения, играя в нем активную роль [1]. Принятие субъектности пациента позволяет рассматривать его не только с медицинской точки зрения, но и с точки зрения психологической. В данном контексте известный принцип, сформулированный Гиппократом, что «лечить нужно не болезнь, а больного», раскрывается с иной стороны, нежели о нем говорят в рамках персонализированной медицины. С психологической точки зрения пациент, в первую очередь, выступает как личность, т.е. является носителем субъективной реальности, состоящей из огромного спектра взаимосвязанных психических явлений, находящихся на разных уровнях осознания и проявляющихся в разнообразных психологических фактах. В рамках изучения психологической стороны лечебно-диагностического процесса важным аспектом становится готовность пациента к сотрудничеству с врачом и выполнению его рекомендаций.

Несмотря на то, что проблема неукоснительного выполнения назначений лечащего врача столь же стара, как и сама медицина, единого термина, обозначающего качественное исполнение пациентом врачебных назначений, нет [1, 2]. Наиболее распространенным понятием, употребляемым для обозначения правильности выполнения рекомендаций врача, является «комплаенс». Оно было введено в 1976–1979 гг. D. Sackett и R. Haynes [2]. ВОЗ определяет комплаенс как «степень соответствия поведения пациента в отношении применения лекарства, выполнение рекомендаций по питанию или изменению образа жизни назначениям и указаниям врача» [1].

Наравне с этим понятием в научных публикациях можно встретить и иные термины, зачастую употребляемые как тождественные – это соблю-

дение (compliance), приверженность (adherence) и соответствие или согласие (concordance). Однако между этими терминами есть некоторые различия: термин «комплаенс» имеет оттенок пассивности поведения пациента в лечебно-диагностическом процессе, тогда как понятие «приверженность» подразумевает свободу выбора между соблюдением или несоблюдением рекомендаций и делает акцент на некоем соглашении между врачом и больным. Понятие «согласие» новое и в большей степени используется в Великобритании, обозначая партнерство в принятии терапевтического решения [3]. В отечественных и зарубежных статьях чаще встречается термин «комплаенс», а согласие и приверженность применяются как тождественные ему. Отсутствие комплаенса принято называть *нонкомплаенсом*.

Проявления *нонкомплаенса* отличаются высокой вариабельностью. По мнению Д. С. Данилова, к *нонкомплаентному* поведению можно отнести полный отказ от лечения, нерегулярный прием препаратов или самовольное изменение рекомендуемой дозировки. Ряд пациентов самовольно заменяют назначенные лекарственные препараты на иные, исходя из собственных представлений о вреде или пользе таковых для здоровья, частным случаем *нонкомплаенса* является самолечение [2].

Проблема комплаенса стоит очень остро: по данным отечественных и зарубежных источников, комплаентное поведение при различных заболеваниях составляет от 20 до 57% [4–6]. Эти показатели незначительно колеблются при различных заболеваниях, но не выходят за указанные пределы: по данным Н. А. Варфоломеевой, приверженность терапии при сахарном диабете максимально составляет 53,3%, наибольшей комплаентностью отличаются мужчины – 57,1% [7]. М. А. Мищенко и С. В. Кононова указывают, что 70% пациентов с низкой комплаентностью прекращают прием лекарств при сердечно-сосудистых заболеваниях [5]. Еще ниже уровень комплаенса среди наркологических пациентов – 20–25% [4]. Некоторым исключением являются ВИЧ-инфицированные и больные артритом: в этих группах уровень комплаенса достигает 88 и 81% соответственно [1].

Низкий уровень комплаенса при различных заболеваниях отмечается как причина высокого уровня осложнений, ухудшения качества жизни и смертности в докладе ВОЗ (2003), там же указано на необходимость системного подхода к обозначенной проблеме [8].

На сегодняшний день изучение комплаенса в отечественной науке в большей степени представлено в рамках медицины. Показатели комплаенса

характеризуются совокупностью двух признаков: качеством выполнения рекомендаций по приему назначенного препарата и непрерывностью курса лечения [1]. Но необходимо отметить, что в ряде исследований учитываются и психологические аспекты: это доказывает необходимость учета внутренних детерминант для полноценного понимания приверженности лечению. Однако психологический компонент в работах представлен отрывочно и не может полностью раскрыть внутренние условия формирования комплаенса как психологического феномена.

Прежде чем переходить к рассмотрению психологических факторов комплаентного поведения, необходимо указать, что измерение комплаенса представляет проблему и в самой медицине. Н. В. Богатырев [9] указывает на четыре способа определения комплаенса.

Первый заключается в оценке комплаенса на основе беседы врача с пациентом. Данный способ не может считаться точным, так как ответы больного могут быть недостоверны. В психиатрической практике применяется шкала медикаментозного комплаенса [10], которая заполняется врачом на основе клинической беседы с пациентом и включает такие показатели, как отношение к медикации, факторы, связанные с пациентом, факторы, связанные с близким окружением, факторы, связанные с лечащим врачом.

Второй способ заключается в самоотчете пациента о принятии лекарств и выполнении рекомендаций, несомненно, что данные такого самоотчета требуют дополнительного подтверждения. Недостоверность результатов может быть вызвана различными причинами: от умышленной лжи до забывчивости. Широкое распространение получил тест Мориски – Грина [11], позволяющий оценить уровень комплаентности. Данная методика включает в себя несколько вопросов: 1) Забывали ли Вы когда-нибудь принимать препараты? 2) Не относитесь ли Вы иногда невнимательно к часам приема лекарств? 3) Не допускаете ли Вы прием препаратов, если чувствуете себя хорошо? 4) Если Вы чувствуете себя плохо после приема лекарств, не пропускаете ли вы следующий прием?

Оценка комплаенса производится по следующим показателям: если пациент отрицательно ответил на все четыре вопроса (4 балла), то это говорит о высокой приверженности лечению, если три раза, то он попадает в группу риска по развитию некомплаенса и считается недостаточным приверженным, ответ «нет» два и более раз свидетельствует о низком комплаенсе.

Преимущество этого теста является одновременно и его недостатком, так как он содержит в себе только четыре вопроса и лишен шкалы досто-

верности, но, на наш взгляд, вполне приемлем для использования в психологии как один из методов.

Третий и четвертый способы основываются на объективных показателях – учет лекарственных средств и проведенных манипуляций, а также биохимический анализ.

В настоящее время дискуссионным остается вопрос описания комплаенса. Первый подход – качественный, он заключается в описании комплаенса в виде бинарной характеристики «комплаенс – некомплаенс». Приверженцы второго подхода рассматривают необходимость количественного описания комплаенса от 0 до 100% [2].

При определении уровня комплаенса также есть расхождения во мнениях: так, С. В. Смирнов с соавторами предлагают ориентироваться на следующие показатели: высокий уровень – выполняется более 80% рекомендаций, средний уровень – 20–80%, низкий – менее 20% [12]. Д. С. Данилов приводит несколько иные ориентиры: полная приверженность – 80–90% выполнения лекарственных назначений, недостаточная приверженность – 60–70%, а отсутствием приверженности считается принятия менее 60% препарата от рекомендованной дозы [2].

Таким образом, мы видим, что вопрос метода оценки, способа описания и определения уровня комплаенса остается открытым.

Рассмотрение способов оценки комплаенса в медицинской практике обусловлено, в первую очередь, тем, что проблема приверженности носит междисциплинарный характер и в практической деятельности эффективным будет тесное сотрудничество врача и психолога, следовательно, при построении психологического исследования можно и нужно опираться на объективные данные, полученные медицинскими работниками.

Обращаясь к психологической стороне комплаенса, необходимо учитывать, что болезнь меняет уклад жизни человека, его социальные и межличностные отношения, т.е. становится особой ситуацией развития личности и, выступая в качестве стрессора, вызывает напряжение адаптационных механизмов, требуя выработки новых моделей совладающего поведения [13]. Результатом отражения болезни в психике человека становится внутренняя картина болезни (тип отношения к болезни). В структуре внутренней картины болезни выделяют [14] чувствительную и интеллектуальную части. Первая включает в себя все многообразие ощущений, связанных с патологическим процессом. Вторая является продуктом размышления о своей болезни. Если учесть, что личность – это система отношений человека к объективному миру, то отношение к болезни –

одна из подструктур личности [15]. Особенности когнитивной переработки и эмоциональные переживания определяются индивидуально-типологическими особенностями личности. Размышляя о своем заболевании, опираясь на имеющуюся информацию, человек оценивает собственную жизненную перспективу и качество жизни в условиях болезни. Особая позиция по отношению к своему заболеванию детерминирует определенный тип поведения. В ряде работ отмечена связь комплаенса с типом отношения к болезни, личностными особенностями [2].

Остановимся подробнее на рассмотрении вопроса о субъектности личности в лечебно-диагностическом процессе. В психологии принято рассматривать феномен субъекта в контексте двух основных характеристик: во-первых, субъект – это устойчиво-динамическая целостная система психических явлений, организованная особым образом. Одни и те же знания, чувства, потребности у каждого человека находятся в уникальных, свойственных только ему взаимоотношениях. Во-вторых, понимание субъекта всегда связано с понятием активности. Качество и направленность активности также сугубо индивидуальны. Часть ее может быть направлена вовне с целью преобразования окружающей действительности, а часть направляется на себя, позволяя осмысливать и организовывать себя как некую систему, в большей или меньшей степени эффективную. Адекватность субъективного отражения и эффективность поведения зависят от того, насколько качественно разрешаются противоречия между внутренними условиями и внешними обстоятельствами. Болезнь, несомненно, является внешним событием: она объективна по своей природе.

О наличии у себя заболевания человек может узнать двумя путями: первый – это наличие болезненных симптомов, т.е. проявление нездоровья. Осознание нетипичности телесных ощущений способствует формированию сенситивной части болезни и, соответственно, направляет вектор активности на достижение телесного гомеостаза, а вот способы достижения физического благополучия можно разделить на иррациональные и рациональные. К нерациональным способам, на наш взгляд, следует отнести самолечение. Рациональное решение возникшей проблемы будет заключаться в обращении за квалифицированной помощью. Мотивы выбора той или иной стратегии весьма разнообразны, и в данной статье мы не будем останавливаться на них подробно.

Второй путь получения информации о наличии заболевания связан с извещением о болезни по результатам обследования, например, в рамках

профилактического осмотра. Такое известие является острой травмирующей ситуацией и требует длительного времени для изменения системы представлений о себе.

Опираясь на вышесказанное, можно построить теоретическую модель осознания болезни, состоящую из нескольких подсистем. Выступая как объект, болезнь может быть рассмотрена человеком с позиции взаимодействия «Я и болезнь». Активность субъекта будет направлена на поиск информации о заболевании, методах лечения, возможных осложнениях, исходе. Источниками информации могут выступать медицинские работники, медицинские, популярные или маргинальные литературные источники, другие больные, ближайшее окружение. Оценка информации как объективной зависит от убеждений и ориентации человека, его прежнего опыта. Так, предубеждение против традиционной медицины может спровоцировать на «уход» в альтернативные способы лечения. Функционально эта подсистема отвечает за формирование образа болезни.

Подсистема «болезнь во мне» связана с принятием или непринятием болезни как части себя. В зависимости от принятого решения активность субъекта будет направлена на поиск аргументов, подтверждающих его вывод и, вполне вероятно, будут игнорироваться контраргументы.

Как любое событие внешней среды болезнь вынуждает оценивать жизненную перспективу, перестраивать систему отношений, т.е. меняет привычный жизненный уклад. На наш взгляд, формирование и оценка дальнейшего жизненного пути связаны с подсистемой «Я в болезни».

Внесение изменений в одну из подсистем ведет за собой изменение остальных: так, появление, усиление или исчезновение болезненной симптоматики может влиять на принятие или непринятие заболевания. Изменения, вносимые во внутреннюю картину болезни, могут быть как управляемые – целенаправленное просвещение об особенностях заболевания и всего, что с ним связано, так и неуправляемые. В качестве стихийных факторов может выступить случайно услышанная информация. Интеллектуальная часть внутренней картины болезни отражается на эмоциональном уровне в виде стенических или астенических чувств по отношению к лечению. Негативная оценка медицинской помощи, болезненные манипуляции или побочные эффекты способны спровоцировать отказ от лечения. Представленная система может рассматриваться как внутреннее условие комплаентного или некомплаентного поведения.

Предложенные идеи носят сугубо теоретический характер, но, на наш взгляд, способны

служить некоей отправной точкой для понимания психологических аспектов комплаенса. Таким образом, мы пришли к выводу, что психологическая сторона комплаенса остается малоизученной, но крайне актуальной проблемой для психологии.

Комплаенс необходимо рассматривать как сложный динамический клинико-психологический феномен, включающий в себя сенсорно-эмоциональный, логический и поведенческий компоненты [16]. В качестве внешних факторов, влияющих на формирование комплаенса, выступают медико-социальные условия: стоимость лекарственных препаратов, удобство их применения, наличие или отсутствие побочных эффектов лечения, болевой синдром, длительность и особенность заболевания, возраст пациента, организация лечебно-диагностического процесса, доступность лечения [2, 4, 6, 7]. К внутренним условиям относятся: индивидуально-типологические особенности личности, внутренняя картина болезни, когнитивно-аффективные особенности.

На сегодняшний день отсутствует целостная теоретико-методологическая модель понимания комплаенса как психологического феномена личности в ситуации болезни, остаются неразработанными психодиагностические критерии, позволяющие оценить психологические условия и закономерности, определяющие комплаентное поведение пациента.

Список литературы

1. Вольская Е. А. Пациентский комплаенс. Обзор тенденций в исследованиях // Ремедиум. 2013. № 11. С. 6–15.
2. Данилов Д. С. Терапевтическое сотрудничество (комплаенс) : содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014. № 2. С. 4–12.
3. Concordance, adherence and compliance in medicine taking : Report for the National Co-ordinating Centre for NHS Service Delivery and Organisation R & D (NCCSDO). December 2005. 309 p.
4. Белоколов В. В. Приверженность к лечению у наркозависимых // Вестн. Чувашского ун-та. 2014. № 2. С. 195–199.
5. Мищенко М. А., Кононова С. В. Анализ факторов, влияющих на приверженность к гипохолестеремической терапии // Медицинский альманах. 2014. №1 (31). С. 95–98.
6. Олейников В. Э., Елисеева И. В., Томашевская Ю. А., Борисова Н. А., Фадеева С. С. Эффективность антигипертензивной терапии у пожилых пациентов и анализ приверженности лечению // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2014. № 4 (10). С. 391–396.
7. Варфоломеева Н. А., Бушкова Э. А., Сыдыкова Л. А., Кузьмина А. А., Малогулова И. Ш., Абрамова Я. И. Приверженность фармакотерапии при сахарном диабете 2-го типа в Республике Саха (Якутия) // Вестн. Северо-восточного фед. ун-та им. М. К Аммосова. 2013. № 3 (10). С. 122–126.
8. Adherence to long-term therapies. Evidence for action // World Health Organization. Geneva, 2003. 110 с.
9. Богатырев Н. В. Понятие комплаенса и проблема измерения комплаенса // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 116. С. 260–265.
10. Лутова Н. Б., Борцов А. В., Вид В. Д., Вук А. Я. Метод прогнозирования медикаментозного комплаенса в психиатрии : метод. рекомендации. СПб., 2006. 26 с.
11. Мартынов А. А., Спиридонова Е. В., Бутарева М. М. Повышение приверженности пациентов стационаров и амбулаторно-поликлинических подразделений к лечебно-реабилитационным программам и факторы, оказывающие влияние на комплаентность // Вестн. дерматологии и венерологии. 2012. № 1. С. 21–27.
12. Смирнов С. В., Морозов С. Л., Шуленин К. С., Ярославцев М. Ю. Социальный тип личности пациента и эффективность гипертензивной терапии // Фундаментальные исследования. 2012. № 2. С. 131–134.
13. Васильева И. А. Стратегии совладающего поведения больных на хроническом гемодиализе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 281–288.
14. Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. М., 1977. 111 с.
15. Мясницев В. Н. Психология отношений. М., 2011. 400 с.
16. Шестопалова Л. Ф., Лесная Н. Н. Особенности комплаенса больных с алкогольной зависимостью и система его психокоррекции // Междунар. мед. журн. 2011. № 3. С. 6–12.

Compliance as an Actual Problem of Medical Psychology: Theoretical-Methodological Aspects

L. I. Lozhkina

Northern State Medical University
51, Troitsky ave., Arkhangelsk, 163000, Russia
E-mail: LadaL1@yandex.ru

The article considers the problem of compliance of patients to treatment and rehabilitation process. Carried out a theoretical analysis of interdisciplinary problems. Provides an overview of trends in the study of compliance, methods of evaluation and the factors influencing compliance behavior. Particular attention is given to the relevance of the study in the psychology of compliance. The author notes that the patient should be seen as a carrier of subjective reality, consisting of interrelated psychic phenomena an different levels of awareness. Compliance is a manifestation of psychological facts in behavior. In keeping with the position that the issue of compliance is interdisciplinary, notes and justifies the need to address the psychological aspects of compliance. Allocated external (medical and social) and internal (psychological) conditions for the formation of compliance. It is concluded that the

problem compliance in psychology is not sufficiently developed. No psychodiagnostic assessment criteria of psychological conditions and patterns of compliance.

Key words: compliance, psychic phenomena, psychological facts, reflection disease, type attitude to the disease.

References

1. Volskaya E. A. Patsientskiy kompliens. Obzor tendentsiy v issledovaniyakh (Patient compliance. An overview of trends in research). *Remedium* (Remedium). 2013, no. 11, pp. 6–15.
2. Danilov D. S. Terapevticheskoe sotrudnichestvo (kompliens): sodержanie ponyatiya, mekhanizmy formirovaniya i metody optimizatsii (Therapeutic cooperation {compliance}: Content of the definition, mechanisms of formation, and methods of optimization). *Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika* (Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics), 2014, no. 2, pp. 4–12.
3. *Concordance, adherence and compliance in medicine taking: Report for the National Co-ordinating Centre for NHS Service Delivery and Organisation R & D* (NCCSDO), December 2005. 309 p.
4. Belokolodov V. V. Priverzhennost k lecheniyu u narkozavisimykh (Adherence to treatment in drug addicts). *Vestn. Chuvashskogo un-ta* (Vestnik Chuvashskogo University), 2014, no. 2, pp. 195–199.
5. Mishchenko M. A., Kononova S. V. Analiz faktorov, vliyayushchiy na priverzhennost' k gipolidemicheskoy terapii (Analysis of factors influencing adherence to therapy gipolidemicheskoy). *Meditsinskiy al'manakh* (Medical Almanac), 2014, no. 1 (31), pp. 95–98.
6. Oleynikov V. E., Eliseeva I. V., Tomashevskaya Yu. A., Borisova N. A., Fadeeva S. S. Effektivnost antigipertenzivnoy terapii u pozhilykh patsientov i analiz priverzhennosti lecheniyu (The effect of antihypertensive therapy in elderly patients and treatment of compliance analysis). *Ratsional'naya farmakoterapiya v kardiologii* (Rational Pharmacotherapy in Cardiology). 2014, no. 4 (10), pp. 391–396.
7. Varfolameeva N. A., Bushkova E. A., Sydykova L. A., Kuz'mina A. A., Malogulova I. Sh., Abramova Ya. I. Priverzhennost' farmakoterapii pri sakharnom diabete 2 tipa v Respublike Sakha (Yakutiya) (Adherence Pharmacotherapy under diabetes mellitus type II in the Republic of Sakha {Yakutia}). *Vestn. Severo-vostochnogo fed. un-ta im. M. K. Ammosova* (Vestnik of the north-eastern federal university named after M. K. Ammosov). 2013, no. 3 (10), pp. 122–126.
8. *Adherence to long-term therapies. Evidence for action*. World Health Organization. Geneva, 2003. 110 p.
9. Bogatyrev N. V. Ponyatie kompliens i problema izmereniya kompliens (Concept of compliance and compliance measurement). *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences), 2009, no. 116, pp. 260–265.
10. Lutova N. B., Bortsov A. V., Vid V. D., Vuks A. Ya. *Metod prognozirovaniya medikamentoznogo kompliens v psikhiiatrii: metod. rekomendatsii* (Method of medical compliance in psychiatry: guidelines). (Advanced medical technology). St.-Petersburg, 2006. 23 p.
11. Martynov A. A., Spiridonova E. V., Butareva M. M. Povyshenie priverzhennosti patsientov stacionarov i ambulatorno-poliklinicheskikh podrazdeleniy k lechebno-reabilitatsionnym programmam i faktory, okazyvayushchie vliyanie na kompliensnost (Increasing compliance to treatment and rehabilitation programs in patients in hospitals, outpatient and polyclinic departments, and factors having an effect on compliance). *Vestn. dermatologii i venerologii* (Vestnik Dermatologii i Venerologii), 2012, no. 1, pp. 21–27.
12. Smirnov S. V., Morozov S. L., Shulenin K. S., Yaroslavtsev M. Yu. Sotsial'nyy tip lichnosti patsienta i effektivnost' gipertenzivnoy terapii (Social type of the patients personality and effectiveness of hypertensive therapy). *Fundamental'nye issledovaniya* (Fundamental research), 2012, no. 2, pp. 131–134.
13. Vasileva I. A. Strategii sovladayushchego povedeniya bol'nykh na khronicheskom gemodialize (Strategii coping behavior of patients on chronic hemodialysis). *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences), 2008, no. 66, pp. 281–288.
14. Luriya R. A. *Vnutrennyaya kartina bolezni i iatrogennye zabolevaniya* (Internal picture of disease and pathogenic diseases). Moscow, 1977. 111 p.
15. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* (Psychology of relationships). Moscow, 2011. 400 p.
16. Shestopalova L. F., Lesnaya N. N. Osobennosti kompliens bol'nykh s alkogolnoy zavisimostyu i sistema ego psikhokorreksii (Compliance peculiarities in compliance patients with alcohol addiction and a psychocorrection). *Mezhdunar. meditsinskiy zhurnal* (The International Medical Journal), 2011, no. 3, pp. 6–12.

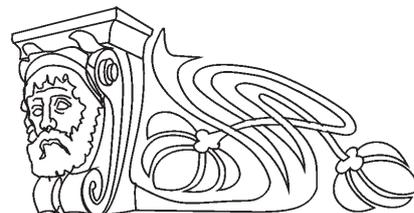

УДК 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ЕЕ АДАПТИРОВАННОСТИ У РАЗНЫХ ЭТНОСОВ ПОВОЛЖЬЯ

Малышев Иван Викторович –

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский государственный университет
E-mail: iv.999@list.ru

Представлен анализ характеристик социализации и ценностной сферы личности представителей трех разных этносов (русские, татары и лезгины), проживающих на территории Поволжья (Саратовская область). Рассмотрены современные подходы к пониманию социализации личности и ее социально-психологических проявлений, адаптационных возможностей. В оценке результатов явлений у большинства испытуемых обнаружены положительные тенденции, необходимые для успешной социализации в обществе, сюда относятся ценностные ориентации, отражающие счастливую семейную жизнь, уверенность в себе и т.д. При этом выявлена недостаточная значимость таких ценностей, как «активная, деятельная жизнь», что сказывается негативно на личности испытуемых. У большинства представителей разных этносов Поволжья обнаружен хороший уровень социализации личности и другие ее важные характеристики, позволяющие эффективно адаптироваться в современном обществе. В результатах корреляционного анализа прослеживается взаимосвязь между изучаемыми явлениями: в выявленных взаимосвязях заметны устойчивые тенденции, которые характеризуют личность, общие и специфические черты представителей каждой из изучаемых национальностей.

Ключевые слова: характеристика социализации, уровень социальной приспособленности, ценностные ориентации, взаимосвязь социализации и ценностных ориентаций, адаптация личности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-81-85

Внимание ученых все более обращено к социальным явлениям, происходящим в современном обществе, которые оказывают влияние на жизнь человека и будущих поколений. Изменения, которые произошли в мире и российском обществе за последние 15–20 лет, повлияли на все стороны жизни, что не могло не отразиться и на основных психических составляющих личности. Наибольшую значимость в этом контексте приобретает изучение социализации личности, которая является одной из актуальнейших проблем на сегодняшний день. Важная составляющая социализации – адаптационный компонент личности, что указывает на взаимосвязь социально-психологической адаптации и социальной приспособленности и, в свою очередь, говорит о необходимости изучения адаптационной готовности личности в современных реалиях.

Наиболее актуальна сегодня проблематика социально-психологической адаптации личности в аспекте преодоления ею стрессовых, трудных ситуаций в разных условиях социализации, включающих как процесс обучения в вузе, так и профессиональную социализацию в экстремальных условиях деятельности.

На разных этапах профессиональной социализации личности весьма существенную роль в предпочтении стратегий копинг-поведения у учителей школ играет уровень адаптированности личности. В качестве субъектов образовательной среды школы они должны быть социально и профессионально адаптированы к ее условиям, что особенно важно для взаимодействия на необходимом уровне с другими участниками сложного процесса социализации (учащимися и своими коллегами). Результаты одного из наших исследований свидетельствуют о зависимости между социальной, психологической адаптацией и основными копинг-поведенческими стратегиями личности у учителей общеобразовательных школ, которые находятся на разных этапах профессиональной социализации [1].

По мнению Б. Д. Парыгина, социализация – это не только процесс автоматического принятия индивидом функций, ролей и требований, социальной среды, но и степень принятия (непринятия) им традиций и стандартов, которые зависят от самосознания личности, уровня развития общества [2].

Исходя из современных реалий, исследование характеристик процесса социализации личности в разных его аспектах не должно ограничиваться только рамками известных в психологии подходов: необходимо изучать проблему многогранно и комплексно. Использование системно-диахронического подхода к изучению данного явления представляется наиболее актуальным.

М. В. Григорьева в своем исследовании социализации выявляет эмоциональные, содержательные и оценочные характеристики представлений, составляющих образ России у молодых

людей, определяет соотношение характеристик данных представлений [3]. Она установила взаимосвязь между условиями социализации и характеристиками образа России у молодых людей и выявила особенности социализации (гуманитарное и естественно-научное образование, формирующие сложный и адекватный требованиям культуры образ).

В анализе проблемы социализации личности важное место занимает и оценка ее психологических составляющих, а именно социально-психологических свойств личности. В процессе социализации индивидом усваиваются не только социальный опыт, но и определенная система норм и ценностей, позволяющих ему оптимально функционировать в системе социальных отношений. Так, в нашем исследовании рассматриваются ценностные ориентации, определяющие развитие личности студентов. Показано, что определенная иерархия ценностей положительно влияет на стабильность личности молодых людей с разными профессиональными интересами, а в дальнейшем (по окончании вуза) на их профессиональную и социальную адаптацию [4].

Е. Е. Бочарова, рассматривая ценностные предпочтения студенчества, отмечает, что современная молодежь обладает свойствами личности, обеспечивающими успешность саморегуляции активности, умение действовать самостоятельно; что ценностные предпочтения молодежи во многом связаны с самореализацией в профессиональной сфере и с последующим достижением материального благополучия. В то же время в представлениях учителей наиболее значимым для молодежи является сфера межличностных отношений [5].

Н. В. Усова, опираясь на системно-диахронический подход, определяет процесс социализации личности с точки зрения усвоения ею норм религии. Лица, находящиеся на низком уровне социализации в противоположность личностям, которые достигли высокого уровня социальной зрелости, более склонны соблюдать религиозные нормы и предписания. В результате приобретения социального опыта личность всё более социализируется и ее активность направляется во многие другие сферы деятельности. Религиозный опыт, таким образом, влияет на формирование зрелой личности [6].

В своей работе Т. Н. Черняева и Е. В. Преображенская характеризуют социализацию как значимый процесс в образовательном пространстве детства. По их мнению, в качестве процесса и эволюционного явления, социализация сопровождает все этапы становления человеческого сообщества в процессе этногенеза [7].

И. В. Арендачук с позиций диахронического подхода показала, что профессиональную социализацию личности студента в образовательной среде вуза можно рассматривать как этап жизни, в котором он становится активным субъектом процесса профессионального развития. Профессиональная направленность преподавателей на альтруизм, труд, свободу и творческую самореализацию задает студентам ориентиры собственного профессионального развития [8].

Таким образом, можно в определенной мере говорить о разных аспектах проблематики социализации личности и подходах к ее изучению.

Сюда следует отнести и изучение социализации личности, ее адаптационной готовности во взаимосвязи с ценностной сферой на примере разных этносов, так как от их позитивного вхождения в общество зависят благополучие государства и психологический комфорт каждого человека. Исходя из этого, основной целью данного исследования является изучение взаимосвязи социальной приспособленности и ценностных ориентаций личности с точки зрения её адаптационных возможностей на примере представителей трех разных этносов, проживающих и тесно контактирующих на территории Поволжского региона (русские, лезгины, татары).

При изучении характеристик социализации личности применялся «Опросник приспособленности» Х. Белла, шкалы которой определяют, где именно и в какой области взаимодействия с окружающими личность испытывает трудности. В качестве диагностического метода, направленного на исследование ценностной сферы, использовалась методика «Уровень соотношения “Ценности” и “Доступности” в различных, жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой. При статистической обработке данных использованы метод сравнения двух независимых выборок (t -критерий Стьюдента) и корреляционный анализ по методу К. Пирсона. В выборку исследования вошли представители трех групп, относящие себя по результатам опроса к этническим группам русских (30 человек), татар (30 человек) и лезгин (30 человек). Общий объем выборки – 90 испытуемых в возрасте от 25 до 40 лет.

Как следует из результатов проведенного исследования, уровень социальной приспособленности у 64% испытуемых, представляющих русский этнос, находится в пределах нормы, у 20% он высокий и у 16% – низкий. У 19% лиц, представляющих татарский этнос, выявлен высокий уровень социализации, у 54% он находится в пределах нормы и у 27% низкий. У 25% испытуемых, представляющих лезгин, обнаружен высокий уровень социальной приспособленности,

у 12% он низкий и у 63% находится в пределах нормы. Выявлены статистически значимые различия в группах русских и татар по шкалам «приспособленность в семье», «субмиссивность» (зависимость–независимость в социальных контактах) и «эмоциональность». Также выявлены различия в группах татар и лезгин по аналогичным шкалам («приспособленность в семье», «субмиссивность» и «эмоциональность»).

Анализ ценностных ориентаций личности у представителей трех разных этносов показывает, что ценность, характеризующая «уверенность в себе», является привлекательной у испытуемых всех трех групп, то же самое относится и к ценностям «счастливая семейная жизнь» и «здоровье» у лезгин и русских. У большинства представителей трех этносов заметно снижение активности как жизненной ценности и ценностных ориентаций, отражающих творчество и интерес к природе и искусству. В целом это затрудняет эффективность социальной-психологической адаптации в обществе, развитие адаптационных способностей, не способствует полноценному раскрытию личности. При анализе ценностной сферы необходимо обратить внимание на показатель дезинтеграции личности. В данном случае он находится в пределах нормы, что во многом характеризует у значительной части всех групп испытуемых стабильность ценностно-мотивационной сферы и в целом личности.

Для изучения взаимосвязей социализации и ценностно-мотивационной сферы личности у представителей разных этносов проводился корреляционный анализ по методу Пирсона. Так, у лиц, представляющих русский этнос, показатель социализации «приспособленность в семье» отрицательно коррелирует с ценностью «интересная работа» ($r = -0,398, p < 0,05$). Можно предположить, что отсутствие субъективного переживания по поводу качества семейных отношений у данных испытуемых не актуализирует у них ориентаций, связанных с поиском интересной профессиональной деятельности. Показатель социализации, отвечающий за здоровье, положительно взаимосвязан с ценностями «свобода как независимость в поступках и действиях» ($r = 0,409, p < 0,05$) и по критерию доступности ($r = 0,435, p < 0,05$). Видно, что ориентация личности на социальную активность, в том числе в профессиональной деятельности, позитивно влияет на показатели заболеваемости, в частности, улучшая душевное и физическое самочувствие человека. Также показатель социализации «здоровье» имеет отрицательную связь с ценностью по критерию доступности «творчество» ($r = -0,437, p < 0,05$). Заметно, что отсутствие доступности

творческой деятельности негативно влияет на показатели здоровья. Показатель социализации «субмиссивность» отрицательно связан с ценностью по критерию доступности «уверенность в себе» ($r = -0,376, p < 0,05$), т.е. зависимость и пассивность в социальных контактах отрицательно сказывается на стабильности личности, отсутствии внутренних противоречий. С другой стороны, отсутствие уверенности в себе создает предпосылки для зависимого и пассивного поведения, что негативно отражается на взаимодействиях с социумом. Помимо этого выявлена положительная взаимосвязь между показателем социализации «эмоциональность» и ценностью по критерию доступности «активная, деятельная жизнь» ($r = 0,381, p < 0,05$) и отрицательная с ценностью по критерию доступности «счастливая семейная жизнь» ($r = -0,392, p < 0,05$). Из этого следует, что социальная активность личности, выраженная в ее ценностной ориентации, создает предпосылки для эмоциональной стабильности личности в общении и деятельности. К тому же умение управлять своими чувствами, контролировать свои субъективные переживания позволяет личности лучше адаптироваться в обществе и активизирует целенаправленную активность. Показатель социализации «враждебность» отрицательно связан с ценностью по критерию доступности «интересная работа» ($r = -0,376, p < 0,05$). Не исключено, что отсутствие любимого вида профессиональной деятельности или интереса к своей работе создает трудности в социализации и проявляется во враждебности и критичности в социальных контактах.

У испытуемых татарского этноса показатель социализации «приспособленность в семье» положительно коррелирует с ценностью «активная, деятельная жизнь» ($r = 0,385, p < 0,05$). Видно, что от приспособленности в семейных отношениях зависит нормальное существование личности в социуме, что проявляется в ее активности, с другой стороны, активность личности в обществе в целом позитивно сказывается на степени субъективного переживания качества семейных отношений. Показатель социализации «субмиссивность» отрицательно связан с ценностью «интересная работа» ($r = -0,376, p < 0,05$). Возможно, что зависимость и пассивность в социальных контактах снижает значимость ценностной ориентации «интересная работа». Кроме того, отсутствие интересной работы делает личность пассивной, неуверенной в своих силах. Также выявлены отрицательные связи между показателем социализации «эмоциональность» и ценностью по критерию доступности «наличие хороших и верных друзей» ($r = -0,409,$

$p < 0,05$) и с ценностью «познание» ($r = -0,397$, $p < 0,05$). Не исключено, что эмоциональная нестабильность личности, отсутствие умения управлять своими чувствами не создает предпосылки для возникновения надежных дружеских взаимоотношений, препятствует интеллектуальному развитию, расширению общей культуры. Ещё данный показатель социализации личности положительно коррелирует с ценностями по критерию доступности «материально обеспеченная жизнь» ($r = 0,409$, $p < 0,05$) и «творчество» ($r = 0,435$, $p < 0,05$). Видно, что на эмоциональную стабильность личности оказывают влияние отсутствие материальных затруднений и возможность заниматься творческой деятельностью. С другой стороны, эмоционально благополучная личность часто имеет высокий творческий потенциал, способна заниматься интересной творческой деятельностью и стремится обеспечить себя материально.

У лезгин показатель субмиссивности (склонность быть зависимыми и пассивными в социальных контактах) положительно коррелирует с ценностями «активная, деятельная жизнь» ($r = 0,497$, $p < 0,01$), «свобода как независимость в поступках и действиях» ($r = 0,373$, $p < 0,05$) и отрицательно взаимосвязана с ценностями «здоровье» ($r = -0,366$, $p < 0,05$), «счастливая семейная жизнь» ($r = -0,415$, $p < 0,05$). Заметно, что относительно низкие характеристики социализации личности данных испытуемых активизируют ориентации на независимость в поступках и действиях, их социальную активность. В то же время невысокий уровень субмиссивности у ряда лезгин не сказывается отрицательно на здоровье и счастливой семейной жизни. Такой показатель социальной приспособленности, как «враждебность и критичность в социальных контактах» положительно коррелирует с ценностями «интересная работа» ($r = 0,398$, $p < 0,05$) и «наличие хороших и верных друзей» ($r = 0,463$, $p < 0,01$). Учитывая, что у большинства испытуемых данной социальной группы уровень враждебности сравнительно низкий, можно сказать, что этот показатель положительно влияет на преобладание у них ценностных ориентаций, связанных с выбором надежных и верных друзей и позитивной (интересной) сферы деятельности. Не исключено, что и наличие данных ценностных ориентаций оказывает положительное влияние на снижение уровня враждебности в социальных контактах.

Таким образом, корреляционный анализ свидетельствует о своеобразии значимых связей между характеристиками социализации личности и ее ценностной сферы у представителей трех разных этносов, проживающих на территории Саратовской области.

У значительной части представителей разных этносов обнаружены уровень социализации личности в пределах нормы и позитивные тенденции в иерархии ценностей. Однако при оценке основных составляющих социализации у большинства испытуемых выявлены изменения, связанные с повышенной эмотивностью, сложностями в управлении и контроле над своими чувствами. В целом система выявленных ценностей у испытуемых разных национальностей достаточно позитивно влияет на стабильность личности, что отражено в показателе ее дезинтеграционных процессов, который в данном случае сравнительно невысокий.

Своеобразие значимых корреляционных связей характеристик социализации личности и ее ценностной сферы у представителей трех разных этносов отражает не всегда устойчивые тенденции в развитии личности: наибольшее число корреляционных зависимостей у лезгин связано с показателем социальной приспособленности «субмиссивность», отражающим уровень зависимости и пассивности; у русских это – показатель здоровья и эмоциональной стабильности. У испытуемых татарского этноса наибольшее число корреляционных связей касается трудностей социальной приспособленности и показателя эмоциональной стабильности. Практически все ценностные ориентации отражают те или иные проблемы социальной приспособленности личности испытуемых разных национальностей. В выявленных взаимосвязях заметны устойчивые тенденции, которые характеризуют личность, общие и специфические черты представителей каждой из изучаемых национальностей: существуют проблемы социализации, связанные с реализацией в профессиональной деятельности и общественной жизни (например, с повышением социального статуса), т.е. отражающие уровень социальной активности личности в социуме. В целом прослеживается взаимосвязь между социализацией и ценностными ориентациями личности на примере представителей разных этносов Поволжья. Достаточно хорошая социальная приспособленность и ценностная сфера личности испытуемых во многом отражают оптимальный уровень их адаптационной готовности и способность к позитивным изменениям в условиях динамично развивающегося общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества» (грант № 15-06-10624а).

Список литературы

1. Малышев И. В. Социально-психологическая адаптация личности и стратегии coping-поведения учителей школ в процессе профессиональной социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 1 (5). С. 30–34.
2. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. 352 с.
3. Григорьева М. В. Значение понятия «Россия» у молодежи в зависимости от условий социализации // Уч. зап. Пед. ин-та СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2009. Т. 2, № 1 (5). С. 9–15.
4. Малышев И. В. Характеристики ценностно-смысловой сферы в зависимости от профессиональной направленности личности студента // Уч. зап. Пед. ин-та СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2010. Т. 3, № 4 (12). С. 52–56.
5. Бочарова Е. Е. Ценностные предпочтения молодежи в представлениях различных социальных групп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 13–16.
6. Усова Н. В. Усвоение норм религии в процессе социализации // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. Ч. 6. С. 1371–1374.
7. Черняева Т. Н., Преображенская Е. В. Социализация детства : образовательный контекст // Народное образование. 2014. № 9. С. 198–205.
8. Арендчук И. В. Профессиональная социализация личности студента вуза в контексте диахронического подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2. № 4 (8). С. 348–353.

Relation of Socialization and Value Orientations of a Personality in the Aspect of its Adaptability among Different Ethnic in Volga Region

I. V. Malyshev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: iv.999@list.ru

A comparative analysis of characteristics of the social suitability and value orientations of a personality of representatives of three ethnics (Russians, Tatars and Lezghins) living in the Volga region (Saratov region) is represented. Modern approaches to the understanding of the the socialization of a personality and its social-psychological manifestations, adaptational possibilities are considered. In the results of the analysis of the phenomena among the majority of the probationers positive tendencies necessary for successful socialization in the now days society are noted, in particular, the orientation to the happy family live, self-reliance act. In the same time it is found the insufficient solemnity of the values like «active live», this brakes the positive source in the personality. Among the majority of the representatives of different ethnics a middle level of the social suitability and other important characteristics allowing to affectively adapt in the

modern society are found. In the results of the correlational analysis a relation between the studied phenomena can be seen. So, in the discovered relations are visible stable tendencies that characterize the personality, common and specific features of the representatives of each of the studied nationalities.

Key words: characteristic of socialization, level of socialization suitability, value orientations, relation of socialization and value orientations, adaptation of personality.

References

1. Malyshev I. V. Sotsialno-psihologicheskaya adaptatsiya lichnosti i strategii koping-povedeniya uchiteley shkol v protsesse professionalnoy sotsializatsii (Social-psychological adaptation of personality and strategy of coping-behavior of school teachers in the process of professional socialization). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, vol. 2, iss. 1 (5), pp. 30–34.
2. Parygin B. D. *Osnovy sotsialno-psihologicheskoy teorii* (Foundations of social-psychological theory). Moscow, 1971. 352 p.
3. Grigoreva M. V. Znachenie ponyatiya «Rossiya» u molodezhi v zavisimosti ot usloviy sotsializatsii (The meaning of the notion Russia among young people depending on their socialization). *Uch. zap. Ped. in-ta SGU im. N.G.Chernyshevskogo* (Academic Articles of Pedagogical Institute. Ser. Psychology. Pedagogy), 2009, vol. 2, no. 1 (5), pp. 9–15.
4. Malyshev I. V. Kharakteristiki tsennostno-smyslovoy sfery v zavisimosti ot professionalnoy napravlenosti lichnosti studenta (Characteristic of value-science sphere in dependence on the professional orientation of student personality). *Uch. zap. Ped. in-ta SGU im. N. G. Chernyshevskogo* (Academic Articles of Pedagogical Institute. Ser. Psychology. Pedagogy), 2010, vol. 3, no. 4 (12), pp. 52–56.
5. Bocharova E. E. Tsennostnye predpochteniya molodezhi v predstavleniyakh razlichnykh sotsialnykh grupp (Value preferences of young people in different social groups). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2012, vol. 4, iss.1, pp. 13–16.
6. Usova N. V. Usvoenie norm religii v protsesse sotsializatsii (Understanding of the religious norms in the socialization process). *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental research), 2013, no. 10, part 6, pp. 1371–1374.
7. Chernyaeva T. N., Preobrazhenskaya E. V. Sotsializatsiya detstva: obrazovatelnyy kontekst (Childhood socialization: educational context). *Narodnoe obrazovanie* (Public education), 2014, no. 9, pp. 198–205.
8. Arendachuk I. V. Professioanalnaya soysializatsiya lichnosti studenta vuza v kontekste diakhronicheskogo podkhoda (Professional personality socialization of high schools students in the context of diachronical approach). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2013. Vol. 2, iss. 4 (8), pp. 348–353.

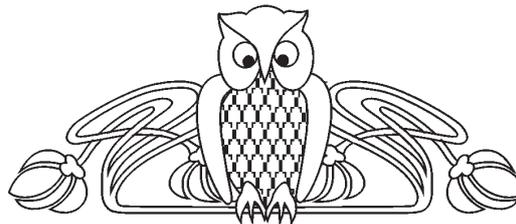

УДК 159.923

СВЯЗЬ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ИНИЦИАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Лесин Александр Михайлович –

аспирант кафедры психологии личности,
социальной психологии и коррекционной педагогики,
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
E-mail: am1709@mail.ru

В статье представлены результаты исследования ценностной сферы и инициативности студентов, в частности, значимость для них различных групп ценностей. Описываются психологическая структура инициативности как свойства личности; значимость абстрактных, конкретных ценностей, а также ценностей личной жизни и профессиональной самореализации; связи между значимостью групп терминальных ценностей, содержательно-смысловыми и инструментально-стилевыми характеристиками инициативности. На основе анализа полученных результатов автор делает вывод о связях эгоистичной мотивации и типа саморегуляции с конкретными и абстрактными ценностями; значимости ценностей самоутверждения и принятия других со стеническими и астеническими эмоциями; значимости этических ценностей с устойчивостью стремления к инициативности. Раскрывается ценностная природа операциональных и эмоционально-личностных затруднений при проявлении инициативности; указывается на необходимость гармонизации ценностной сферы личности.

Ключевые слова: личность, направленность, ценности, активность, инициативность, студенты, связи, гармонизация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-86-90

Изучение личности всегда было и остается одной из основных задач психологической науки. Это обусловлено тем, что общество постоянно предъявляет новые требования к каждому его члену и должно способствовать формированию его личности и наиболее полной самореализации.

Личность – сложная многомерная система характеристик, которая определяет человека как уникальную социальную единицу. При этом существует множество подходов к ее изучению. В соответствии с современным системным подходом к рассмотрению личности на основе «наиболее общих оснований индивидуальности человека» (В. Д. Небылицын), личность может быть представлена как триада обобщенных интегральных переменных: активности, направленности и саморегуляции [1], вокруг которых группируются базовые свойства и черты личности.

Активность личности проявляется на психофизическом уровне в активности и реактивности, на характерологическом – в изобретательности, любознательности, инициативности – свойстве личности, которое «обеспечивает процесс иници-

циации и его завершение, характеризуется побуждением к новому, к опережению наличной стимуляции» [1, с. 30] и определяет личность во всех сферах ее активности.

Направленность является основным системообразующим компонентом личности, в который входят все её ценностно-смысловые характеристики: мировоззрение, цели, мотивы, интересы, желания, жизненные ценности и пр. [2]. Ценности выступают в качестве признаваемых человеком смысловых единиц, которые определяют его жизненный план. Их можно разделить на терминальные и инструментальные. Первые – это цели, важные жизненные ориентиры, к которым стремится человек, среди них выделяют конкретные и абстрактные, а также ценности профессиональной самореализации и личной жизни. Инструментальные ценности – это одобряемые человеком средства, присущие ему, или те, которыми он хотел бы обладать для достижения своих целей; среди них есть этические, ценности общения и дела, индивидуалистические, конформистские и альтруистические ценности, ценности самоутверждения и принятия других [3].

Нами было проведено исследование инициативности и ценностных ориентаций 196 студентов Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, среди которых было 184 девушки и 12 юношей в возрасте 17–23 лет, с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича [4] и бланкового теста «Инициативность» А. И. Крупнова. В данной статье представлены связи между значимостью различных ценностей и выраженностью компонентов психологической структуры инициативности.

Сравнив значение рангов среди разных групп терминальных ценностей и доказав достоверную значимость их различий, мы обнаружили, что конкретные ценности (материально обеспеченная жизнь, друзья, работа, признание, семья, удовольствия) более значимы для студентов, чем абстрактные (любовь, развитие, свобода, творчество, красота природы и искусства) (табл. 1).

Таблица 1

Средний ранг терминальных ценностей

Группы терминальных ценностей	Ранг	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости различий (p)
Конкретные	8,306	-18,749	0,000
Абстрактные	10,694		
Личной жизни	7,893	10,230	0,000
Профессиональной самореализации	9,799		

Это связано с тем, что состояние современного общества формирует представление о главных ориентирах как о конкретных, чаще материальных, целях. Абстрактные ценности имеют меньшую значимость, поскольку они не соотносятся с экономической прибылью.

Члены общества озадачены реализацией личных интересов [5]. И даже для студентов, которые сделали свой профессиональный выбор, ценности личной жизни, наличия друзей, семьи и собственного удовольствия превалируют над ценностями карьерной реализации, активной деятельной жизни, развития, интересной работы. Отчасти это обусловлено возрастными особенностями респондентов, большей направленностью молодых людей на межличностную коммуникацию и создание семейных уз, чем на успешную работу и учебу, а кроме того, эгоистической установкой, связанной с желанием получить больше,

затратив как можно меньше сил, ориентацией на получение удовольствия и ценности личной жизни, чем на профессиональную самореализацию.

Рассматривая инициативность как универсальную характеристику всех типов активности, в рамках концепции многомерно-функциональной модели организации свойств личности А. И. Крупнова [1] мы исследовали гармонические (способствующие развитию и проявлению инициативности) и агармонические (затрудняющие реализацию и формирование этого свойства) переменные содержательно-смысловых (целевых, мотивационных, когнитивных, продуктивных) и инструментально-стилевых (динамических, эмоциональных, регуляторных, рефлексивно-оценочных) составляющих этого свойства у студентов.

В содержательно-смысловом блоке инициативности преобладают эгоцентрическая мотивация и личностно значимые цели (табл. 2).

Таблица 2

Выраженность и соотношение переменных различных компонентов инициативности студентов

Компоненты	Переменные	Средние значения	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости различий
Целевой	Общественно значимые цели	31,31	-10,777	0,000
	Личностно значимые цели	39,52		
Мотивационный	Социоцентричность	29,90	-11,623	0,000
	Эгоцентричность	38,90		
Когнитивный	Осмысленность	28,52	11,470	0,000
	Осведомленность	16,30		
Продуктивный	Предметность	31,95	-3,098	0,002
	Субъектность	34,88		
Динамический	Эргичность	24,58	5,486	0,000
	Аэргичность	18,25		
Эмоциональный	Стеничность	29,77	4,541	0,000
	Астеничность	23,16		
Регуляторный	Интернальность	29,49	4,541	0,000
	Экстернальность	25,18		
Рефлексивно-оценочный	Операциональные трудности	19,97	0,599	0,549
	Эмоционально-личностные трудности	19,32		

Как нами было отмечено в более ранних исследованиях [6], эта особенность затрудняет проявление инициативности: эгоистичные люди направлены на реализацию своих личных интересов, их инициатива ограничена целями получения собственной выгоды. Это подтверждается и большей продуктивностью в субъектно-личностной, нежели в предметной сфере. Молодые люди хотят видеть результаты своей инициативы в повышении собственной уверенности, знаний, успешности, самоуважения, но не в сотрудничестве с другими, создании творческого климата в коллективе, полезности обществу. При этом развитию этого свойства способствует высокая осмысленность представления об инициативности, которая выше простой осведомленности. Современные студенты имеют четкое и правильное представление об этом свойстве и его важности.

В инструментально-стилевом блоке инициативности выявлена высокая степень энергичности (силы и устойчивости стремления проявить свойство), инициативности и таких гармоничных переменных, как преобладание стенических эмоций и интернального типа саморегуляции при реализации этого свойства. Студенты до-

статочно инициативны, проявляют это свойство, опираясь на внутренние стремления, способны опережать в своей активности внешние стимулы, испытывают при этом положительные эмоции, удовольствие от удачной инициативы, состояние радостного волнения перед ее проявлением. Все это способствует развитию такого свойства, поощряет его проявление и создает положительный образ инициативного человека. При этом молодые люди сталкиваются с операциональными и эмоционально-личностными трудностями. В случаях неопределенности ситуации, чрезмерной регламентации, отсутствия ясной цели студенты не способны проявлять инициативу, а кроме того, они часто сталкиваются с отсутствием умений и навыков инициативного поведения. Негативное воздействие оказывают и эмоционально-личностные затруднения: неуверенность в себе, чувство робости, раздражительность, безволие, принцип «не высовываться».

Для определения зависимости между значимостью групп ценностей и выраженностью компонентов психологической структуры инициативности студентов был проведен корреляционный анализ, который выявил достоверно значимые связи (табл. 3).

Таблица 3

Связи между значимостью ценностей и выраженностью переменных психологической структуры инициативности

Структура инициативности	Значимость ценностей						
	Конкретные	Абстрактные	Профессиональная самореализация	Этические	Конформистские	Самоутверждение	Принятие других
Эгоцентричность	0,145*	-0,138	-0,026	0,044	0,081	0,050	0,010
Аэнергичность	0,100	-0,101	-0,014	-0,182*	-0,079	-0,126	0,091
Астеничность	-0,156	-0,058	-0,023	-0,099	-0,008	-0,143*	0,175*
Интернальность	-0,146*	0,143*	-0,013	0,080	0,005	0,035	0,004
Операциональные трудности	0,079	-0,083	0,145*	-0,083	-0,112	-0,018	0,020
Эмоционально-личностные трудности	0,073	-0,076	0,075	-0,095	-0,140*	-0,051	0,049

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Значимость конкретных ценностей связана с эгоцентричной мотивацией проявления инициативы: чем больше молодые люди опираются в своих мотивах на эгоистические потребности, тем выше значимость для них таких ценностей, как материальные блага, общественное признание, здоровье и пр. Это очевидно, поскольку мировосприятие человека ограничивается конкретными ценностями до ореола предметного мира, а его потребности – личностными интересами

и интересами близкого окружения. Мотивация к проявлению соционаправленности при этом снижается. Эгоистические мотивы, связанные с собственным обогащением, в свою очередь, повышают значение конкретных и осязаемых ценностей, замедляя развитие абстрактного мышления и общую гармонизацию личности.

Кроме того, важность абстрактных ценностей повышает уровень интернальности в проявлении инициативы, в то время как высокая значи-

мость конкретных, напротив, снижет ее. Люди, у которых абстрактные ценности преобладают над конкретными, связывают проявление инициативы со своими возможностями, внутренней активностью и уверенностью в себе, а те, у кого доминируют конкретные, – со стечением обстоятельств, везением и удачей. Это связано с тем, что сами ценности имеют энергетический потенциал, который является источником активности. Ценности внутреннего мира и личностного роста не могут быть конкретными по своему определению. Они устойчивы, позволяют человеку чувствовать свою ответственность за проявление инициативы и формируют соответственный тип саморегуляции. Отражения конкретных ценностей представлены в окружающем предметном мире, их реализация больше зависит от случайного стечения обстоятельств и задерживает развитие интернального типа саморегуляции.

Важность ценностей самоутверждения и принятия других связана с эмоциями, которые обычно переживают молодые люди при осуществлении инициативы. Такие ценности, как высокие запросы, непримиримость к недостаткам, твердая воля, эффективность в делах, которые способствуют самоутверждению, способны влиять на развитие чувств опасения, раздражения, смущения, разочарования, неуверенности во время проявления инициативы или перед этим. Эти астенические эмоции затрудняют ее реализацию, создавая неблагоприятную среду для развития такого свойства. Чрезмерное увеличение значимости ценностей самоутверждения может служить попыткой преодолеть собственные эмоциональные трудности, связанные с неуверенностью в себе, а также создавать завышенные требования к своей личности, и при этом не оправдывать их. Это приводит к возникновению еще большего количества астенических эмоций. При этом ценности принятия других, наоборот, способствуют проявлению стенических эмоций при реализации этого свойства. Ценности самоконтроля, терпимости, честности, чуткости создают благоприятную среду для появления радости, хорошего настроения, признательности, удовлетворения, приятного волнения перед начинаниями. Такие эмоции способствуют более легкому началу процесса инициации, помогают формировать это свойство, делая его неотъемлемой характеристикой активности личности.

Этические ценности способствуют снижению неустойчивости стремления проявлять инициативность – ээнергичности, так как люди, у которых особенно развиты такие ценности, как ответственность, независимость, широта взглядов, самоконтроль, способны управлять собой и

преодолевать свою неактивность, противостоять страху перед риском, не идти проторенными путями, не бояться своих предложений и начинаний.

При проявлении инициативности студенты часто сталкиваются с операциональными и эмоционально-личностными трудностями. Повышение значимости ценностей профессиональной самореализации связано с операциональными трудностями. Ценности интересной работы, активной деятельной жизни, общественного признания, продуктивной жизни способствуют осознанию своих инструментальных затруднений в проявлении инициативы, что еще больше увеличивает их влияние. Это связано с тем, что молодые люди, понимая всю важность навыков и умений реализации этого свойства, еще не обладают достаточным опытом и осознают это. Повышенное внимание к профессиональной самореализации создает конфликт между целями и реальными возможностями, что приводит к затруднению в проявлении инициативы в сложных условиях неопределенности, чрезмерной регламентации, отсутствия ясных целей. Конформистские ценности воспитанности, самоконтроля, широты взглядов снижают уровень эмоционально-личностных затруднений. Люди с преобладанием таких ценностей лучше справляются с неуверенностью в себе, недостатком внутренних сил и воли, чувством робости и раздражением, даже в случае неудачной инициативы. Это приводит к уменьшению таких затруднений и, как следствие, способствует более активному формированию и проявлению инициативности.

Таким образом, в структуре ценностей современных молодых людей большую значимость имеют конкретные ценности, нежели абстрактные. Цели личной жизни находятся во главе направленности, опережая цели профессиональной самореализации.

Студенты достаточно инициативны и стремятся проявлять это свойство, руководствуясь своими внутренними мотивами и стремлениями, испытывая при этом приятные эмоции. Однако их мотивы эгоцентричны и направлены на реализацию инициативности в субъектно-личностной сфере, что затрудняет процесс формирования и проявления этого свойства в общественной жизни. Трудности, связанные с неуверенностью в себе и отсутствием необходимых навыков инициативы, способны еще больше затормозить процесс развития инициативности. При этом инициативность, являясь важным личностным качеством, находится в тесной связи с жизненными ценностями: ее формирование и проявление зависят от повышения значимости отдельных групп ценностей, а также способствуют гармоничному развитию ценностной сферы и личности

в целом. Молодых людей, у которых доминируют конкретные ценности, отличают эгоцентричная мотивация и внешний локус-контроль при проявлении инициативности. При этом значимость абстрактных ценностей, напротив, формирует интернальность. Развитие инициативности задерживают астенические эмоции, которые усиливаются чрезмерной значимостью ценностей самоутверждения. Ценности принятия других, наряду с конформистскими, создают благоприятный эмоциональный фон и способствуют уменьшению эмоционально-личностных переживаемых затруднений, которые препятствуют развитию этого свойства. Негативно влияют на это развитие и операциональные трудности, связанные с неумением проявлять инициативу, которые подстегиваются повышенной значимостью ценностей профессиональной самореализации. Развитие этических ценностей замедляет этот процесс и способствует развитию готовности проявлять такие свойства.

Список литературы

1. Крупнов А. И. Психологические проблемы целостного анализа личности и ее базовых свойств // Психолого-педагогические проблемы формирования личности в учебной деятельности. М., 1988. С. 28–39.
2. Фомина Н. А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. Рязань, 2002. 362 с.
3. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992. 17 с.
4. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. М., 2007. 416 с.
5. Лесин А. М., Фомина Н. А. Типы направленности личности и особенности ценностных ориентаций студентов // Alma Mater (Вестн. высш. школы). 2014. № 4. С. 34–38.
6. Лесин А. М., Фомина Н. А. Связь между особенностями инициативности и различными ценностями студентов // Системные исследования свойств личности : к 30-летию научной школы А. И. Крупнова в РУДН. М., 2014. С. 276–280.

Relationship between Value System and Psychological Structure of Students' Initiative

A. M. Lesin

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
18, Polonskogo str., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: am1709@mail.ru

The article presents the results of the research focused on students' value system and initiative, including the significance of different

groups of values for them. Psychological structure of initiative as a personality trait; significance of abstract, concrete values and also values of professional and personal self-realization; relationships between the significance of the group of terminal values, content-semantic and instrumental-stylistic characteristics of initiative are described. According to the results obtained the author comes to the conclusion about the relationships between egoistic motivation and the type of self-regulation while displaying initiative and concrete and abstract values; between the significance of values of self-esteem and acceptance of others and sthenic and asthenic emotions; the significance of ethical values and the stability of intention to display initiative. The axiological nature of operational and emotional and personal difficulties while displaying initiative is revealed. It is underlined that there is a need to harmonize a personal value system.

Key words: personality, orientation, values, activity, initiative, students, relationships, harmonization.

References

1. Krupnov A. Psikhologicheskie problemy tselostnogo analiza lichnosti i ee bazovykh svoystv (Psychological problems of the comprehensive analysis of personality and its basic traits). *Psikhologo-pedagogicheskie problemy formirovaniya lichnosti v uchebnoy deyatel'nosti* (Psychological-pedagogical problems of developing personality in the process of education). Moscow, 1988, pp. 28–39.
2. Fomina N. *Svoystva lichnosti i osobennosti rechevoy deyatel'nosti* (Personality traits and peculiarities of speech activity). Ryazan, 2002. 362 p.
3. Leontev D. *Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsiy* (Methodology for studying value orientations). Moscow, 1992. 17 p.
4. Karelin A. *Bolshaya entsyklopediya psikhologicheskikh testov* (Great Encyclopedia of psychological tests). Moscow, 2007. 416 p.
5. Lesin A., Fomina N. *Tipy napravlenosti lichnosti i osobennosti tsennostnykh orientatsiy studentov* (Types of personality trend and peculiarities of students' value orientations). *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)* (Alma Mater {High School Herald}), 2014, no. 4, pp. 34–38.
6. Lesin A., Fomina N. *Svyaz mezhdu osobennostyami initsiativnosti i razlichnymi tsennostyami studentov* (Relationship between peculiarities of initiative and students' different values). *Sistemnye issledovaniya svoystv lichnosti: k 30-letiyu nauchnoy shkoly A.I. Krupnova v RUDN* (Integrated studies of personality traits: Collection of scientific articles devoted to the 30th anniversary of A. I. Krupnov's Scientific School at PFUR). Moscow, 2014, pp. 276–380.

УДК 316.6

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЕ В ПРЕЛОМЛЕНИИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Фролова Светлана Владимировна –

кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии,

Саратовский государственный университет

E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме изучения психологических факторов приверженности своей стране, одними из которых являются жизненные ценности личности. Автором предпринято эмпирическое исследование ценностных ориентаций представителей России и Казахстана, приверженных своей стране и желающих эмигрировать, опирающееся на мотивационную концепцию ценностей Ш. Шварца и понимание психологической приверженности социальной общности как когнитивно-эмоционального целостного образования личности, выражаемого в субъективных представлениях индивида о ценности для него данной страны, ее привлекательности, перспективности в удовлетворении его ведущих потребностей и желании строить свою дальнейшую судьбу в ее пределах. В результате проведенного исследования установлено, что приверженность своей стране более сопряжена с ценностями, ориентированными на культуру, поддержание традиций, контакты с другими людьми, а эмиграционные намерения связаны с более индивидуалистической и гедонистической жизненной направленностью. Материал статьи может представлять интерес с точки зрения дальнейших эмпирических и теоретических разработок.

Ключевые слова: приверженность личности своей стране, эмиграционные намерения, ценности, ориентация на других, индивидуалистическая система ценностей, гедонистическая направленность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-91-95

Ценности могут являться одним из индикаторов социальных и индивидуальных изменений, в том числе и процессов, связанных с формированием приверженности своей стране. Приверженность стране является одним из типов возможных связей личности и социальной общности, которая имеет длительную историю, культуру, обладает материальными и духовными ресурсами, создающими условия для существования ее индивидов.

Психологическая приверженность стране может быть понята как когнитивно-эмоциональное целостное образование личности, выражаемое в субъективных представлениях индивида о ценности для него данной страны, ее привлекательности, перспективности в удовлетворении его ведущих потребностей. Приверженность своей стране, таким образом, в первую очередь, проявляется в желании строить свою дальнейшую судьбу в ее пределах, и одним из наиболее показательных ее критериев выступает отношение к эмиграции.

Современная культурно-историческая ситуация характеризуется состоянием системного

кризиса [1, 2], социальной нестабильностью, разрушением прежних традиций и социальных отношений, что ставит человека перед необходимостью адаптации в сложнейших условиях и порой приводит к утрате чувства собственной целостности и идентичности [3]. Среди всех возрастных и социальных групп одновременно и наиболее мобильными, и наиболее сензитивными к изменениям оказываются представители молодого поколения. Порой в качестве одного из способов совладания с трудностями, вызванными последствиями системного кризиса, юноши и девушки выбирают стратегию построения своей дальнейшей жизни путем эмиграции в другую страну.

Эмиграционное поведение, приобретающее в современном мире масштабы макросоциального явления, обусловлено не только социальным и экономическим кризисом, но и развитием всевозможных технических средств, способствующих ускорению темпа жизни, трансляции информации о возможностях удовлетворения своих растущих потребностей в тех новых местах, где человек еще не был, а также смешением культур и появлением нового типа глобальной социальной идентичности [4].

Изучение факторов приверженности своей стране может способствовать прогнозированию эмиграционного поведения, а также субъективной удовлетворенности жизнью. Предложенная нами объяснительная модель факторов приверженности социальной общности страны [5], построенная с опорой на синтез методологии индивидуализма и социологизма в социальной психологии, в качестве основных компонентов включает особенности актуальной социокультурной ситуации, личностные диспозиции, характеристики социальной общности и ментальное социально-психологическое пространство личности [6, с. 24, 25], ядром которого, на наш взгляд, являются значащие переживания образов культуры. Одним из элементов ментального социально-психологического пространства является обобщенный субъективный образ социальной общности своей страны, окрашенный тем или иным когнитивно-эмоциональным отношением и встроенный в систему личностных ценностей и смыслов.

Ценности представляют собой одно из самых устойчивых психических образований человечества, оставаясь неизменными на протяжении тысячелетий, но их приоритетность для отдельных индивидов различается в зависимости от этнической принадлежности, половозрастных и личностных особенностей. Личностные ценности рассматриваются в психологии как преломления социальных ценностей сквозь призму индивидуальной жизни, являющиеся одновременно и источником индивидуальной мотивации, и регулятором социального поведения [7, с. 157]. Б. Г. Ананьев понимал ценностные образования как первичные свойства личности, определяющие жизненную направленность и основные тенденции ее развития [8]. Существует психологическое определение ценностей как системы личностных смыслов, позволяющих дифференцировать объекты по их значимости для индивида [9]. Ключевой идеей, содержащейся в большинстве пониманий ценностей, является соотношение их со значимостью предметов и явлений реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям личности. Ценности являются тесно связанными не только с нуждами и потребностями, но и с привязанностями, желаниями и ожиданиями человека, в связи с которыми формируется тенденция выбора [10, с. 21], а также закладываются стратегические жизненные цели и общие мировоззренческие ориентиры [11, с. 5].

Одним из первых инструментов социально-психологического изучения ценностей стала шкала М. Рокича, отразившая его понимание ценностей как руководящих жизненных принципов. Позднее, в начале 1990-х гг. Ш. Шварцем была разработана мотивационная модель ценностей, представленная двумя осями, – социальной и поведенческой – и четырьмя основными секторами – открытость изменениям (саморуководство, стимуляция), консерватизм (конформизм, традиции, безопасность), ориентация на других людей/трансцендентность (универсализм, благожелательность), ориентация на себя (достижения, гедонизм, власть). На основе авторской модели Ш. Шварц сконструировал новый тест измерения ценностей и «Портретный опросник», мыслившийся как универсальный инструмент для применения в любой стране и любой культуре [7, с. 161].

Формирование ценностей может быть обусловлено совокупностью ряда факторов: общественными и семейными ценностями, личностными психологическими качествами, предшествующим опытом индивида, общением со значимыми Другими, СМИ. Изучение ценностей в определенной мере позволяет прогнозировать

поведение людей, их жизненные выборы, поэтому исследования ценностей различных социальных и возрастных групп, этносов остаются одними из актуальных в современной социальной психологии. Так, одним из известных предпринятых в нашей стране исследовательских проектов является работа В. В. Гриценко, посвященная изучению ценностно-нормативных основ интеграции этнических мигрантов в российское общество [12]. Приверженность своей стране, так же как и эмиграционное намерение в современных условиях, не носящее вынужденного характера, могут определяться особенностями строения и содержания личностной системы ценностей.

Целью настоящего исследования явилось сравнительное изучение ценностных ориентаций у юношей и девушек, приверженных своей стране, и у молодых людей, имеющих эмиграционные намерения.

Мы *предположили*, что ценностная сфера лиц, желающих безвозвратно эмигрировать, отличается от ценностной сферы приверженных своей стране как на уровне убеждений, так и на уровне регуляции социального поведения; в современной социальной ситуации внутренне мотивирующим фактором становления намерения безвозвратной эмиграции является индивидуалистски и гедонистически ориентированная система ценностей личности.

Для проверки наших предположений было предпринято исследование, в котором приняли участие 120 представителей России и 80 представителей Казахстана в возрасте от 18 до 27 лет. Выборку составили как мужчины, так и женщины. В исследовании применялись метод структурированного психологического интервью, направленный на выявление приверженности своей стране и эмиграционных намерений; опросник ценностей Ш. Шварца [11]. Для осуществления математико-статистического анализа полученных данных применялись *U*-критерий Манна-Уитни и *t*-критерий Стьюдента.

Полученные данные с использованием структурированного психологического интервью и опросника Ш. Шварца, а также последующий статистически-математический анализ способствовали установлению достоверных различий между лицами, приверженными своей стране и желающими эмигрировать, в значимости на уровне нормативных идеалов таких ценностей, как «универсализм», «гедонизм» и «власть» (табл. 1).

Универсализм больше характерен для лиц, приверженных своей стране. Мотивационные цели универсализма, согласно мотивационной концепции ценностей Ш. Шварца, производны от таких потребностей выживания групп и

Таблица 1

Средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов для лиц, приверженных своей стране, и лиц с эмиграционными намерениями

Ценности	Средние значения ценностей			
	Представители России, приверженные своей стране	Потенциальные эмигранты из России	Представители Казахстана, приверженные своей стране	Потенциальные эмигранты из Казахстана
Конформность	4,1*	3*	4,5	4,7
Традиции	3,5	3,3	4,4	4,7
Доброта	4,5	4,4	4,9	4,7
Универсализм	4,9*	3,7*	5,2*	4,1*
Самостоятельность	4,6	4,8	4,7	5,2
Стимуляция	3,7*	5*	3,7	4,3
Гедонизм	4,2*	5,6*	3*	6*
Достижения	4,6	3,7	4,5	4,5
Власть	3,1*	4,3*	2,8*	3,8*
Безопасность	4,7	4	5,5	5,4

Примечание. Знаком * отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся в строках внутри пар подгрупп испытуемых из России и Казахстана, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

индивидов, которые становятся явно необходимыми при вступлении людей в контакт с кем-либо вне своей среды или при расширении первичной группы [11, с. 29]. Казалось бы, значимость этой ценности должна быть выше у тех, кто стремится эмигрировать и влиться в другую культуру, однако она является наиболее выраженной у тех, кто не желает покинуть свою страну. Это можно объяснить заложенной в этом типе ценностей готовностью к пониманию, терпимости и защите благополучия всех людей, без деления их на социальные, этнические и другие группы, а также готовностью к восприятию различных социальных групп как равноценных и по своим характеристикам, и по имеющимся ресурсам для удовлетворения потребностей своих членов.

Для лиц с эмиграционными намерениями достоверно более значимыми на уровне нормативных идеалов оказались ценности «гедонизм» и «власть». Содержание гедонизма составляет стремление к получению удовольствий, чувственному сенсорному вознаграждению, наслаждению жизнью, а содержание ценности «власть» связано со стремлением получить определенный социальный статус, контроль или доминирование над людьми и ресурсами, социальную силу, богатство, престиж.

Для представителей России, в отличие от представителей Казахстана, приверженность своей стране связана также с большей значимостью на уровне нормативных идеалов ценности «конформность» и достоверно меньшей значимостью ценности «стимуляция», что говорит

об их готовности сдерживать и предотвращать действия, которые могут причинить вред другим, а также об их менее выраженной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности.

В значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов, т.е. в конкретных поступках, также как и на уровне убеждений обнаруживаются различия для ценности гедонизма. И для представителей России, и для представителей Казахстана, приверженных своей стране, характерна меньшая зависимость в поведении от наслаждений или чувственных удовольствий (табл. 2).

Для представителей России, приверженных своей стране на уровне убеждений и на уровне регуляции поведения характерна готовность сдерживать и предотвращать действия, которые могут причинить вред другим. В поступках представители этой подгруппы больше, чем желающие эмигрировать, руководствуются ценностью традиций, уважением к ним, принятием обычаев и идей, которые существуют в культуре. Приверженность России оказывается связанной еще и с ценностью безопасности на уровне руководства своим социальным поведением, что говорит также о большей значимости гармонии, стабильности общества и взаимоотношений, обеспечивающих в определенной степени социальный порядок, безопасность семьи, национальную безопасность и зависящих, в свою очередь, от взаимопомощи и чувства принадлежности представителей к одной общности (см. табл. 2).

Таблица 2

Средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов для лиц, приверженных своей стране, и лиц с эмиграционными намерениями

Ценности	Средние значения ценностей			
	Представители России, приверженные своей стране	Потенциальные эмигранты из России	Представители Казахстана, приверженные своей стране	Потенциальные эмигранты из Казахстана
Конформность	2,8*	1,7*	2,5	2,2
Традиции	2,2*	1*	2,1	1,8
Доброта	2,6	2,8	2,5	2,4
Универсализм	2,9	2,6	2,9	2,5
Самостоятельность	2,7	3,3	2,5	2,9
Стимуляция	2,4	2,6	1,6	1,8
Гедонизм	2,4*	3,5*	1,5*	2,6*
Достижения	2,4	2,7	2,2	1,8
Власть	2,1	1,8	2,2*	1,1*
Безопасность	3*	1,6*	2,6	2,9

Примечание. Знаком * отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся в строках внутри пар подгрупп испытываемых из России и Казахстана, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Таким образом, при исследовании жизненных ценностей, сопутствующих приверженности своей стране и эмиграционным намерениям, чувствительными к различиям оказались и социальная ось «ориентация на других (универсализм) – ориентация на себя (гедонизм, власть)» и поведенческая ось «открытость изменениям (стимуляция) – консерватизм (конформизм, традиции, безопасность)».

Полученные в настоящем исследовании данные отчасти совпадают с результатами ранее проведенных нами изысканий с использованием модифицированной методики Е. Б. Фанталовой, позволившими выявить достоверно больший «вес» ценности «наличие хороших и верных друзей» в группе молодых людей, приверженных своей стране, по сравнению с группой желающих жить постоянно за рубежом ($p < 0,05$) [13]. Данный факт в сопоставлении с настоящими результатами свидетельствует о том, что ценностная ориентация молодых людей, желающих постоянно жить за рубежом, является более индивидуалистски ориентирующей.

В ходе предпринятого нами исследования подтвердилось предположение, что существуют различия в ценностных ориентациях между лицами, приверженными своей стране, и желающими эмигрировать. Для первых более, чем для потенциальных эмигрантов, имеют значение ценности универсализма и наличия хороших и верных друзей; они более ориентированы на широкие социальные контакты как внутри, так вне своей

среды, менее гедонистически и индивидуалистически ориентированы и менее стремятся к власти.

Желающие эмигрировать более высоко ценят гедонизм и власть, для них характерны стремление к наслаждению и чувственным удовольствиям, стремление к власти, повышению своего социального статуса и престижа, контролю и доминированию над другими, тенденция к обесцениванию дружбы и роли традиций, зависимость от разнообразия и глубоких переживаний для поддержания оптимального уровня активности.

Таким образом, в современной полимотивированной системе факторов приверженности личности своей стране наряду с такими факторами, как социокультурная, экономическая ситуация, свойства и ресурсы социальной общности, играет большую роль и то, какими ценностями руководствуется личность в своем социальном поведении. Смыслообразование суверенных эмиграционных намерений связано с более индивидуалистски и гедонистически ориентированной системой ценностей личности.

Список литературы

1. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. М., 2008. 349 с.
2. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество : природа, противоречия, перспективы. М., 2000. 304 с.

3. Erikson E. Life history and the historical moment. N.Y., 1975. 283 p.
4. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation // *Psychological science*. 2011. Vol. 22, № 6. P. 821–828.
5. Фролова С. В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т 13, вып. 4. С. 80–86.
6. Журавлев А. Л., Курпейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М., 2012. 496 с.
7. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб., 2010. 672 с.
8. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 379 с.
9. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2000. 509 с.
10. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции // *Вопр. философии*. 1996. № 4. С. 15–26.
11. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. Концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 70 с.
12. Гриценко В. В., Смотров Т. Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество. Смоленск, 2008. 150 с.
13. Фролова С. В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов // *Психол. журн*. 2006. Т. 27, № 3. С. 58–67.

The Person's Commitment to Their Country from the Perspective of Individual Life Values

S. V. Frolova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: frolovasv71@mail.ru

The article is devoted to the topical problem of studying psychological factors of person's commitment to their country, with individual life values being their integral parts. The author has undertaken an empirical study of the value orientations of the representatives of Russia and Kazakhstan, who are committed to their country and who want to emigrate. The study is based on the S.H. Schwartz's motivational values concept and understanding of the psychological commitment to social community as person's cognitive-emotional holistic formation, expressed in subjective representations of the value of their own country, its attractiveness, prospects for satisfying the major needs and desire to build their future within its borders. The study has indicated that commitment to the country is more closely connected with the values based on the culture, traditions, contacts with other people, while emigration intentions are associated with a more individualistic and hedonistic life-orientation. The material

may be of interest for the further empirical and theoretical research.
Key words: person's commitment to the country, the emigration intentions, values, orientation to other, individualistic system of values, hedonistic orientation.

References

1. Buchanan P. J. *State of emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction*. New York, 2006. 320 p. (Russ. ed.: Byakenen P. J. Na krayu gibeli. Moscow, 2008. 349 p.).
2. Inozemtsev V. L. *Sovremennoe postindustrialnoe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* (Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects). Moscow, 2000. 304 p.
3. Erikson E. *Life history and the historical moment*. New York, 1975. 283 p.
4. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation. *Psychological science*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 821–828.
5. Frolova S. V. Model faktorov priverzhennosti lichnosti sotsialnoy obshchnosti (The Model of Individual Commitment Factors to Social Community). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 80–86.
6. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. *Sotsialno-psikhologicheskoe prostranstvo litnosti* (Social-psychological space of person). Moscow, 2012. 496 p.
7. Pochebut L. G., Meyzhis I. A. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social psychology). St.-Petersburg, 2010. 672 p.
8. Ananyev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznananiya* (About the problems of modern human knowledge). Moscow, 1977. 379 p.
9. Leontyev A. N. *Leksii po obshchey psikhologii* (Lectures on general psychology). Moscow, 2000. 509 p.
10. Leontyev D. A. Tsennost kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoy rekonstruktsii (Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Philosophii), 1996, no. 4, pp. 15–26.
11. Karandashev V. N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti. Kontsepsiya i metodicheskoe rukovodstvo* (Schwartz's technique for the study of individual values. Concept and methodical guidance). St.-Petersburg, 2004. 70 p.
12. Gritsenko V. V., Smotrova T. N. *Tsennostno-normativnye osnovy integratsii etnicheskikh migrantov v rossiyskoe obshchestvo* (Value-normative bases of integration of ethnic migrants into Russian society). Smolensk, 2008. 150 p.
13. Frolova S. V. Smysloobrazuiushchie factory emigratsionnyh namerenii studentov (Sense-forming factors of emigratory intentions of students). *Psikhol. zhurn.* (Psychological Journal), 2006, vol. 27, no. 3, pp. 58–67.

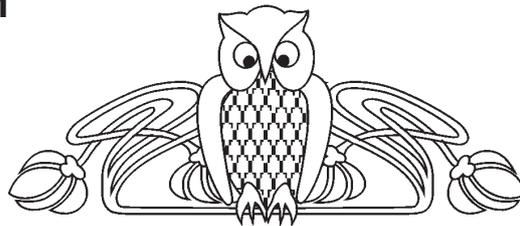

УДК 159.9 + 316.624.3

РАЗНОВИДНОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Романова Наталья Михайловна –

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: lab-psychology@mail.ru; romanovanm@info.sgu.ru

В статье раскрываются основные положения авторского подхода к анализу проблемы вовлечения личности в криминальную деятельность. Феномен вовлечения рассматривается одновременно и как процесс, и как результат. Автором предлагается классификация детерминант вовлечения личности в криминальную деятельность: внешние, внутренние и комплексные. Внешние рассматриваются с точки зрения наличия внешней силы – вовлекателя; внутренние предполагают наличие процессов самодетерминации криминального поведения субъекта; комплексные представлены вариантом взаимодействия в системе личность – малая социальная группа (неформальная асоциальная группа, легально действующая криминальная группа). Рассматриваются функции вовлечения, их содержание, разновидности, условия реализации. Предложенная модель классификации вовлечения личности в криминальную деятельность вносит вклад в понимание психологической природы криминального поведения.

Ключевые слова: вовлечение личности в криминальную деятельность, детерминанты вовлечения, самововлечение, функции вовлечения.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-96-100

В условиях радикально трансформирующегося социума и динамически меняющегося социокультурного бытия современного человека появляются новые социально-психологические источники и механизмы криминализации личности. В настоящее время к области криминальной активности приобщаются индивиды, имеющие самые разные психологические, социальные и правовые характеристики. Расширение побудительных и смысловых оснований криминального поведения является одной из причин вовлечения в преступную деятельность субъектов, различающихся своими нравственно-правовыми и моральными характеристиками.

Понятие «вовлечение личности в криминальную деятельность» понимается нами как приобщение субъекта к преступному поведению в форме возникновения преступного намерения и последующего совершения преступления [1]. Согласно определениям, имеющимся в толковых словарях русского языка (В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой), понятие «вовлекать» означает следующее: 1) осуществление действий одной личности по отношению к другой; 2) наличие

взаимодействия двух сторон – вовлекающего и вовлекаемого; 3) реализация функции активности вовлекающего в отношении вовлекаемого; 4) совершение различных действий, таких как использование силы, убеждение, принуждение, обольщение, угрозы, подкуп и др. [2–5].

В настоящее время онтологический статус понятия «вовлечение» является недостаточно определенным в науке. Наиболее разработано данное понятие в области права, где вовлечение понимается как физическое либо психическое влияние, направленное со стороны вовлекающего на убеждения вовлекаемого. В психологической науке понятие «вовлечение» используется лишь в отдельных исследованиях. Между тем, на наш взгляд, понятие «вовлечение» является подходящим конструктом для решения проблемы выявления социально-психологических механизмов криминального поведения личности в современном мире и объяснения наблюдающегося в современном российском обществе феномена расширения социальной базы преступности.

Следует отметить, что научные изыскания проблемы вовлечения личности в совершение преступления, выполненные исследователями в правовом контексте, традиционно касаются только одной возрастной группы – несовершеннолетних. Однако, как нам представляется, область изучения проблемы вовлечения является более широкой в плане объекта исследования.

Как показывает реальная практика, не только несовершеннолетние (подростки) в силу недостаточной зрелости их психической сферы становятся объектами вовлечения, но и представители других возрастных групп. Речь идет, прежде всего, о лицах молодежного, юношеского возраста, а также морально неустойчивых, латентно-криминальных лицах зрелого возраста. Податливость, чувствительность человека к вовлекающим стимулам связана не только, а в некоторых случаях и не столько с возрастом, сколько с особенностями личности (прежде всего, морально-правовой, эмоциональной, регулятивной ее сферами). Основные положения, представленные в заявленном подходе, и результаты

проведенных ранее эмпирических исследований явились основанием предлагаемой нами классификации детерминант вовлечения личности в криминальную деятельность [6–8].

Вовлечение в преступление может иметь в качестве детерминант следующие разновидности источников: *внешние; внутренние; комплексные*, содержащие как внутренние, так и внешние детерминанты.

Внешние детерминанты предполагают наличие внешней силы – «вовлекателя» (отдельной личности или группы). Функция «вовлекателя» – оказание целенаправленного воздействия на личность вовлекаемого. Внешняя сила представлена конкретными действиями «вовлекателя»: психологическим давлением, психологическим насилием, принуждением, «затягиванием», «соблазнением», манипуляциями. «Вовлекатель» регулирует и направляет поведение вовлекаемого.

В процессе реализации действия вовлечения: 1) создаются подходящие психологические условия для его осуществления (с точки зрения целей вовлекателя); 2) последний осуществляет «проникновение» в психическую сферу вовлекаемого и частично или полностью «захватывает» ее, направляя сознание и волю в определенное русло (способствуя формированию у вовлекаемого криминальных намерений); 3) в личности объекта вовлечения формируется новое психологическое образование – намерение совершить преступление; 4) возникает специфический психологический продукт их взаимодействия (результат) в виде приобщения вовлекаемого к криминальной деятельности. Одним из условий реализации действия вовлечения как процесса является потенциальная способность психики человека к изменчивости.

При изучении этого понятия как процесса можно выделить его динамические параметры (скорость «продвижения» формирование криминальных намерений и криминального реагирования, интенсивность) и субъективные параметры (эмоциональное отношение личности к факту вовлечения в преступление, готовность к совершению преступлений). При этом вовлекаемый приобщается к преступлению либо стихийно (на эмоциональной основе), либо рационально, вследствие сознательного принятия криминальной идеи, транслированной со стороны субъекта вовлечения.

Функция вовлечения может быть рассмотрена с точки зрения активности двух видов: 1) активности вовлекающего субъекта как приобщения вовлекаемого к криминальному поведению; 2) ответной активности объекта вовлечения вследствие активных действий вовлекателя,

выраженной в форме возникновения криминального намерения и последующего совершения преступления. При этом содержание компонентов активности вовлекателя и вовлекаемого будут отличаться: активность вовлекателя первична, она контролируется сознанием и регулируется его волей. Активность вовлекаемого вторична – она является реакцией на действия субъекта вовлечения. Вовлекаемый может осознавать факт вовлечения в криминальную ситуацию, но может и не осознавать (в случае, когда вовлекатель использует особо изощренные способы вовлечения, например, внушение или манипуляцию). В случае осознания вовлекаемым внешнего воздействия на собственную личность его воля остается активной и он может с ее помощью контролировать собственное поведение. В противном случае (когда вовлекаемый не осознает такого воздействия) наличие вовлечения может остаться незамеченным.

Результативной стороной вовлечения личности в криминальную деятельность является вовлеченность в нее разной степени выраженности. В этой связи целесообразно выделить такие параметры вовлечения, как глубина, активность и обратимость. Первая отражает степень проникновения криминальности в личность вовлекаемого. Вторая проявляется в инициативной, деятельной, субъектной стороне криминальной самореализации личности. Под обратимостью мы понимаем возможность психологического «возвращения» субъекта к установкам законопослушной личности и возвращение в исходное дискретное состояние его ценностно-нормативной и психолого-правовой сферы (потенциально такая возможность имеется у каждого преступника).

Результатом действий «вовлекателя» является «затягивание» вовлекаемого в «криминальное поле», приобщение последнего к совершению преступления.

При наличии *внутренней детерминанты* вовлечение личности в криминальную деятельность происходит посредством самодетерминации и самомотивации, т.е. речь идет о самововлечении – процессе, предполагающем самодетерминацию криминального поведения субъекта. Значение использования местоимения «само» – указать направленность действий на того, кто их осуществляет. Здесь человек одновременно выступает и в роли субъекта, и в роли объекта вовлечения. В случае самововлечения личность автономна, она самостоятельно принимает решение о совершении преступления, рассматривая преступный способ в качестве наиболее приемлемого, привлекательного с точки зрения достижения поставленных целей.

При этом криминальная норма о возможности и допустимости достижения цели преступным способом является для человека внутренней ценностью, а преступное поведение – его жизненным выбором. Результатом самововлечения является формирование у человека криминальной установки и намерения совершить преступление.

Применительно к индивидуальным преступлениям имеются следующие классы индивидуальной разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность: а) актуализация (реализация) сформировавшейся в процессе личностного развития криминальной жизненной программы субъекта преступления; б) отреагирование личностью интенсивного источника психического напряжения (внутриличностного конфликта, стресса, фрустрации), в принятии решения субъект руководствуется эмоциями; в) переоценка ценностных оснований личности, пересмотр системы своих жизненных целей и ценностей в пользу криминальных; г) разрешение личностью когнитивного диссонанса, связанного с проблемой приемлемости/неприемлемости криминальных форм поведения.

Комплексные (содержащие как внутренние, так и внешние) источники детерминации представлены вариантом взаимодействия в системе личность – малая социальная группа. Асоциальная группа может быть двух типов: а) неформальная постепенно «продвигающаяся» к криминальности (от совершения мелких правонарушений до серьезных преступлений); б) легально действующая криминальная группа, рекрутирующая в свой состав членов из числа работников. В случае легально действующей криминальной группы речь идет об официально действующей фирме или компании, созданной с целью имитации коммерческой деятельности, преступного обогащения (псевдопредпринимательство). Содержание деятельности такой организации криминально. Как правило, она действует «под прикрытием»: ее интересы лоббируют коррумпированные чиновники, коррумпированные сотрудники правоохранительной системы оказывают поддержку и защиту. Для реализации преступных целей криминальная организация производит рекрутирование в состав членов лиц, необходимых ей для решения своих задач.

В случае неформальной асоциальной группы, постепенно «продвигающейся» к криминальности, важным является следующее. Социальное взаимодействие внутри такой общности строится на эмоциональной основе: в группе доминируют отношения привязанности, дружбы, взаимной личностной привлекательности; между ее членами есть взаимопонимание: учитываются мо-

тивы и цели действий товарищей и происходит идентификация с ними. Поведение каждого члена группы строится в соответствии с ориентациями на присутствие других. С точки зрения теории социального обмена, в процессе взаимодействия в группе происходит обмен действиями – между субъектом и его окружением. Каждый член группы, дорожающий принадлежностью к ней, стремится к получению социального вознаграждения и социальной выгоды. Прежде всего, речь идет о социальном одобрении со стороны членов референтной социальной общности: получении уважения, одобрения, дружбы.

Таким образом, преступное поведение членов группы формируется постепенно и является социальным процессом – «продвижением» к криминальности. Принятое решение является результатом процессов интеграции в группе; выработка криминального решения происходит постепенно, когда криминальные нормы принимаются членами группы; организуются совместные действия, позволяющие группе реализовать «общую для ее членов деятельность»; в рамках процесса коммуникации вырабатываются формы и нормы совместных действий. При совершении совместных криминальных действий содержание деятельности антисоциально.

Наиболее хорошо эта проблема изучена в области подростковой преступности. Принятие «криминального» решения подростками происходит солидарно, в условиях внешне демонстрируемого со стороны членов группы согласия: кто-то из членов группы выступает с предложением о совершении преступления, остальные высказывают свое мнение, большая часть группы демонстрирует одобрение, несогласные подчиняются мнению большинства. В силу действия социально-психологического механизма конформности демонстрации антагонизма со стороны членов группы не возникает.

Психологический механизм взаимодействия при реализации криминального действия определяется сочетанием групповых и индивидуальных мотивов участников, а групповое решение является результирующей вкладов ее членов. Криминальная деятельность реализуется как следствие (результат) процессов взаимодействия членов группы.

Каждый член группы вносит индивидуальный вклад в развитие группы: криминальная идея может быть привлекательной для одного из членов группы; некоторые члены группы высказывают суждения, отражающие привлекательность криминальной идеи. Это может возникнуть после просмотра фильма с криминальным содержанием, обсуждения криминальных

действий, осуществляемых знакомыми, сверстниками; другие члены группы обсуждают ее, высказывают мнения. Кроме того, криминальная идея может возникнуть в связи со стремлением реализовать жизненные планы и удовлетворить значимые потребности: каждому члену группы необходимо нечто материальное, но они не видят возможности или не желают достигать этой цели законопослушным способом; члены группы приходят к выводу о невозможности достижения собственной цели иным способом.

Криминальное вовлечение личности внутри такой группы является следствием социально-психологических процессов, происходящих в ней. Каждый член группы «впитывает» криминальные идеи, и постепенно они становятся частью его собственной личности. Первые правонарушения могут выполнять функцию социальных «проб», своеобразной «игры», поисков себя. «Заражение» криминальными идеями, приобщение к криминальным поступкам происходит постепенно: в процессе совместного времяпрепровождения, общего досуга (совместный просмотр фильмов с криминальной тематикой, их обсуждение, зарождение и обсуждение криминальных идей, намерений и целей) члены группы осуществляют криминальное «продвижение». На момент совершения деликта каждый из членов демонстрирует готовность участвовать в нем.

В случае легально действующей криминальной группы, рекрутирующей в свой состав членов из числа своих работников, вхождение личности в зону практик криминального доминирования происходит по-разному. Соприкосновение личности с этими практиками может происходить в рамках как производственных (рабочих) отношений, так и психологических (эмоциональных). В первом случае соприкосновение личности с криминальными практиками и её дальнейшее вовлечение в криминальную деятельность определяется включенностью человека в профессиональную среду. Речь идет о том, что человек, иногда случайно, иногда намеренно оказавшийся вовлеченным в деятельность такой криминальной организации, постепенно внутренне интегрируется с ней и идентифицируется с её ценностями. Принципиально важным здесь является отсутствие фактора личных симпатий или антипатий: речь идет об отношениях, которые носят безличный характер и определяются социальной ролью, выполняемой человеком.

В рамках действующих легитимно криминальных групп социальная роль преступника и его криминальная деятельность являются одобряемыми. В структуре данной разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность её

функционирование («погружение», существование) в зоне социальных практик криминального доминирования является определяющим; в таких условиях личность постепенно «растворяется» в криминальной среде.

Таким образом, вовлечение личности в криминальную деятельность происходит по-разному: а) в результате внешнего влияния (человека или группы); б) под влиянием внутренних детерминант – процессов самодетерминации, обусловленных активностью личности; в) из-за влияния комплексных детерминант (внешних и внутренних).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в аномичном российском обществе» (№ 13-06-00491).

Список литературы

1. Романова Н. М. Вовлечение личности в криминальную деятельность : к постановке проблемы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 80–86.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А–З. М., 1978. 699 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. 1562 с.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М., 2006. Т. 1. 699 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008. 944 с.
6. Романова Н. М., Сплошнова Е. А., Киселёв К. А. Типология современных мошенников : фрустраторы и мотивировки // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 9. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/download/9201387/pdf_489 (дата обращения: 25.04.2015).
7. Романова Н. М. Вовлечение в криминальную деятельность : психология личности и группы. Саратов, 2013. 192 с.
8. Romanova N. M. Classification of criminal groups // CBU International Conference on Integration and Innovation in Science and Education (April 7–14, 2013). Prague, 2013. P. 129–134.

Kinds of Involvement of the Personality in Criminal Activity

N. M. Romanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: romanovanm@info.sgu.ru

The article describes the main provisions of the author's approach to the analysis of problems involving the individual in criminal

activity. The phenomenon is seen to involve both the process and the result. The author suggests a classification of the individual determinants of involvement in criminal activities: external, internal and integrated. External determinants of the involvement of the individual in criminal activity are considered in terms of the presence of foreign forces – involving person. Domestic determinants suggest a process of self-determination of the criminal behavior of the subject. Complex determinants presented one interaction in the person – a small social group (the informal group of asocial; legally valid criminal group). The functions of the involvement of their content, the variety, the conditions of implementation. The proposed classification model involving the individual in criminal activity contributes to the understanding of the psychological nature of criminal behavior.

Key words: the involvement of the individual in criminal activities, the determinants of engagement, self-involvement, functions involvement.

References

1. Romanova N. M. Vovlechenie lichnosti v kriminalnuyu deyatel'nost: k postanovke problem (The involvement of the individual in criminal activity: to the problem). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 3. pp. 80–86.
2. Dal V. I. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. (Explanatory Dictionary of Russian language: in 4 vol.). V. 1: A–Z. Moscow, 1978, 699 p.
3. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t. (Dictionary of Russian: in 4 vol.). Ed. D. N. Ushakov. Moscow, 1935, vol. 1. 1562 p.
4. Efremova T. F. Sovremennyy tolvovyy slovar russkogo yazyka: v 3 t. (Modern Dictionary of the Russian language: in 3 vol.). Moscow, 2006. 699 p.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka (Dictionary of Russian language). Moscow, 2008. 944 p.
6. Romanova N. M., Sploshnova E. A., Kiselev K. A. Tipologiya sovremennykh moshennikov: frustratory i motivirovki (Typology of modern fraudsters: frustratory and motivation). *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* (Modern researches of social problems). 2013, no. 9. Available at: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/download/9201387/pdf_489 (accessed 25 April 2015).
7. Romanova N. M. *Vovlechenie v kriminalnyuyu deyatel'nost: psikhologiya lichnosti i gruppy* (Involvement in criminal activities: psychology of the individual and the group). Saratov, 2013. 192 p.
8. Romanova N. M. Classification of criminal groups. CBU International Conference on Integration and Innovation in Science and Education (April 7–14, 2013). Prague, 2013, pp. 129–134.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОМ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Богомолова Мария Ивановна –

доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики,
Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы семьи и семейного воспитания, к которым обращались в своих трудах как выдающиеся педагоги – К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт, П. Ф. Каптерев, так и общественные деятели – Н. В. Шелгунов, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов. Семейное воспитание имеет большое значение в историческом развитии общества, так как именно семья, являясь для ребенка первым и наиболее значимым проводником социального влияния, вводит его во все многообразие родственных отношений, домашнего быта, вызывая те или иные чувства, действия, способы поведения, оказывая влияние на формирование привычек, черт характера, психических свойств. Многие ценные находки великих педагогов прошлого несправедливо забыты. Обращение к ним и их объективная оценка с позиции современности обогатят полезными советами теорию и практику воспитания и обучения детей в настоящее время.

Ключевые слова: семья, семейное воспитание, кумовство, дома молодежи, кормильство, домашнее воспитание, внесемейные формы.

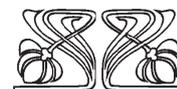
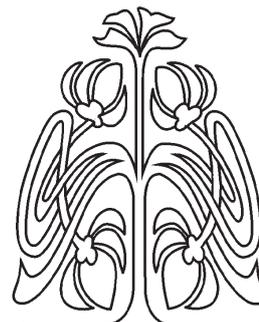
DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-101-105

Педагогический труд – древнейшая деятельность людей. Этим благородным делом человек занимался ещё до появления письменности и школ: в первобытном обществе наиболее способные представители рода или племени передавали свои знания, умения и навыки молодым представителям своего сообщества. Русские сказители, гуслиеры и бояны являлись передатчиками знаний, творчества и народных традиций подрастающему поколению.

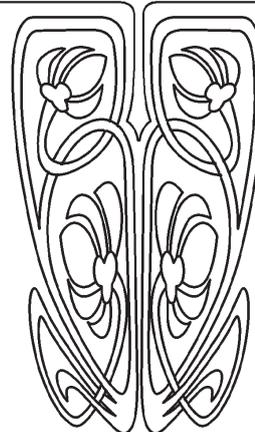
Развитие и становление системы воспитания в любом государстве тесно связано с историей. Анализ историко-архивных, законодательных документов в области образования на Руси, нормативно-правовых, публицистических и художественных источников позволяет говорить о семейном и домашнем воспитании как сложном образовательном процессе, обусловленном изменением общественного, социально-культурного и экономического положения страны.

Начиная с глубокой древности, народ создавал свою педагогику, готовил детей с помощью разнообразных воспитательных средств к практической деятельности, к жизненной борьбе. В IX в. у древних славянских племен стали зарождаться элементы наставнической деятельности.

При матриархате в период экзогамии отец ребенка был неизвестен, поэтому мужчины и женщины жили отдельно, а дети принадлежали материнскому роду. До 4–5 лет дети обоего пола воспитывались в доме матери, потом мальчики переходили в дом мужчин, где их обучали практическим умениям. Воспитание детей поручалось

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

наставникам, обучавшим детей «житейским премудростям» в «домах молодежи». Возраст детей и длительность обучения определялись индивидуальными особенностями детей и степенью их социализации.

В VI в. воспитанием и обучением детей занимались близкие родственники (как правило, брат сестры – дядька). При этом воспитателей выбирали из числа соседей, отдавая предпочтение порядочным и благочестивым, это называлось «кумовство».

Детей знати часто отдавали до 7–8 лет в другую семью («Кума да кум поставят на ум»). Очевидно, и этот обычай был порождением первобытно-общинного воспитания, способом поддержания целостности рода. Не случайно и по сей день подобные формы воспитания сохраняются у народностей, ведущих архаичный образ жизни. По истечении отрочества девушки оставались под опекой матери, а мальчики продолжали обучение у отца, овладевая, как правило, его навыками – земледельца, ремесленника, ратника. Дети дружинников уже с 12 лет жили в особых домах – гридницах. Таким образом, в VI в. у восточных славян воспитание отроков осуществлялось через внесемейные формы: дядек, «кумовства» и в «домах молодежи».

Внесемейные формы воспитания детей постепенно заменялись, семья с VIII в. перестала отдавать своих детей на воспитание в другие руки. О появлении в семье воспитательной функции следует говорить, начиная с VIII–IX вв., когда дети стали жить с родителями. Став многодетной, семья перестала нуждаться в воспитателях со стороны – дядьках и кумовьях. Старшие дети в семье заботились о младших, беря на себя все хлопоты по уходу и воспитанию. Повзрослев, дети рано привлекались к посильному труду по дому, отвечали за хозяйство и быт.

Аналогично явлению кумовства, дети княжеского рода передавались на воспитание в другую семью. Такая форма воспитания детей получила название «кормильства». Кормильство – социально-педагогическое явление на Руси X–XII вв. характеризовалось как наставничество и ответственность за нравственное, духовное и физическое воспитание молодых княжичей.

С приходом на Русь христианства функции воспитателей с добропорядочных соседей (кумов) были переложены на священнослужителей. Кумовство и кормильство в воспитании детей использовали средства народной педагогики: потешки, пестушки, загадки, жеребьевки, сказки, былины, приговоры, колыбельные песни. Именно они раскрывали содержание обучения и воспитания: формировали нравственные идеалы

и нормы общения, отражали богатую и самобытную историю народа, украшая и сопровождая ее с детских лет жизни.

Мать, являясь первой воспитательницей детей в семье, приобретает особые права и уважение всех членов семьи. Почитание и уважение матери стало нравственной заповедью и нашло отражение в народной педагогике в форме поговорок и пословиц.

Исторические периоды развития российского государства характеризуются определенными взглядами на обучение и воспитание детей, возможностями осуществления образовательного процесса, потребностями общества в образованных и воспитанных людях и, наконец, состоянием государственной образовательной системы.

В истории развития семейного воспитания выделяют внесемейные формы воспитания – кумовство и кормильство, с помощью которых дети получали знания не от родителей, а от соседей – дядек и других семей с помощью приемов народной педагогики.

О характере и направлении семейного воспитания на Руси в этот период дает некоторое представление сборник наставлений, относящийся к семейному быту, – «Домострой». В нем много внимания уделялось воспитанию детей. «Домострой», обособляя семью от всего окружающего мира, рекомендовал суровые формы обращения хозяина дома с домочадцами, отца – с детьми. В детях требовалось воспитывать любовь к богу, страх перед ним, умение почитать служителей церкви, беспрекословно повиноваться старшим. Эти советы излагались в особой главе, которая так и называлась – «Како детей своих воспитати во всяком наказании и страхе божиим». Здесь же рекомендовалось обучать детей вежливости, всяким домашним работам и ремеслам, матери должны учить дочерей, а отцы – сыновей. В «Домострое» указано, какими средствами и методами обучать детей. В главе под названием «Како детей своих учити и страхом спасати» автор требовал установить в доме строжайшую дисциплину и заставить сыновей и дочерей подчиняться установленному порядку: «Любя же сына своего, учаши ему раны...», т.е. рекомендуются физические наказания и воспеваются розга, как спасительное средство воспитания.

Воспитание детей в крестьянской семье на протяжении веков менялось незначительно, сохраняя присущие ему особенности и в XVIII, и в XIX, и в начале XX в. Ученые конца XIX – начала XX в. заложили начала семейного воспитания как научного направления: определили цели, задачи воспитания и обучения детей в семье. Многие положения, сформулированные

педагогами того времени, остаются актуальными для сегодняшнего дня, например, воспитание ребенка как гражданина, имеющего обязанности перед семьей, государством, обществом. Современному звучит требование единого, целостного характера воспитания, опирающегося на специфику возраста, индивидуальные предпосылки и тенденции развития [1, с. 16].

Видный общественный деятель и педагог П. Ф. Лесгафт (1837–1909) в своей книге «Семейное воспитание ребенка и его значение» изложил научные основы семейного воспитания детей [2]. Он выдвинул перед родителями требование: «щадить личность своего ребенка», показал, как важно сочетание известной свободы деятельности детей (наблюдение за деятельностью взрослых, явлениями окружающей жизни, выяснение связи между ними и т.д.) и разумного руководства, любви и внимания к их нуждам и потребностям со стороны родителей. Он также выдвинул несколько главных требований к организации воспитания в семье: чистота, последовательность в отношении слова и дела при общении с ребенком, отсутствие произвола в действиях воспитателя, признание личности ребенка. «Вся тайна семейного воспитания, – писал П. Ф. Лесгафт, – в том и состоит, чтобы дать ребенку возможность самому развертываться, делать все самому; взрослые не должны забегать и ничего не делать для своего личного удобства и удовольствия, а всегда относиться к ребенку с первого дня появления его на свет, как к человеку, с полным признанием его личности...» [2, с. 164–165].

Он считал совершенно недопустимыми телесные наказания детей. Рекомендую создавать для детей необходимые условия, чтобы они могли «жить жизнью ребенка», П. Ф. Лесгафт требовал от родителей и воспитателей строго обдуманых, последовательных действий, предусматривающих выработку у детей навыков сосредоточенности, дисциплинированности, доведения дела до конца.

Все выдающиеся педагоги единодушно и справедливо отмечают решающее влияние семьи на формирование личности, большое значение примера родителей в воспитании детей. Так, К. Д. Ушинский писал: «Мораль заключается не в словах, а в самой жизни семьи, охватывающей ребенка со всех сторон и отовсюду ежеминутно проникающей в его душу» [3, с. 253]. Поэтому супруги, готовясь стать воспитателями ребенка, должны совершенствовать свои нравственные качества.

В своем «Руководстве к преподаванию» К. Д. Ушинский так определяет назначение учебной книги «Родное слово»: «Издавая руководство

для учащихся по “Родному слову”, я имел в виду не только школу, но и семью. У нас более чем где-нибудь распространено домашнее первоначальное обучение, и дай Бог, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей, я вынес из этого осмотра полное убеждение, что первоначальное воспитание и учение детей, по крайней мере, до 8-летнего или 10-летнего возраста, более на месте в семье, чем в общественной школе, и что самая школа для малолетних детей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу. Я нередко любовался устройством малолетних школ за границей, но везде находил дурным, что они избавляются от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощен личным и тяжелым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвятить обучению своих малюток те немногие часы или, лучше сказать минуты дня, какие для этого нужны <...> Желал бы от всей души, чтобы на моей родине, рядом с устройством малолетних школ для детей, не могущих, по каким-либо уважительным причинам, пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и учения, развивались в русской женщине склонности и умения самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей <...> Вот почему, назначая мой учебник не только для школы, но и для семьи, я счел необходимым приложить к нему такое руководство для учащихся, которое ведет их шаг за шагом в деле первоначального обучения отечественному языку...» [1, с. 24–25].

Семья – ячейка общества. Отсюда следует: общество – это то, что создано из семей. И мы не можем не согласиться с высказываниями революционера-демократа и педагога-публициста Н. В. Шелгунова (1824–1891). В своих письмах о воспитании он обращался к родителям: «Родители! Если вы хотите создать из своих детей членов общества и истинных граждан, прежде всего, сформируйте в них гуманное генеральное понятие о человеке. Человек не враг для человека, он для него не предмет для эксплуатации, он для него равноправное существо, орудие взаимной солидарности. Не бойтесь, что такое понятие превышает средства детской мысли. Это понятие будет формальным понятием, то есть таким, которое через мысль подействует, наконец, и на чувства».

«Семья, – писал Н. В. Шелгунов, – есть микрокосм того общества, которое его создало, и потому между обществами и семьей существует самая тесная солидарность. Каждая семья настолько дурна или хороша, насколько создавшее

её общество. Созданная сама обществом, она, в свою очередь, воспитывает для него членов, и в этом заколдованном круге вращается воспитание ...» [4, с. 206].

Ценным вкладом в развитие педагогики семейного воспитания были работы П. Ф. Каптерева «Задачи и основы семейного воспитания», «О природе детей», «О детских играх и развлечениях», а также «Энциклопедия семейного воспитания и обучения», редактором которой он был с 1898 г. В этих трудах П. Ф. Каптерев дал историю семейного воспитания в России, выделив его отрицательные и положительные черты. Семья, по его мнению, должна быть построена на принципе свободы и уважения других членов семьи: «В семье не должно быть насильника, который имел бы полноты прав и минимум обязанностей, по отношению к которому все другие члены семьи имели бы минимум прав и максимум обязанностей. Все члены семьи имеют свои права, обуславливаемые их возрастом и положением <...> Семья, имеющая в виду воспитать гражданина, должна живо интересоваться гражданскими, то есть общественными, вопросами и делами» [5, с. 239].

П. Ф. Каптерев подчеркивал, что главная роль в семье принадлежит женщине, матери. Он считал, что если мать ясно понимает положение общества и государства, их взаимные отношения и те ближайшие задачи, которые стоят на очереди у того и у другого, то она может оказать могущественное содействие образованию человека-гражданина; если она чужда всем подобным вопросам и головой погружена в переживание разнообразных мелочей своей женской жизни, тогда во влиянии семьи на формировании из дитяти человека-гражданина будет весьма заметный и чувствительный пробел [5, с. 238].

Несомненно, П. Ф. Каптерев был прав. Если мы говорим о том, что семья – ячейка общества, она должна интересоваться состоянием своего общества, а также информировать настолько, насколько это возможно, будущего члена общества (сегодняшнего ребенка) о том, какое оно, какие изменения происходили и происходят в нем, а также включаться в общественное дело, принимать участие всей семьей в общественно полезных работах (посадка саженцев, заповедников, парков, участие в праздничных демонстрациях), чтобы дети были подготовлены и легко адаптировались в будущем к общественной жизни страны, к обществу в целом [5].

Сторонниками семейного воспитания были также Л. Н. Толстой и Н. И. Пирогов.

Л. Н. Толстой полагал, что детей дошкольного и раннего школьного возраста надо воспитывать

и обучать в семье. Он возмущался тем, что богатые родители отдают своих детей с самого раннего возраста в пансионы и другие воспитательные учреждения, где они не воспитываются, а портятся воспитанием, изолированные от семьи и общества.

В 1856 г. вышла статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», освещавшая проблемы воспитания. Н. И. Пирогов считал, что семейное воспитание – та основа, на которой строится дальнейшее общественное воспитание: в процессе семейного воспитания мать должна через игру прививать детям элементарные знания и нормы поведения в обществе. Первоначальное семейное воспитание детей дошкольного возраста он считал той ступенью, с которой начинает формироваться нравственный человек, той основой, на которой строится дальнейшее школьное образование.

Список литературы

1. Ушинский К. Д. Родное слово // Пед. соч. : в 6 т. М., 1989. Т. 4. 528 с.
2. Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М., 1991. 175 с.
3. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании. // Пед. соч. : в 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 194–257.
4. Шелгунов Н. В. Письма о воспитании // Избр. пед. соч. М., 1954. 404 с.
5. Каптерев П. Ф. Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей. М., 1982. 703 с.

Problem of a Family and Family Education in the Russian Historical and Pedagogical Heritage

M. I. Bogomolova

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
4, 100-letiya since the birth of V. I. Lenin sq., Ulyanovsk, 432700,
Russia
E-mail: mariyabogomolova@mail.ru

In article problems of a family and family education to which addressed in the works as outstanding teachers – K. D. Ushinskiy, P. F. Lesgaft, P. F. Kapterev, and public figures – N. V. Shelgunov, L. N. Tolstoy, N. I. Pirogov are considered. Family upbringing is of great importance in historical development of society as a family, being the first and most significant conductor of social influence for the child, enters it into all variety of the related relations, a family life, causing these or those feelings, actions, ways of behavior, having impact on formation of habits, traits of character, mental properties. Many valuable finds of great teachers of the past are unfairly forgotten. The address to them and their objective assessment from a position of the present will enrich with useful tips the theory and practice of upbringing and education of children now.

Key words: family, children's upbringing in a family, relationship of godparents, houses of youth, home education, types of family upbringing.

References

1. Ushinskiy K. D. *Rodnoye slovo* (Native word). Ped. soch.: v 6 t. (Pedagogical works: in 6 vol.). Moscow, 1989, vol. 4. 528p.
2. Lesgaft P. F. *Semeynoye vospitaniye rebenka i yego znacheniyе* (Family education of the child and his value). Moscow, 1991. 175 p.
3. Ushinskiy K. D. *O narodnosti v obshchestvennom vospitaniy* (About a nationality in public education). Ped. soch.: v 6 t. (Pedagogical works: in 6 vol.). Moscow, 1988, vol. 1, pp. 194–257.
4. Shelgunov N. V. *Pisma o vospitaniy* (Letters on education). Izbr. ped. soch. (Chosen pedagogical works). Moscow, 1954, 404 p.
5. Kapterev P. F. *Ob obshchestvenno-nravstvennom razvitiy i vospitaniy detey* (About public and moral development and education of children). Moscow., 1982. 703 p.

УДК 027.625+ 37.011.33

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Морковкина Анна Юрьевна –

аспирант кафедры литературы и библиотечной работы с детьми и юношеством, Институт информационных коммуникаций и библиотек, Московский государственный университет культуры и искусства
E-mail: oreshnik2006@yandex.ru

Статья посвящена гражданско-патриотическому воспитанию подрастающего поколения как важнейшей составляющей духовно-нравственной воспитательной работы в детско-юношеской библиотеке. Это направление библиотечной деятельности последних десятилетий является актуальным в контексте глобальной проблемы – кризиса духовности современной молодежи. По мнению ведущих специалистов отечественного библиотековедения, общественных деятелей, публицистов, философов, представителей духовенства, именно библиотека обладает наиболее значительным воспитательным потенциалом, разрабатывая и осуществляя эффективные целевые программы в рамках «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Традиционные формы и методы гражданско-патриотического воспитания в современной библиотеке реализуются с привлечением инновационных, преимущественно мультимедийных технологий. В то же время приоритетными в плане духовного воспитания остаются работа с классикой и современной литературой, «живое» выступление ветеранов войн, священнослужителей, писателей, публицистов, мастеров художественного слова.

Ключевые слова: детско-юношеские библиотеки, гражданско-патриотическое воспитание, духовно-нравственные ориентиры, кризис духовности, формирование личности юного читателя, традиционные и инновационные методы воспитательной работы, воспитательный потенциал русской классической и современной литературы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-105-110

Гражданственность и патриотизм, согласно «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [1, с. 5], являются базовыми национальными ценностями. Основная задача гражданско-патриотического воспитания – воспитание гордости за свою

землю, знание и уважение Конституции, герба, флага, гимна страны, изучение патриотических традиций. Общественные деятели, представители духовенства, публицисты, философы призывают воспитывать в детях трепетное отношение к «большой» и «малой» Родине, к семейным традициям.

По наблюдению ведущих специалистов Российской государственной детской библиотеки (РГДБ), в послеперестроечный период в нашей стране понятие «патриотизм» утратило значение, а «если это слово и использовалось, то только в отрицательном плане. Два, а то и три поколения выросли в атмосфере уничтожения страны, ориентации на западный образ жизни без учета ментальности народа. Даже само слово “воспитание” было исключено из лексикона ученых и педагогов» [2, с. 5]. Однако с этим нельзя полностью согласиться.

В феврале 2001 г. Постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2002–2005 годы» (№ 122). 5 марта 2002 г. состоялось заседание Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству по теме «Культура и дети: проблемы формирования духовного мира подрастающего поколения», а 25 июля 2002 г. министерствами Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, образования и культуры была проведена коллегия «О проблемах

формирования духовного мира подрастающего поколения». Эти документы стали определяющими в деятельности детско-юношеских библиотек и привели к высоким результатам. Так, в первом из названных документов, имеющем государственный статус, подчеркивается: «Патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [3, с. 23].

Героические события отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области политики, экономики, науки, культуры и спорта еще сохранили качества нравственных идеалов, что создает реальные предпосылки для разработки комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию граждан. Система патриотического воспитания предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов, массовую патриотическую работу, организуемую и осуществляемую государственными структурами, общественными движениями и организациями.

Системой государственных мер предусматриваются разработка программ, циклов и конкретных рекомендаций по усилению патриотической направленности, создание информационной базы данных в сети Интернет и другие существенные меры. Патриотические качества не формируются сами по себе: «В общественном сознании глубокой эрозии подвергаются такие ценности, как любовь к Отечеству, верность героическим традициям прошлого, чувство долга и понятие чести. Поэтому вопросы формирования патриотического менталитета всё чаще рассматриваются в контексте глобальной проблемы – кризиса духовности» [4, с. 38].

Важным звеном в системе мер по воспитанию у подрастающего поколения гражданственности и патриотизма является деятельность детско-юношеских библиотек. Их многообразная деятельность неразрывно связана с духовно-нравственным, эстетическим и патриотическим воспитанием. Любые мероприятия библиотек имеют целью приобщение к чтению, к родному слову, к истории и современной жизни страны, Родины. Патриотизму невозможно научить без любви к художественному слову, именно потому в данном воспитательном процессе чрезвычайно важна роль книги, детской и юношеской библио-

теки, учитывающей психологические и индивидуальные различия юных читателей разных возрастных групп.

Библиотечная работа по духовно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию в рамках целевых программ «позволяет выстроить систему мероприятий, сделав их более эффективными» [5, с. 25]: традиционные методы сегодня сочетаются с медиатехнологиями. Проводятся «библиомосты», виртуальные «круглые столы», разрабатываются слайд-презентации; наряду с этим продолжают пользоваться популярностью читательские конференции, диспуты, встречи с поэтами и писателями, обзоры современной литературы, презентации книг, «уроки равнодушных», беседы на темы нравственности [5, с. 24].

Анализ опыта работы детских библиотек России показывает, что они давно работают в актуальных направлениях государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.» [6, с. 5], используя весь арсенал форм и методов библиотечной деятельности. При этом многие библиотеки не только включились в региональные программы патриотического воспитания, но и разрабатывают собственные.

В воспитательной работе неоценима помощь различных социальных учреждений, отделов образования, психологов, социологов. «Не хотим, чтобы нынешняя молодёжь оказалась в стороне от происходящего в стране, городе, школе. Мы воспитываем наших читателей на примере героев книг, людей с интересной биографией», – заявляют библиотекари Омска [7, с. 42].

Заслуживают внимания многие региональные библиотечные программы по воспитанию гражданско-патриотической и нравственной позиции своих читателей. Так, в Курской областной библиотеке для детей и юношества это целевая программа «Память России», в Липецкой областной библиотеке для детей и юношества – программы «Честь имею», «Они сражались за Родину», «Военная слава России», в Воронежской областной детской библиотеке – программа «Эхо войны на карте Воронежской области». Три блока программы по гражданско-патриотическому воспитанию Мурманской областной библиотеки для детей и юношества освещают темы «Листая страницы истории», «Мой край Заполярным зовется», «Есть такая профессия – Родину защищать». Выполнение этих и многих других программ предусматривает целый комплекс мероприятий как для детей, так и для самих библиотекарей. Наиболее распространенными формами работы являются массовые мероприятия, направленные на раскрытие фонда документов детских

и юношеских библиотек. Сильными сторонами данных программ является стремление к координации усилий разных социальных институтов, общественных организаций, фондов и прочих структур. Деятельность детских и юношеских библиотек в этом направлении трудно переоценить: «Немаловажной является и стоящая перед библиотеками педагогическая задача помочь взрослому человеку сформировать понятия и представления, связанные с патриотизмом, помочь в осмыслении высших человеческих ценностей и идей, в развитии общественно-политической и нравственной защищенности от псевдокультурных и псевдонациональных вторжений в сознание ребенка, в организации всей жизни и деятельности юного читателя как нравственно ориентированной, а значит, и патриотичной личности» [8, с. 9].

Саратовская областная детско-юношеская библиотека им. А. С. Пушкина на протяжении своей 95-летней деятельности выполняет социальный заказ: патриотическое воспитание подрастающего поколения. Это направление является фундаментальной основой просветительской и воспитательной работы. С 1992 г. в детско-юношеской библиотеке был организован сектор краеведения. Здесь пользуется популярностью лекторий по краеведению с темами: «Здесь сердцу дорог каждый уголок», «Выдающийся ученый мира (об академике И. И. Вавилове)», «Они прославили наш край (о первооткрывателях и изобретателях – саратовцах)», «Поэты пушкинской поры в Саратовском крае». К краеведческой работе привлекаются сотрудники учебных заведений города, внешкольные учреждения дополнительного образования, городская станция туристов, краеведов и экологов, дворцы творчества юных, областная станция «Поиск», музеи, политические партии, общественные молодежные организации, областная редакция «Книги памяти». Воспитанию патриотизма и гражданственности служит пропаганда российской символики. В организации мероприятий по этой теме специалисты библиотеки используют, помимо книг, электронные ресурсы: «Президент России – гражданам школьного возраста», «Государственная символика Российской Федерации».

Совместно с областным центром патриотического воспитания для старшеклассников и учащихся колледжей проводятся циклы бесед и обзоров о Днях воинской славы России с обязательным привлечением краеведческого материала («Символы нашего края», «Галерея великих соотечественников», «Есть чем Саратову гордиться и есть что миру показать») [8].

К 200-летию Отечественной войны 1812 г. и победы русских войск (2012 г.) был разработан и проведен цикл выставок и бесед в сопровождении CD-презентаций «Генералы двенадцатого года»: «Надежда Дурова – кавалерист-девица», «Раевский – слава наших дней», «Новобранец двенадцатого года» (об И. И. Лажечникове), «Матвей Платов – атаман войска Донского», «П. Я. Чаадаев – гусар-философ», «Поэт и партизан Денис Давыдов». В настоящее время библиотека разрабатывает циклы мероприятий, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. По инициативе ОБДЮ им. А. С. Пушкина разработаны областные конкурсы творческих работ «Читаем о войне и о Победе», «Расскажи мне о войне»: наградой авторам лучших работ служит поездка в город-герой Волгоград.

Благодаря многообразию форм работы существенно возрастает интерес к книгам о Великой Отечественной войне. С 2012 г., по инициативе Волгоградской областной юношеской библиотеки, саратовцы участвуют в межрегиональной акции «Читаем детям о войне». Свообразный библиотечный флэшмоб проводится ежегодно накануне 9 мая: в 2014 г. все участники акции «Читаем детям о войне» прочли детям рассказ саратовского писателя-фронтовика Бориса Фёдоровича Озёрного «На подступах к Берлину» из цикла «Рассказы разведчика». На акции присутствовала дочь писателя С. Б. Дурнова, подарившая слушателям-школьникам сборник его фронтовой лирики; лучшие отзывы участников акции размещены на сайте Саратовской ОБДЮ им. А. С. Пушкина.

Патриотическое воспитание осуществляется библиотекой и в трансляции культурного наследия выдающихся ученых города: на протяжении почти двух десятилетий учёные Саратовского агроуниверситета им. Н. И. Вавилова помогают библиотекарям организовывать Малые Вавиловские чтения, общественная организация «Центр “Поиск”» – Гагаринские чтения, которые проходят в г. Энгельсе на базе музея Дальней авиации» [9, с. 213].

Однако основной задачей библиотек остается приобщение подрастающего поколения к главной духовной ценности – книге. «Классические произведения есть в каждой библиотеке. Сегодня они становятся всё более востребованными, так как переключаются с острыми проблемами современной реальности. Не случайно Российская государственная и Российская национальная библиотеки, выполняя правительственную программу, занимаются оцифровкой классики. Этот проект позволит сделать лучшие её образцы

доступными любому пользователю сети Интернет» [5, с. 23]. «Наша задача – вернуть обществу уважение к книге, показать, что когда речь идёт о формировании умственной и духовной культуры, библиотека оказывается вне конкуренции» [7, с. 42].

Среди отечественных авторов, чьи тексты привлекаются для прочтения и анализа, – ставшие классиками XX в. В. Распутин, А. Лиханов, А. Приставкин, В. Тендряков и многие другие. Многие современные прозаики и поэты, пишущие для детей, продолжают духовные традиции русской классической литературы; это подтверждается и в сегодняшней публицистике, в выступлениях писателей на научно-практических конференциях, «круглых столах». Но ряд авторов делает акцент на «развлекательности», отчего их тексты довольно поверхностны: «Литература для детей в стремлении лишь позабавить ребёнка лишилась главных своих достоинств: чувства сострадания, способности персонажей к глубоким душевным переживаниям и раздумьям. В массе своей она стала слишком поверхностной. В принципе, она отразила те явления, которые развивались в России: “человек государственный” превратился в “человека частного”», – утверждает В. Воскобойников, автор серии «Жизнь замечательных детей» [10, с. 6–7]. Писатель убеждён: литература и для детей и подростков конца XX – начала XXI в. представляет в большинстве своем «кальку с европейских и американских энциклопедий не первой свежести», в то время как «старой познавательной детской книге был присуще и чувство гордости за выдающихся российских людей и их достижения и подвиги» [10, с. 11].

Однако по единодушному мнению педагогов-словесников, воспитателей, многих родителей, остаётся актуальной проблема современных произведений гражданско-патриотического направления: «... вскрываются страшные истины <...> несмотря на изучение истории в школе, чтение произведений о Великой Отечественной войне в рамках большинства программ по литературе, многие наши сограждане <...> весьма туманно представляют себе, кто и как воевал в то далёкое для них время, кто победил и какова была цена этой Победы <...> такое происходит не по вине учителей, и даже не по “вине” программ по литературе» [11, с. 21–22]. «Сегодня, как никогда, ненавязчивое руководство чтением необходимо для того, чтобы указать читателям-школьникам возможные векторы читательского развития, пути познания мира и человека. При этом <...> ученикам, достигшим большего читательского развития, всегда предлагаются до-

полнительные произведения – благодаря этому списки являются открытыми, вариативными и дополняемыми» [11, с. 24].

Благодаря тому, что современные конкурсы детских писателей проводятся зачастую в сети Интернет (например, ставший уже популярным конкурс «Книгуру»), причем с указанием возрастных категорий, юные читатели могут, ориентируясь на свой возраст, познакомиться с текстами и отправить читательский отзыв на сайт. Детские библиотеки в данном случае осуществляют координационную работу. Победителем «Книгуру» 2011 г. стала повесть Э. Веркина «Облачный полк». Изданное массовым тиражом, теперь это произведение предлагается методистами для прочтения по ряду причин: «ученики 14–17 лет больше доверяют оценке событий прошлого своих современников, считают, что современные историки и литераторы менее предвзяты...» [11, с. 25]. Повесть «Облачный полк», по мнению библиотечных специалистов, актуальна для внеклассного чтения при подготовке школьников к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Подводя итог вышесказанному, отметим: среди задач, стоящих перед педагогами и библиотекарями при изучении современных произведений о войне, важными являются: формирование положительного отношения к прошлому Отечества; помощь в поиске жизненных ориентиров, базирующихся на нравственных основаниях; развитие национального самосознания учащихся; развитие мотивации к осмыслению как проблем современности, так и «вечных вопросов» русской литературы и русской истории.

Детские и юношеские библиотеки России накопили большой опыт в использовании различных форм и методов раскрытия своих фондов, приобщения детей, подростков, юношества к чтению литературы, способствующей формированию патриотизма. Однако остаются проблемы и в обобщении всего опыта работы по патриотическому воспитанию в библиотеках страны, и в разработке системы научного и методического обеспечения этого важного направления работы детско-юношеских библиотек. Выполнение этих задач является одним из приоритетных направлений современной библиотечной работы с подрастающим поколением.

Список литературы

1. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. 4-е изд. М., 2014. 23 с.
2. Патриотическое воспитание в детских библиотеках России /сост. Н. В. Бубекина. М., 2002. 36 с.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2002–2005 годы”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781482> (дата обращения: 12.03.2015).
4. Литвинова К., Игнатова Л. Её величество – Совесть : Вторые городские чтения «Патриот. Гражданин. Читатель» // Библиотека. 2012. № 9. С. 38–40.
5. Гурьян З., Шинникова В. Золотая коллекция : методики работы с подрастающим поколением // Библиотека. 2012. № 12. С. 23–25.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы Российской Федерации на 2011–2015 годы». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795. URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата обращения: 15.03.2015).
7. Мёрзлая В. А. Звезда человечности // Современная библиотека. 2013. № 5. С. 40–42.
8. Гражданско-патриотическое воспитание в Саратовской областной библиотеке для детей и юношества им. А. С. Пушкина. URL: http://vmo.rgub.ru/lib_activity/reports/saratov_10.php. (дата обращения: 14.04.2015).
9. Белоглазова А. Б. Воспитание национальной гордости и патриотических чувств на примере работы с молодёжью по краеведению // Библиотека и патриотическое воспитание молодёжи в современной России : тез. докл. науч.-практ. конф. (Волгоград, 20–21 апреля 2004 г.) / сост. И. А. Знаменщикова. Волгоград, 2005. С. 210–214.
10. Воскобойников В. М. Тема патриотизма в литературе для детей : давно, вчера и сегодня, а завтра? / От Кремля и до Кремля единая русская земля : тез. докл. науч.-практ. конф. «Патриотические ценности современной детской литературы : проблемы и достижения на всероссийском и региональном уровнях» : в 2 ч. Н. Новгород, 2010. Ч. 1. С. 6–7.
11. Кутейникова Н. Е. Чтение литературы о Великой Отечественной войне современными школьниками : размышления в процессе изучения прозы на уроках и вне их // Литература в школе. 2014. № 5. С. 21–27.

Civil and Patriotic Direction as Part of the Spiritual and Moral Upbringing of the Youth Library

A. J. Morkovina

Moscow State University of Culture and Arts
7, Bibliotchnaya str., Moscow reg., Himki, 141406, Russia
E-mail: oreshnik2006@yandex.ru

The article is devoted to civil and Patriotic education of the younger generation as the most important component of the spiritual and moral upbringing of the youth library. This direction of the library activity of the last decades is relevant in the context of the global problem of the crisis

of spirituality of the modern youth. According to the leading specialists of the national library science, public figures, writers, philosophers, clergy, it was the library has the most significant educational potential, developing and implementing effective target program in the framework of the Federal program of spiritual and moral education of children and youth. Traditional forms and methods of children's upbringing in modern library implemented with attraction of innovative, mainly multimedia technologies. At the same time a priority in terms of spiritual education will be working with classics and modern literature, “live” presentation of veterans of wars, clergymen, writers, publicists, masters of artistic word.

Key words: children and youth libraries, civil and patriotic education, spiritual and moral guidance, spiritual and moral guidance, crisis of spirituality, sharpening the personality of the young readers, traditional and innovative methods of educational work in the library, educational potential of Russian classical and modern literature.

References

1. Danilyuk A. Y., Kondakov A. M., Tishkov V. A. *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* (The concept of spiritual and moral development and education of the individual citizen of Russia). 4 ed. Moscow, 2014. 23 p.
2. Bubekina N. V. *Patrioticheskoe vospitanie v detskikh bibliotekakh Rossii* (Patriotic upbringing of children's libraries in Russia). Moscow, 2002. 36 p.
3. *Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 16 fevralya 2001 g. № 122 «O gosudarstvennoy programme “Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2002–2005 gody”»* (The decree of the Government of the Russian Federation of February 16, 2001, № 122 «On the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2002 – 2005”»). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901781482> (accessed 12 March 2015).
4. Litvinova K., Ignatova L. *Ee velichestvo – Sovest: Vtorye gorodskie chteniya «Patriot. Grazhdanin. Chitatel»* (Her Majesty – Conscience: the Second city reading «Patriot. The Citizen. Reader»). *Biblioteka* (Library), 2012, no. 9, pp. 38–40.
5. Guryan Z., Shinnikova V. Zolotaya kolleksiya: Metodiki raboty s podrastayushchim pokoleniem (Golden collection: the Methods of work with the younger generation). *Biblioteka* (Library), 2012, no. 12, pp. 23–25.
6. *Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2011–2015 gody»*. Uтверждена постановлением правительства Rossiyskoy Federatsii ot 5 oktyabrya 2010 g. № 795. (The state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2011–2015» approved by decree of the Government of the Russian Federation of 5 October 2010, no. 795) Available at: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (accessed 15 March 2015).
7. Merzlaya V. A. *Zvezda chelovechnosti* (Star humanity). *Sovremennaya biblioteka* (Modern library), 2013, no. 5, pp. 40–42.
8. *Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie v Saratovskoy oblastnoy biblioteke dlya detey i yunoshstva*

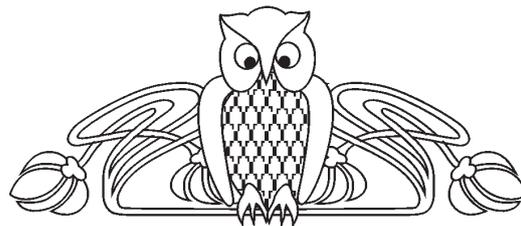
- im. A. S. Pushkina (Civil-patriotic education in Saratov regional library for children and youth n. A. S. Pushkin). Available at: http://vmo.rgub.ru/lib_activity/reports/saratov_10.php (accessed 4 April 2015).
9. Beloglazova A. B. *Vospitanie natsionalnoy gordosti patrioticheskikh chuvstv na primere raboty s molodezhyu po kraevedeniyu* (The education of national pride, patriotism on the example of youth work on local history). *Biblioteka i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennoy Rossii*: tez. dokl. nauch.-prakt. konf. (Volgograd, 20–21 apr. 2004) (Library and Patriotic education of youth in modern Russia: materials of the scientific-practical conference on {Volgograd, 20–21 Apr. 2004}). Volgograd, 2005, pp. 210–214.
 10. Voskoboynikov V. M. Tema patriotizma v literature dlya detey: davno, vchera i segodnya, a zavtra? (The theme of patriotism in the literature for children: a long time ago, yesterday and today, and tomorrow?). *Ot Kremlya i do Kremlya edina russkaya zemlya*: tez. dokl. nauch.-prakt. konf. «Patrioticheskie tsennosti sovremennoy detskoj literatury: problemy i dostizheniya na vserossiyskom i regional'nom urovnyakh»: v 2 ch. (From the Kremlin and the Kremlin unified Russian land: materials nauch.-practical conference «Patriotic values of modern children's literature: problems and achievements at national and regional level»: in 2 parts). Nizhniy Novgorod, 2010. Part 1, pp. 6–7.
 11. Kuteynikova N. E. *Chtenie literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne sovremennymi shkolnikami: razmyshleniya v protsesse izucheniya prozy na urokakh i vne ikh* (Reading books about the great Patriotic war, modern schoolchildren: reflections in the process of study of prose in the classroom and beyond). *Literatura v shkole* (Literature in school), 2014, no. 5, pp. 21–27.

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРОВ И АСПИРАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АГРАРНОГО ВУЗА

Павлова Наталия Ивановна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: pim60@mail.ru

Содержание вузовской социализации – педагогический процесс, направленный на формирование компетенций, структурированных в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального и высшего образования, социокультурной среды, необходимой для социализации личности, воспитание личностных качеств будущего специалиста, конкурентоспособность и востребованность которого зависит от уровня полученных им знаний в области основ наук и в процессе социальной адаптации. Языковая компетентность, основанная на языковой компетенции, представляет собой результат освоения языковой системы и овладения сведениями о языковых единицах, которая формируется благодаря институциональному механизму, модульной системе, активным методам обучения, личности преподавателя.

Ключевые слова: языковая компетентность, компетенция, социализация личности студентов, государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, институциональный механизм, активные методы обучения, мотивация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-110-115

Высшие учебные заведения играют большую роль в социализации личности студента, и именно образовательное пространство вузов формирует социальную зрелость. Основными этапами

социализации студентов являются адаптация, интеграция в вузовское сообщество (становление как субъекта обучения, приобретение знаний, умений, профессиональных и личностных качеств), формирование и совершенствование личности будущего специалиста, саморазвитие и самосовершенствование в различных видах деятельности [1, с. 2].

Под содержанием вузовской социализации мы понимаем педагогический процесс, направленный на формирование общекультурных, профессиональных и общепрофессиональных компетенций, формирование социокультурной среды, необходимой для социализации личности, воспитание личностных качеств будущего специалиста, конкурентоспособность и востребованность обществом которого зависит от уровня полученных им знаний, умений и навыков не только в области основ наук, но и в процессе социальной адаптации.

Образовательное пространство Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова характеризуется своими струк-

турными компонентами и связями между ними, которые определяют его строение и своеобразие, в нем культивируется личностный и профессиональный рост студентов, магистров, аспирантов и преподавателей. Компонентами этой системы являются: цель обучения, соответствующая государственным стандартам и той модели специалиста, которую готовит вуз; интеграция, дифференциация и открытость содержания образования как условия выбора студентами специализации, предполагающие использование различных дополнительных информационных и других источников учебного материала; вариативность учебных планов и программ, позволяющая моделировать процесс обучения, формулировать цели изучения дисциплин гуманитарного цикла, формировать общекультурные (ОК), профессиональные (ПК) и общепрофессиональные компетенции (ОПК), на базе которых формируется языковая (лингвистическая) компетентность.

Для определения степени владения материалом используют термины «компетенция» и «компетентность». Под первой понимается круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, или круг чьих-либо полномочий, прав [2, с. 347]. Под второй – осведомленность (основательные знания) в какой-либо области (например, уровень языковой компетентности) [2, с. 347].

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО) сформулированы требования к результатам освоения основных образовательных программ (далее – ООП) бакалавриата и магистратуры в виде компетенций, которые должны освоить студенты. Уровень сформированности компетенций оценивается по результатам прохождения итоговой государственной аттестации [3, с. 12].

В результате освоения программы аспирантуры у выпускника должны быть сформированы: универсальные компетенции, не зависящие от конкретного направления подготовки; общепрофессиональные компетенции, определяемые направлением подготовки; профессиональные компетенции, определяемые направленностью (профилем) программы аспирантуры в рамках направления подготовки. Уровень сформированности компетенций оценивается по результатам государственной итоговой аттестации – сдачи государственного экзамена и защиты выпускной квалификационной работы, выполненной на основе результатов научно-исследовательской работы [4, с. 3].

Содержание языковой компетенции рассматривается нами с точки зрения Е. Д. Божович: это психологическая система, включающая два

основных компонента: данные речевого опыта, накопленного в процессах общения и деятельности, и знания о языке, усвоенные в ходе специально организованного обучения [5]. Речевой опыт включает практическое владение родным языком и эмпирические обсуждения наблюдений над ним, сделанные его носителями независимо от специальных знаний о языке.

Языковая компетенция формируется на базе всех видов компетенций, структурированных в стандартах высшего образования, и представляет собой результат освоения языковой системы и овладение сведениями о языковых единицах. На базе языковой компетенции формируется языковая компетентность, представляющая собой систему знаний о единицах языка и правил их употребления – фонем, морфем, слов, фразеологических единств, характеризующихся постоянством структуры, служащих строительным материалом для образования единиц речи – словосочетаний и предложений. Языковая компетентность характеризуется знанием и владением нормами русского языка – орфографическими, пунктуационными, орфоэпическими, грамматическими, лексическими и стилистическими; способствует формированию умений восприятия и создания связных текстов, различных по стилистической и жанровой принадлежности, структурно-языковой организации, целенаправленности и точности выражения мысли.

В учебные планы высшего образования включены дисциплины, способствующие формированию у студентов, магистров и аспирантов языковой компетентности и созданию условий для их успешной социализации. Так, цель изучения дисциплины «Русский язык», относящейся к дисциплинам по выбору вариативной части цикла гуманитарных, социальных и экономических дисциплин, – формирование у студентов основных навыков в области современного русского языка и совершенствование навыков владения русской устной и письменной речью; изучение дисциплины направлено на формирование общекультурной компетенции: «Умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; способность свободно владеть литературной и деловой письменной и устной речью на русском языке, навыками публичной и научной речи; создавать и редактировать тексты профессионального назначения, анализировать логику рассуждений и высказываний» (ОК-2), что немаловажно для формирования языковой компетентности студентов негуманитарного профиля [3, с. 3].

Дисциплины «Русский язык в деловой и научной коммуникации» и «Логика и риторика

научных дискуссий», относящиеся к дисциплинам по выбору вариативной части общенаучного цикла, тоже способствуют повышению уровня лингвистической компетентности магистров, так как направлены на формирование таких умений и навыков, как «способность и готовность к активному общению в научной, производственной и социально-общественной сферах деятельности; способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения; способностью к активной социальной мобильности» (ОК-3) [3, с. 6]. Целью изучения дисциплин является формирование у студентов навыка свободно и грамотно использовать языковые средства в сфере деловых и научных коммуникаций, необходимые для успешной профессиональной деятельности конкурентоспособного специалиста, и коммуникативной компетентности, необходимой для применения научного знания, обмена информацией различного рода.

Дисциплина «Культура устной и письменной научной речи» относится к обязательным дисциплинам вариативной части основной профессиональной образовательной программы и базируется на знаниях, имеющихся у аспирантов при получении второй ступени высшего профессионального образования (специалитет, магистратура). Целью освоения дисциплины является формирование и развитие у аспирантов навыков и умений продуцирования и оформления различных типов научных текстов, коммуникативной компетентности, необходимой для применения научного знания, обмена информацией различного рода, владения профессиональным ораторским языком, логической и риторической культурой мышления. Процесс изучения дисциплины направлен на формирование универсальной компетенции: «Готовность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на государственном и иностранном языках» (УК-4) [4, с. 4] и общепрофессиональной компетенции, определяемой направлением подготовки: «Готовность к преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования [4, с. 4] (ОПК-2)».

Очевидно, что включение гуманитарных дисциплин в программы высшего образования негуманитарных вузов должно способствовать повышению уровня владения всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи.

Как показывает опыт, если в языковой практике студентов закрепились такие орфоэпические «нормы», как *звѣнишь, полѳжить, двоюрѳдный, дѳговор*, или грамматические формы *печенка, одеялка, едь, не трожь, положь, бухгалтеря*,

а в письменных работах набирается немалое количество орфографических, пунктуационных и речевых ошибок, то нужно приложить немало усилий, чтобы добиться изучения языковых норм. Аргумент один: для полноценного функционирования в обществе необходимо формировать себя не просто как личность, а как языковую личность, для чего следует приобретать знания и умения, совершенствовать свою речевую практику. Студенты должны понимать, что знать все нормы невозможно, тем более, если мы не так часто смотрим в словарь, чтобы уточнить, как правильно – включишь или все же включишь, новорѳжденный или новорождѳнный. Но если поставить пред собой цель освоить этот пласт языка, то добиться успехов можно.

Один из механизмов социализации личности студентов – модульная система обучения, которая предполагает несколько видов контроля. Входной показывает уровень владения языком, промежуточная аттестация – уровень освоения содержания модуля, выходной контроль – степень овладения дисциплиной. Оценка знаний и умений студентов с помощью рейтинга предполагает, что повседневная работа по изучению предмета отражается в конечной суммарной оценке и в немалой степени способствует формированию языковой компетентности. Использование рейтинговой аттестационной системы стимулирует регулярную работу студентов, дает возможность поставить объективную итоговую оценку [6, с. 5].

Изучение всех дисциплин – «Русский язык и культура речи», «Русский язык», «Русский язык в деловой и научной коммуникации» – начинается с выявления уровня практического владения родным языком: предлагается поставить ударения в словах, исправить словосочетания, в которых нарушены нормы грамматической сочетаемости, определить лексическое значение слов, записать числительные словами; написать текст под диктовку, сформулировать проблему, поднятую в предлагаемом тексте, выразить свое отношение к поднятой проблеме (для бакалавров); составить связный текст из пяти предложений, дать определение языкового понятия, выразить свое отношение к проблеме, поднятой в высказывании о языке (для магистров); написать эссе на тему, связанную с ролью научного знания в жизни человека, озаглавить его (для аспирантов).

Если результаты входного контроля оказываются невысокими, студенты и аспиранты имеют возможность выполнить работу над ошибками и повысить уровень своей языковой компетентности, но при этом оценка за входной контроль остается прежней. Это мотивирует их к работе над своей речью. Им предстоит выполнять спе-

циальные упражнения, обращаясь к справочным материалам, словарям, проявлять упорство и терпение, чтобы добиться успехов и получить более высокие баллы за следующие проверочные работы [6, с. 5].

Однако, как показывает опыт работы в вузе, успешность процесса социализации не всегда зависит от степени выраженности мотивации, основанной на интересе к профессии, осознанности и целенаправленности выбора специальности обучения, учебной деятельности и последующего трудоустройства. Многие выпускники остаются работать в вузе в качестве преподавателей, и часто приходится слышать такие нарушения, как *генёзис, модуля, согласно приказа*, немало грамматических и лексических ошибок встречается в их методических разработках. Получение высоких баллов студентами тоже не всегда мотивирует их изучать предмет досконально.

Одним из самых действенных, на наш взгляд, механизмов социализации студентов является использование активных (нетрадиционных) форм обучения, призванных формировать у них самостоятельность, профессиональную компетентность, творческую активность, ответственный подход к овладению социальными ролями.

Так, изучая стили русского литературного языка (дисциплина «Русский язык и культура речи»), мы проводим в конце занятия небольшую деловую игру, цель которой – почувствовать себя в роли журналиста, оказавшегося в зоне стихийного бедствия (или другого события, в зависимости от времени года, настроения студентов и прочих факторов). При этом студенты готовят домашнее задание, связанное с изучением теоретического материала, ничего не зная о предстоящем задании. Разобрав особенности публицистического стиля, научившись отличать его от художественного (сравнивая, например, описание наводнения в «Медном всаднике» и Большом энциклопедическом словаре), переживая вместе с героем поэмы трагедию людей, студенты хотят попробовать описать какое-то происшествие. Выбирается ситуация с учётом того, что живо и правдиво можно описать только то, что видишь своими глазами. Какие районы Саратовской области подвергнутся затоплению? Кто живет в этих местах? Оказывается, несколько человек из группы не понаслышке знают, что это такое. Следующий шаг – выбор роли: скорее всего, это пострадавший (но в его роли никому не хочется выступать), очевидец (но сам себе он не будет рассказывать), спасатель или журналист. Итак, роли выбраны: репортаж с места события ведет журналист, при этом он

может взять интервью у одного из спасенных, спасателей или очевидцев, чтобы его материал был более убедительным.

Так в игре реализуются дидактические (постигаются особенности публицистического стиля), развивающие цели (формируются языковые компетентности), происходят осмысление и преобразование речевого опыта студента под влиянием усваиваемых знаний о языке и наполнение и конкретизация знаний о языке, совершенствование навыков монологического и диалогического высказываний, норм культуры речи.

Такое занятие важно завершить награждением, при этом оценивают себя и друг друга все присутствующие. Как правило, победителем оказывается студент, который уже сотрудничает в студенческих журналах, выступает на конференциях, заседаниях студсоветов, т.е. тот, у кого сформирована языковая компетентность. В процессе взаимодействия студенты приобретают социально значимые знания и опыт, вначале бурно, а затем более тактично реагируют на услышанные ошибки, следят за своей и речью окружающих, что является проявлением институционального механизма социализации.

Успешность этого процесса зависит и от степени выраженности мотивации, основанной на интересе к предмету, чему в немалой степени способствует личность преподавателя, творчески относящегося к тому, что он преподает, и пробуждающего у студентов интерес к приобретению знаний. Под интересом в методическом плане мы понимаем такое эмоциональное отношение к предмету, которое вызывает у студентов желание познать изучаемое и стимулирует увлечение им, что выражается в активности на занятии и желании более глубоко изучить тему.

Моделирование научной дискуссии (дисциплина «Русский язык в деловой и научной коммуникации») – один из активных методов, который основан на публичном обсуждении проблемы; цель – выяснение и сопоставление различных точек зрения, нахождение правильного решения спорного вопроса; это метод обучения, повышающий интерес к предмету, интенсивность и эффективность процесса восприятия за счет активного включения обучаемых в коллективный поиск истины.

За две-три недели до занятия магистрам предлагаются примерные темы дискуссии, одна из которых становится предметом обсуждения:

1) Согласны ли вы с тем, что проблемы культуры речи в современном обществе напрямую зависят от состояния языка на данном этапе развития общества, от тех социальных и этических проблем, которые имеются в данном обществе?

2) Согласны ли вы с тем, что без знания основ культуры речи в наше время трудно себе представить подлинного интеллигента?

3) Согласны ли вы с тем, что роль той или иной реплики в развитии научного диалога определяется количеством и характером способов регулирования коммуникативной инициативы?

4) Согласны ли вы с мнением академика Д. С. Лихачева: «Вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит. Язык человека – гораздо более точный показатель человеческих качеств, его культуры».

Дидактическая цель дискуссии – формирование у студентов коммуникативной и языковой компетенции, способов действия, связанных с обращением к справочной и учебной литературе, умений, связанных с ведением дискуссии (правильно формулировать вопрос, давать ответ, подбирая весомые аргументы).

Участие в научной дискуссии обусловлено наряду с необходимостью овладения фондом знаний, общих для людей, профессионально занятых в определённой сфере науки, наличием у личности специфических умений речевого поведения. Научное общение связано с культивированием у участников определённых коммуникативных, логико-психологических и речевых умений и навыков. Умение принимать участие в научной дискуссии зафиксировано в качестве требования для подтверждения всех ступеней научной квалификации: от защиты курсовых работ до защиты докторских диссертаций. Формирование дискуссионных умений речевого поведения в рамках подготовки магистров является важнейшей областью речевого и когнитивного развития.

Такое умение – это и своего рода ключ к успеху в обучении, поскольку формирует ряд компетенций: общекультурных – свободное использование русского языка как средства делового общения; коммуникативных – возможность отвечать на вопросы и задавать их, вести диалог, вступать в учебный диалог с преподавателем, одногруппниками, участвовать в общей беседе, соблюдая правила речевого поведения; регулятивных – умение решать проблемы; познавательных – извлекать информацию, делать логические выводы, строить логическое рассуждение, включающее установление причинно-следственных связей; личностных – давать нравственную оценку ситуации.

Научный диалог, в отличие от монолога, имеет ряд преимуществ:

1) позволяет оперативно обмениваться суждениями по тем вопросам, по которым в науке нет однозначного решения;

2) даёт возможность свободно переходить от изложения одной мысли к другой, даже без видимых связей между ними; это более свободная форма, не требующая строгого подчинения законам научного стиля.

Цель занятия – провести дискуссию, чтобы оценить умение вести диалог на научную тему и убедиться на практике, что в форме вопроса осуществляется постановка новых проблем в науке, с помощью вопросов получают новую информацию в социальной, производственной и ежедневной практике.

Разрешение и углубление проблемы посредством активной совместной деятельности решает ряд задач: осознать свое мнение по обсуждаемому вопросу; выработать уважительное отношение к позиции оппонентов; развить умение осуществлять конструктивную критику существующих точек зрения, включая точки зрения оппонентов; научиться формулировать вопросы и оценочные суждения, вести полемику; работать в группе единомышленников; научить продуцировать множество решений; сформировать навык говорить кратко и по существу, соблюдать правила ведения дискуссии, отстаивая свою правоту.

Условия проведения дискуссии: предметность дискуссии; наличие доброжелательной и открытой атмосферы взаимодействия; готовность участников слушать и слышать иные позиции, иные точки зрения; наличие достаточного объема информации по обсуждаемой проблеме; возможность высказаться; развернутая, корректная аргументация своей позиции; возможность задавать вопросы [7, с. 39].

Практика показывает, что преподавание подобных учебных научных дискуссий помогает студентам, магистрам и аспирантам адаптироваться к среде, близкой к защите курсовой и дипломной работ, магистерской и кандидатской диссертаций, что немаловажно для процесса социализации и социальной адаптации. Таким образом, проблема социализации личности студента, магистра и аспиранта решается различными методами и методиками, при этом важно, чтобы это был целенаправленный процесс двусторонней деятельности преподавателей и студентов по передаче и усвоению знаний.

Список литературы

1. Фалеева Л. В. Вузовская социализация студентов (подходы, структура, факторы, механизмы). URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/6/pedagogika/faleeva.pdf (дата обращения: 03.02.2015).
2. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / сост. Л. И. Скворцов. М., 2009. 1104 с.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования // Приложение к Приказу Министерства образования и науки РФ от 29.03.2010 г. № 243. URL: <http://www.sgau.ru/files/pages/629/13750879930.pdf> (дата обращения: 03.03.2015).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Подготовка кадров высшей квалификации // Приложение к Приказу Министерства образования и науки РФ от 30.07.2014 г. № 870. URL: <http://www.sgau.ru/files/pages/11354/14192438610.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).
5. Божович Е. Д. Учителю о языковой компетенции школьников : психолого-педагогические аспекты языкового образования. М. ; Воронеж, 2002. 288 с.
6. Дмитриева О. И., Орлова Н. М., Павлова Н. И. Русский язык и культура речи : учеб. пособие. Саратов, 2011. 223 с.
7. Русский язык в деловой и научной коммуникации : метод. указания по изучению дисциплины / сост. Н. И. Павлова. Саратов, 2014. 48 с.

Formation of linguistic Competence as a Mechanism for Socialization of the Personality of Graduates, Masters and PhD Students in the Educational Space of the Agricultural University

N. I. Pavlova

Saratov State Vavilov Agrarian University
1, Teatralnaya sqr., Saratov, 410600, Russia
E-mail: pim60@mail.ru

The article is devoted to the process of socialization of a student's personality and the role of the higher educational establishment in this process. The content of high school socialization is a teaching process aimed at the formation of skills, structured in State Educational Standard of Higher Education; of social and cultural environment necessary for the personality socialization; development of personal qualities of the future specialist, competitiveness and demand of which depends on the level of knowledge received by him in basic sciences and in the process of social adaptation. Language competence based on linguistic competence, is the result of the acquiring of the language system and information about linguistic units and it is formed due to the institutional mechanism,

modular system, active teaching methods, teacher's personality.
Key words: language competence, competence, socialization of the personality of students, State Educational Standard of Higher Education, institutional mechanisms, active learning methods, motivation.

References

1. Faleeva L. V. *Vuzovskaya sotsializatsiya studentov (podkhody, struktura, faktory, mekhanizmy)* (High school socialization of students {approaches, structure, factors, mechanisms}). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/6/pedagogika/faleeva.pdf (accessed 3 February 2015).
2. *Bolshoy tolkovyy slovar pravilnoy russkoy rechi: 8000 slov i vyrazheniy* (Great dictionary of the accurate Russian speech: 8000 words and phrases). Coll. L. I. Skvortsov. Moscow, 2009. 1104 p.
3. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego professionalnogo obrazovaniya* (Federal state educational standard of higher and professional education). Available at: <http://www.sgau.ru/files/pages/629/13750879930.pdf>; <http://www.sgau.ru/files/pages/628/13750871000.pdf> (accessed 3 February 2015).
4. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven vysshego obrazovaniya. Podgotovka kadrov vysshey kvalifikatsii* (Federal governmental educational standart of high education. The level of high education. The teaching of high education specialists). Available at: <http://www.sgau.ru/files/pages/11354/14192438610.pdf> (accessed 1 February 2015).
5. Bozhovich E. D. *Uchitelyu o yazykovoi kompetentsii shkolnikov: psikhologo-pedagogicheskie aspekty iazykovogo obrazovaniia* (The teachers about the schoolchildren's language competence. Psychological and pedagogical aspects of language education). Moscow; Voronezh, 2002. 288 p.
6. Dmitrieva O. I., Orlova N. M., Pavlova N. I. *Russkiy yazyk i kultura rechi* (Russian language and speech culture). 4-rd ed. Saratov, 2011. 223 p.
7. *Russkiy yazyk v delovoy i nauchnoy kommunikatsii: metodicheskie ukazaniya po izucheniyu distsipliny*. Sost. N. I. Pavlova (Russian language in business and scientific communication: methodical workbook on discipline learning. Coll. N. I. Pavlova). Saratov, 2014. 48 p.

УДК 378:37.013

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Прошкин Владимир Вадимович –

доктор педагогических наук, доцент, заведующий научно-методическим центром исследований, научных проектов и программ, Киевский университет им. Б. Гринченко
E-mail: v.proshkin@kubg.edu.ua, proshkin-vl@mail.ru

В статье рассмотрены основные аспекты привлечения будущих магистрантов педагогического образования к научно-исследовательской работе как ведущей тенденции их профессиональной подготовки. Указано, что ведущая роль в координации научной работы магистрантов отводится научному обществу, которое является частью системы общественного самоуправления в университете и объединяет молодых ученых, участвующих в научно-организационной и исследовательской работе кафедральных проблемных групп, научных структурных подразделений (центров, лабораторий) и др. Выделены цели, задачи, принципы и функции научного общества магистрантов, описаны основные направления его деятельности. Разработаны мотивационно-ценностный критерий как своеобразный измеритель эффективной профессиональной подготовки будущих магистров педагогического образования, а также его показатели. Представлены результаты эксперимента, которые свидетельствуют о том, что большинство из опрошенных магистрантов имеет средний, а также низкий уровень показателей. Указаны приемы, которые используются с целью повышения мотивации будущих магистров к научно-исследовательской работе.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, будущий магистр, педагогическое образование, научное общество, мотивация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-116-120

Современные тенденции профессиональной подготовки магистрантов педагогического образования свидетельствуют о том, что выпускник вуза должен обладать не только глубокими знаниями по избранной специальности, но еще и умениями инновационного характера, навыками научно-исследовательской деятельности. В перечне и содержании задач, которые решает магистр, делается акцент на организации и проведении поисковых и учебных семинаров, экспериментальной апробации инновационных технологий, анализе основных закономерностей, тенденций развития и решения психолого-педагогических проблем. Все это приводит к пониманию того, что привлечение магистрантов к активной научной исследовательской работе (далее – НИР) как ведущей тенденции их профессиональной подготовки может быть реализовано через принципиальное переосмысление роли науки в университете.

Анализ имеющегося фонда диссертационных работ свидетельствует о том, что процесс

профессиональной подготовки будущих магистров педагогического образования недостаточно часто выступает объектом современных исследований. В качестве основного ориентира наших научных поисков выступает исследование С. Сыроевой, в котором представлены теоретические и методические основы творческого развития специалистов в условиях магистратуры. Ценными для нас являются взгляды автора о том, что магистратура успешно развивается там, где существуют мощная научно-педагогическая инфраструктура и научные школы с широким аспектом научных направлений [1, с. 126].

Кроме того, учеными изучены основные проблемы института магистратуры в вузе: общие аспекты подготовки будущих магистров (В. Берека, С. Витвицкая, Н. Оськина, А. Светлорусова, Р. Цокур), магистерское образование в зарубежных странах (С. Бурдина, Т. Данилишена), формирование психолого-педагогической, коммуникативной и других компетентностей у магистрантов (О. Гура, И. Козич, Л. Литовченко, Н. Титаренко).

Целью статьи является изучение университетской научно-исследовательской работы как современной тенденции профессиональной подготовки магистрантов педагогического образования. Статья выполнена в рамках научной темы «Философские, образовательные и методические принципы компетентностного личностно-профессионального многопрофильного университетского образования», которая разрабатывается в Киевском университете имени Б. Гринченко.

Научно-исследовательская работа магистрантов является обязательной, неотъемлемой частью подготовки квалифицированных специалистов в современном университете как неразрывная составляющая образовательного процесса. Развитие системы НИР магистрантов является важнейшей функцией системы высшего образования и ведущей деятельностью университета как образовательного учреждения.

Эффективность подготовки будущих магистров педагогического образования в значитель-

ной степени зависит от того, насколько этой цели отвечает организация научно-исследовательской работы. В университете для обеспечения функционирования НИР привлекают ученый совет, ректорат, совет научного общества, кафедры, научные структурные подразделения, организационные комитеты научных мероприятий. Выделим их основные функции: методическое и организационное руководство НИР; подготовка, проведение, координация научных мероприятий, учет и анализ их результатов; изучение, внедрение опыта организации НИР.

Ведущая роль в координации научной работы магистрантов педагогического образования отводится научному обществу, которое является частью системы общественного самоуправления в университете и объединяет молодых ученых, участвующих в научно-организационной и исследовательской работе кафедральных проблемных групп, научных структурных подразделений (центров, лабораторий) и др.

Научное общество объединяет магистрантов, занимающихся научно-исследовательской работой независимо от ее направлений и форм. Участвовать в деятельности научного общества может любой магистрант, который проявляет способности к науке. Существуют структурные единицы научного общества: сектор науки студенческого парламента (сената, старостата, студенческого ректората, деканата, совета); отделения научного общества, объединяющие проблемные научные группы по профилю; институтский сектор научного общества, отвечающий за научную работу магистрантов отдельных институтов (факультетов) и др.

Целью деятельности научного общества магистрантов педагогического образования является создание условий для раскрытия их научно-педагогического и креативного потенциала, развития научно-педагогического мышления и навыков исследовательской работы, популяризации в университете педагогической науки.

Анализ современных научных источников позволяет указать наиболее значимые задачи научного общества:

- привлечение магистрантов к научно-исследовательской работе, повышение ее качества;
- помощь в освоении и углубленном изучении дисциплин учебного плана с целью приобретения практического опыта работы;
- овладение современными методиками и навыками проведения самостоятельных научных исследований;
- повышение мотивации магистрантов для решения конкретных практических проблем педагогического образования;

- поиск и поддержка талантливых магистрантов-исследователей, предоставление им всесторонней помощи;

- создание благоприятных условий для участия магистрантов в мероприятиях, подразумевающих научную конкуренцию (конкурсах, олимпиадах, конференциях).

Выделим основные принципы организации научно-исследовательской работы магистрантов: свобода научного творчества; добровольность, коллегиальность, открытость; органичная связь обучения и научно-исследовательской работы; повышение научного потенциала университета и воспитание научно-педагогических кадров.

Современные исследователи отмечают функции научно-исследовательской работы магистрантов:

- учебная: спецификой научно-исследовательской деятельности магистранта является ее учебный характер; выполняя исследование, магистрант получает необходимые методологические знания и умения;

- личностно-развивающая: в процессе исследования формируются креативные способности, научно-педагогическое мышление;

- социально-компетентностная: технология самостоятельного научного исследования и развитые креативные способности повышают профессиональную компетентность магистранта, уровень его соответствия социальным требованиям [2, с. 372].

Рассмотренные цели, задачи, принципы и функции позволяют нам обобщить и выделить основные направления деятельности научного общества: организация работы магистрантов в научных подразделениях; проведение научных конференций, семинаров, выставок, круглых столов, лекций, дебатов, интеллектуальных игр, встреч с известными учеными, презентаций исследовательских проектов; подготовка и издание научных трудов; участие в разработке и реализации исследований, результаты которых могут быть предложены для внедрения организациям, учреждениям, предприятиям; информирование о научных мероприятиях; проведение конкурсов научных работ для получения грантов, а также других мероприятий, стимулирующих научные исследования.

В соответствии с выделенными направлениями в университетах широко используются виды НИР: индивидуальные, массовые, мероприятия, подразумевающие научную конкуренцию. Интересен опыт зарубежных стран по организации научной работы магистрантов: пропедевтические научно-методологические курсы и семинары (Германия, Чехия); работа над проектами ис-

следовательского характера (США, Германия, Канада, Япония); обучение на проблемно ориентированных курсах (Германия, Франция, Англия); работа в малых исследовательских группах (США, Япония); разные формы практики, зачетных и других мероприятий, ориентированных на решение конкретных проблемных заданий (страны Западной Европы).

Научно-исследовательская работа магистранта включает её исполнение в рамках учебных дисциплин и во внеаудиторное время, научно-исследовательскую и научно-педагогическую практику, а также подготовку магистерской диссертации. Рассмотрим формы образовательного процесса, в рамках которых магистрантов привлекают к научно-исследовательской деятельности: учебные аудиторские занятия (лекции, лабораторные, практические, семинарские занятия, консультации, индивидуальные занятия); самостоятельная работа; научно-исследовательская работа на кафедре; мероприятия по контролю (модульные работы, доклады на научных и методических семинарах, подготовка и защита рефератов, отчетов, публикация результатов научной работы, государственная аттестация, квалификационная магистерская работа).

Особое значение приобретает организация практических занятий, которые предусматривают взаимодействие и активное общение равноправных участников (семинар-круглый стол, семинар-дискуссия, семинар-исследование, работа в команде, выступление на мини-конференции). Дополняя мнение Е. Игнатюк [3], отметим, что на практических занятиях магистранты приобретают опыт коллективной командной работы, развивают креативность, личностную ответственность, коммуникативные, организаторские, лидерские качества, учатся презентовать результаты работы и отстаивать собственную позицию.

Если говорить об отчетности, заслуживает внимания опыт Е. Бражник, которая выделяет портфолио – индивидуальную подборку материалов, подтверждающих наличие проделанной образовательной и научной деятельности. Под портфолио автор понимает способ фиксации, накопления, оценки и самооценки индивидуальных достижений в процессе усвоения дисциплины [4, с. 13]. В портфолио могут быть представлены конспекты, тезисы, доклады, презентации; программы констатирующего и формирующего этапов эксперимента; статьи по материалам исследования; письменный отзыв заказчика НИР (кафедры или научного структурного подразделения).

Все выделенные формы НИР реализуются в контексте выполнения магистерской работы,

которая свидетельствует о соответствующем уровне профессионального образования. Мы полностью поддерживаем мнение С. Сысоевой о том, что важной задачей при подготовке магистров является создание такой магистерской программы, которая объединяет обучение, научное исследование и инновационную деятельность [1, с. 130].

Требования по содержанию, креативному характеру, теоретической и практической значимости результатов магистерской работы являются более высокими, чем требования к бакалаврской работе. Темы исследований определяет кафедра, хотя магистрант может сам предложить тему, если должным образом обоснует ее целесообразность. Научно-исследовательская работа магистрантов направлена на выявление закономерностей, явлений и процессов. В этой работе можно выделить этапы: выбор тематики; выдвижение гипотезы и постановка задач; констатация и обработка данных; обсуждение результатов, проверка гипотезы; оформление и презентация результатов.

Для реализации выделенных этапов важно формирование определенных компетенций: вести библиографическую работу с использованием информационных технологий (форумов, глоссариев, интерактивных семинаров и др.), решать задачи, возникающие в процессе научно-педагогической работы, выбирать необходимые методы исследования (модифицировать существующие и разрабатывать новые), обрабатывать полученные результаты, анализировать и презентовать их в виде докладов и статей [4, 5].

Магистерская работа ориентирована на расширение теоретических знаний профессиональной подготовки; систематизацию и самостоятельный анализ современных подходов к решению педагогических задач, связанных с новейшей интерпретацией научных проблем; углубление знаний по смежным наукам; дальнейшее совершенствование умений и навыков самостоятельной работы с научной литературой; выявление тенденций и закономерностей исследуемых процессов; формирование умений самостоятельного определения объектов и этапов магистерского исследования, обоснования системы мероприятий, необходимых для решения теоретических и прикладных задач; развитие умений самостоятельно формулировать обобщения полученных результатов, разрабатывать научно-практические рекомендации по совершенствованию учебно-воспитательной работы в образовательных учреждениях.

Защита выпускной квалификационной работы определяет уровень теоретической и

практической исследовательской подготовки будущего магистра педагогического образования к профессиональной деятельности (знание современной проблематики исследуемого процесса и истории развития определенной научной проблемы; наличие конкретных специфических знаний по научной проблеме, исследуемой магистрантом; умение практически осуществлять научные исследования, экспериментальные работы и др.).

В ряде вузов действует успешная практика зачисления в аспирантуру магистратов, которые имеют наиболее значимые научные достижения, что способствует повышению их мотивации к научной работе.

Мотивационно-ценностный критерий является своеобразным измерителем эффективной профессиональной подготовки магистрантов. Мы рассматриваем его в качестве совокупности мотивов личности магистранта и важнейшей характеристики его способности к научной деятельности.

Нами разработаны показатели данного критерия:

- интерес к познанию на основании личностных потребностей;
- понимание ценности науки, значимости научно-исследовательской работы для современного педагога;
- осознание необходимости формирования исследовательской компетентности как необходимого и важнейшего компонента университетской подготовки;
- личностный смысл в научно-исследовательской деятельности, удовлетворенность собственной научно-исследовательской работой;
- стремление в достижении весомых научных результатов.

Результаты эксперимента, который проходил в девяти университетах Украины на протяжении 2012–2014 гг. (выборка составляет 440 магистрантов), свидетельствует, что большинство из опрошенных имеет средний (46,4%), а также низкий (44,2%) уровень показателей. Большинство будущих магистрантов педагогического образования не проявляет особого интереса к научной работе на основании личностных потребностей, считает, что наука не является важнейшей частью профессии педагога. Магистранты недостаточно убеждены в необходимости развития исследовательской компетентности, у некоторых имеется личностный смысл в научной деятельности, но не все получают удовольствие от собственной научно-исследовательской работы, стремятся достичь научных результатов лишь в рамках учебных дисциплин.

Как видим, проблема повышения мотивации магистрантов к научно-исследовательской работе весьма актуальна и требует разрешения. Важным для нашего исследования является вопрос определения механизмов поощрения магистрантов, которые занимаются научно-исследовательской работой. Были получены следующие ответы:

1) предоставлять преимущество наилучшим магистрантам при поступлении в аспирантуру (39,9%);

2) оплачивать публикации, научные командировки магистрантов, которые активно занимаются наукой (31,5%);

3) учитывать результаты научной деятельности в процессе изучения учебных дисциплин (28,6%).

В современных педагогических исследованиях предлагают с целью повышения мотивации будущих магистров к научной работе использовать следующие приемы: 1) создание позитивной эмоциональной атмосферы в процессе научно-исследовательской работы; 2) реализация взаимодействия между субъектами университетской подготовки; 3) повышение интереса к проведению научного исследования, учебному познанию; 4) разъяснение социальной значимости научно-исследовательской работы для личностного и профессионального роста; 5) обеспечение информационной осведомленности об инновациях педагогической науки, событиях научной жизни.

Таким образом, организацию образовательного процесса на исследовательской основе мы рассматриваем в качестве важнейшей современной тенденции профессиональной подготовки магистрантов педагогического образования. Ведущая роль в координации научной работы магистрантов отводится научному обществу. Научно-исследовательская работа магистрантов включает деятельность в рамках учебных дисциплин и во внеаудиторное время, научно-исследовательскую и научно-педагогическую практику, а также подготовку магистерской работы. Наиболее разработанными являются формы и методы организации научной работы индивидуального характера в контексте проведения магистерского исследования, подготовки научных статей и докладов на конференциях, участия в конкурсах научных работ. Механизмы привлечения магистрантов к участию в коллективных формах научно-исследовательской работы разработаны не до конца. Требуют разработки новые механизмы повышения мотивации магистрантов к научно-исследовательской работе. Все это открывает перспективы наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Сисоева С. О. Творчий розвиток фахівців в умовах магістратури : монографія. Київ, 2014. 400 с.
2. Граничина О. А., Сурикова С. В. Научно-исследовательская работа в системе подготовки магистранта по направлению «Педагогическое образование» // Герценовские чтения. Начальное образование. 2013. Т. 4, № 1. С. 369–378.
3. Ігнатюк О. А. Дидактичні особливості формування готовності до науково-педагогічної діяльності магістрантів спеціальності «Педагогіка вищої школи»// Теорія і практика управління соціальними системами. 2014. № 2. С. 45–51.
4. Бражчик Е. И. Организация научно-исследовательской работы магистрантов-социальных педагогов // Вестн. Тюмен. обл. гос. ин-та развития регионального образования. 2013. № 3 (27). С. 12–13.
5. Кудakov О. Р., Хомочкина С. А. Формирование исследовательской компетенции у магистрантов первого года обучения // Вестн. Казан. гос. энергетического ун-та. 2009. № 2 (2). С. 113–123.

Modern Tendencies of Training Masters of Pedagogical Education

V. V. Proshkin

Borys Grinchenko Kyiv University
18/2, Bulvarno-Kudryavska str., Kyiv, 04053, Ukraine
E-mail: v.proshkin@kubg.edu.ua, proshkin-vl@mail.ru

An article deals with main aspects connected with future masters of pedagogical education involvement to research work as leading tendency of their professional training. It has been pointed that the chief role in coordination of masters' research work belongs to scientific society which is a part of administrative system at university which unites young researchers, who take part in research and organizational work inside department problem groups, scientific structural subdivisions (centers, laboratories) etc. Aims, tasks, principles and functions of masters' scientific society have been singled out. The main activity area is described. Motivational and value criterion and its rates as peculiar measurer of effective professional training of

future masters of pedagogical education and have been worked out. The results of experiment which indicates that majority of masters have middle and low level rate have been represented. Methods which are used with the aim of increasing motivation among future masters to research work have been pointed out.

Key words: professional training, future master, pedagogical education, scientific society, motivation.

References

1. Sisoeva S. O. *Tvorchiy rozvytok fahivciv v umovah magistratury* (Students' creative development in terms of magistracy). Kiev, 2014. 400 p.
2. Granichina O. A., Surikova S. V. Nauchno-issledovatel'skaya rabota v sisteme podgotovki magistranta po napravleniyu «Pedagogicheskoe obrazovanie» (Research work in the system of undergraduate's training who studies «Pedagogical education»). *Gercenovskie chteniya. Nachalnoe obrazovanie* (Herzen's readings. Primary education), 2013, vol. 4, no. 1, pp. 369–378.
3. Ignatyuk O. A. Dydaktychni osoblyvosti formuvannya gotovnosti do naukovo-pedagogichnoy diyalnosti magistrantiv specialnosti «Pedagogika vyshhoi shkoly» (Didactic peculiarities of masters' readiness to scientific and pedagogical activity in terms of «Pedagogy of higher education»). *Teoriya i praktika upravlinnya socialnymi sistemami* (Theory and practice of social system management), 2014, no. 2, pp. 45–51.
4. Brazhnyk E. I. Organizatsiya nauchno-issledovatel'skoy raboty magistrantov-sotsialnykh pedagogov (Organization of masters' research work who are students of social pedagogy specialty). *Vestn. Tyumen. obl. gos. in-ta razvitiya regionalnogo obrazovaniya* (Bulletin of Tyumen Region State Institute for the development of regional education), 2013, no. 3 (27), pp. 12–13.
5. Kudakov O. R., Homochkina S. A. Formirovanie issledovatel'skoy kompetentsii u magistrantov pervogo goda obuchenija (Masters of first year education and their formation of research competence). *Vestn. Kazan. gos. energeticheskogo un-ta* (Bulletin of Kazan State Power Engineering University), 2009, no. 2 (2), pp. 113–123.

УДК 378.14

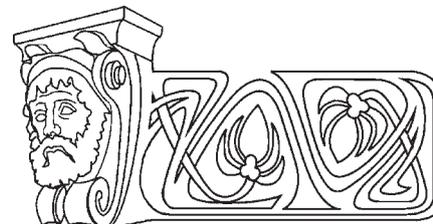
БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ – НОВЫЙ ПРОФИЛЬ ПОДГОТОВКИ В РАМКАХ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Тимушкин Александр Владимирович –

доктор педагогических наук, профессор, декан факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: timushkin-box@rambler.ru

Тимушкина Нина Викторовна –

кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: timushkina.nina@mail.ru

В статье показана необходимость подготовки педагогических кадров для преподавания безопасности жизнедеятельности лицам с ограниченными возможностями здоровья. Предложена основная образовательная программа бакалавриата по профилю «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья», позволяющая внедрить в теорию и практику высшего образования принципиально новую модель освоения основных знаний и умений профессиональной подготовки педагогов для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья. В профессиональный блок учебного плана включены 14 уникальных, ранее не читаемых учебных дисциплин, 12 учебных дисциплин, все программы учебных, педагогических и производственных практик адаптированы с профиля «Безопасность жизнедеятельности» к профилю «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья». Подготовка студентов по данной программе значительно повысит профессиональную востребованность педагога, работающего по профилю «Безопасность жизнедеятельности» на современном рынке труда.

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, культура безопасного поведения, ограниченные возможности здоровья, основная образовательная программа бакалавриата, учебная дисциплина, профессиональная подготовка педагога.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-121-124

Учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» прочно вошла в учебные планы большинства направлений и профилей системы общего, среднего специального и высшего образования. Содержание этого учебного предмета составляют различные виды опасностей, процедура их идентификации, разработка мер профилактики опасностей, средства и методы защиты человека и сохранения его жизнедеятельности, защита человека от влияния последствий явления чрезвычайного характера. Основами безопасности жизнедеятельности должен владеть любой человек, начиная с первых лет своей жизни.

В настоящее время тысячи людей погибают, заболевают или становятся инвалидами от воздействий опасностей природного, техногенного, биологического, экологического, антропогенного, социального характера. В связи с этим «безопасность жизнедеятельности», понимаемая как организация деятельности человека, при которой исключается или сводится к минимуму проявление опасностей, обособилась как учебная дисциплина, область научных исследований, специальность и профиль бакалавриата в рамках направления «педагогическое образование».

Безопасность жизнедеятельности формирует систему знаний, направленных на предотвращение или снижение различных видов опасностей, угрожающих человеку, их влияния на здоровье, и разрабатывает комплекс средств и методов обеспечения безопасности. В процессе обучения безопасности жизнедеятельности обеспечивается готовность к различным стихийным бедствиям, авариям и катастрофам, умение снизить и ликвидировать их последствия, формируются безопасная идеология, поведение и мышление [1].

Проблемы безопасности жизнедеятельности, сохранения здоровья населения страны вышли сегодня на уровень национально значимых. «Безопасность жизнедеятельности» входит в состав дисциплин базовой части Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата), в ходе реализации которого обеспечивается формирование, по крайней мере, двух компетенций: способность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций (ОК-9) и готовность к обеспечению охраны жизни и здоровья обучающихся (ОПК-6).

В настоящее время повышенное внимание уделяется подготовке специалистов, ориентированных на охрану труда и обеспечение безопасности производств и сфер деятельности человека в условиях повышенного риска, и статус таких специалистов достаточно высок.

Большое значение в гуманизации образования имеет реализация принципа равных возможностей для всех категорий обучающихся, обеспечение возможности получения востребованной в обществе профессии, социализации и интеграции в обществе. В этом аспекте имеет особое значение овладение социально значимой процессией, акцентированной на работе с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, что является признанием их права на независимое безопасное существование и обеспечивает возможность социализации и самоопределения в социуме [2].

Министерство образования и науки РФ оценивает количество детей с ограниченными возможностями здоровья как 4,5% от общего числа детей в стране. В докладе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации отмечается, что среди подростков, прошедших углубленную диспансеризацию, имеют первую группу здоровья 16,4%, вторую – 54,3%, 24,2% – третью, т.е. у них хронические заболевания, четвертую и пятую группу здоровья (инвалидизирующие заболевания) имеют 5,1% детей. По данным Пенсионного фонда Российской Федерации, в стране насчитывается 571,5 тыс. детей-инвалидов [3]. В эту категорию относят детей, имеющих врожденные аномалии, расстройства психики и поведения, детей-инвалидов вследствие болезней нервной системы и различных новообразований. В настоящее время в Саратовском регионе проживают более 6 тыс. детей-инвалидов, из них более 5 тыс. – дети с ограниченными возможностями здоровья, воспитывающиеся и обучающиеся в различных образовательных учреждениях [4].

Государственная политика в отношении этой категории детей направлена на предоставление им равных возможностей с другими гражданами в реализации прав, предоставляемых Конституцией Российской Федерации в образовательной, экономической, политической, социальной и культурной областях [3].

Зачастую отсутствие четкого определения приводит к тому, что термин «ограниченные возможности здоровья» воспринимается равнозначным термину «инвалиды», тогда как официальная статистика свидетельствует, что детей, имеющих ограниченные возможности здоровья, намного больше. Инвалидом является человек,

имеющий документ установленного образца, полученный на основании экспертной оценки по результатам специальной процедуры. Человек с «ограниченными возможностями здоровья» – более широкое понятие, включающее в эту группу не только инвалидов, но и людей, имеющих физический и (или) психический недостатки, препятствующие освоению образовательных программ без создания специальных условий для получения образования. К этой категории могут быть отнесены люди, имеющие: временный или постоянный недостаток в развитии и (или) функционировании какого-либо органа человека; хроническое соматическое или инфекционное заболевание; психическое отклонение от нормального развития, включающее в себя нарушение речи, эмоционально-волевой сферы, в том числе аутизм; последствие повреждения мозга, а также нарушение умственного развития, в том числе умственная отсталость; задержка психического развития, создающая трудности в обучении, и т. п.

Вышеизложенное свидетельствует, что формирование культуры безопасности жизнедеятельности для людей с ограниченными возможностями здоровья является особо актуальным и обосновывается следующими обстоятельствами:

- недостаточный уровень общего образования, просвещения и эрудиции приводит, как следствие, к низкой культуре безопасности жизнедеятельности;

- возникновение новых угроз безопасности жизнедеятельности в бытовой, социальной, техногенной, экологической сферах требует постоянного пополнения знаний о способах профилактики и противодействия опасностям и обеспечения личной безопасности;

- эффективность процесса формирования культуры безопасного поведения лиц с ограниченными возможностями здоровья во многом зависит от наличия специально разработанной программы обучения, адаптированной к особенностям данной категории обучаемых, и наличия педагогов, специально подготовленных к реализации данной программы обучения.

В условиях вузовского обучения нужна специальная подготовка педагогических кадров, знающих основы специальной педагогики и психологии, имеющих четкое представление об особенностях психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, владеющих методиками разработки индивидуальных образовательных программ и практическими навыками организации учебного процесса для таких детей. Для эффективной реализации учебного курса необходимо применение современных

технологий, приемов, методов, форм организации учебной работы, адекватных возможностям и потребностям обучающихся, а также адаптация содержания учебного материала к возможностям ребенка с ОВЗ [5].

Нами разработана и предложена для преподавания основная образовательная программа бакалавриата по профилю «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья» в рамках направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование». Продолжительность реализации программы 4 года для слушателей очной формы обучения и 5 лет – для слушателей заочной формы обучения.

Данная программа позволяет внедрять в теорию и практику высшего образования принципиально новую модель освоения основных знаний и умений профессиональной подготовки педагогов для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Овладение данными знаниями и умениями значительно повышает профессиональную востребованность личности и создаёт уникальные конкурентные преимущества для педагогов, работающих по профилю «Безопасность жизнедеятельности» на современном рынке труда.

Освоение основной образовательной программы (ООП) бакалавриата по профилю подготовки «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья» предполагает получение полного высшего образования на базе изучения: обеспечения личной безопасности лиц с ограниченными возможностями здоровья; опасных ситуаций техногенного, природного, социального характера и защиты от них лиц с ограниченными возможностями здоровья; основ обороны государства и военной службы; анатомии, физиологии и патологии сенсорных систем лиц с ограниченными возможностями здоровья; методики обучения и воспитания по профилю подготовки «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья»; оздоровления лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Для получения всего этого объема знаний нами были разработаны 14 уникальных, ранее не читаемых учебных дисциплин, таких как: «Консультационная работа с родителями (опекунами) лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Профилактика медиазависимости у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья»; «Обеспечение личной безопасности лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Комплексная реабилитация лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Психология ребенка с ограниченными возможностями здоро-

вья»; «Профилактика и коррекция одиночества у лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Анатомия, физиология и патология сенсорных систем лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Риски социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья» и другие.

Двенадцать учебных дисциплин профессионального блока адаптированы с профиля «Безопасность жизнедеятельности» к профилю «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья», в том числе такие учебные дисциплины, как: «Психологические основы безопасности лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Безопасный отдых и туризм для лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Безопасность на дороге и в общественном транспорте лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Криминальные опасности и защита от них лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Рациональная организация жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья»; «Охрана труда на производстве и в учебном процессе лиц с ограниченными возможностями здоровья» и другие. Все программы учебных, педагогических и производственных практик адаптированы с профиля «Безопасность жизнедеятельности» к профилю «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья».

На наш взгляд, подготовка педагогических кадров в этой области позволит решить важную социальную задачу формирования культуры безопасного поведения лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве учебных заведений различного уровня.

Список литературы

1. Викулов А. В. Подготовка учителей безопасности жизнедеятельности как фактор предупреждения чрезвычайных ситуаций // Уч. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2010. Т. 3, № 2. С. 83–86.
2. Викулов А. В. Переосмысление ценностей как основа духовного возрождения человека // Уч. зап. Пед. ин-та Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2009. Т. 2, № 3–4 (7–8). С. 94–96.
3. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/69> (дата обращения: 11.03.2015).
4. В области проживают 6,2 тысячи детей-инвалидов. URL: <http://news.sarbc.ru/main/2014/09/12/159114.html> (дата обращения: 12.03.2015).

5. Организация специальных образовательных условий для детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных учреждениях : метод. рекомендации / отв. ред. С. В. Алехина. М., 2012. 92 с.

Life Safety of People with Disabilities – a New Training Profile within the «Pedagogical Education»

A. V. Timushkin, N. V. Timushkina

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karla Marksa str., 412300, Saratov region, Balashov, Russia
E-mail: timushkin-box@rambler.ru

The paper shows the necessity of training teachers for teaching life safety to people with disabilities. The authors offer the basic educational program for bachelors for the profile «Life safety of people with disabilities» that allows introducing a new model of studying the basic knowledge and skills of professional training of teachers into the theoretical and practical work in the sphere of higher education. This model allows them working with people with disabilities. Professional module of the curriculum includes 14 unique subjects that were not taught before as well as 12 other subjects and all the programs of practical trainings of students, which were adapted to the profile «Life safety of people with disabilities». The training of students within this program will substantially enhance professional relevance of the life safety teachers in the modern labour market.

Key words: life safety, culture of safe behavior, disabilities, main educational program of a bachelor degree, university subject, professional training of teachers.

References

1. Vikulov A. V. Podgotovka uchiteley bezopasnosti zhiznedeyatelnosti kak factor preduprezhdeniya chrezvychaynykh situatsyy (Training of life safety teachers as a factor of preventing emergency situations). *Uch. zap. Ped. in-ta SGU im. N.G.Chernyshevskogo. Ser. Psikhologiya. Pedagogika* (Academic Articles of Pedagogical Institute. Ser. Psychology. Pedagogy), 2010, vol. 3, no. 2 (10), pp. 83–86.
2. Vikulov A. V. Pereosmyslivanie tsennostey kak osnova dukhovnogo vozrozhdeniya cheloveka (Rethinking of values as the basis of spiritual revival of the man). *Uch. zap. Ped. in-ta SGU im. N. G. Chernyshevskogo. Ser. Psikhologiya. Pedagogika* (Academic Articles of Pedagogical Institute. Ser. Psychology. Pedagogy), 2009, vol. 2, no. 3–4 (7–8), pp. 94–96.
3. *Gosudarstvennyy doklad o polozhenii detey i semey, imeyushchikh detey, v Rossiyskoy Federatsii* (State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation). Available at: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/69> (accessed 11 March 2015).
4. *V oblasti prozhivayut 6,2 tysyachi detey-invalidov* (6,2 thousand of children with disabilities live in the Region). Available at: <http://news.sarbc.ru/main/2014/09/12/159114.html> (accessed 12 March 2015).
5. *Organizatsiya spetsialnykh obrazovatelnykh usloviy dlya detey s ogranichennymi vosmozhnostyami zdorovya v obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniyakh: metod. rekomendatsii* (Organization of special educational conditions for children with disabilities in the institutions of secondary education: methodical recommendations). Ed. by S. V. Alekhina. Moscow, 2012. 92 p.